

ДооМ: Эндшпиль

1

Корабль был 3.7 километра в длину, и я излазил каждый его уголок, пытаюсь понять, откуда исходят все эти скрипы и стоны. Они не удивляли меня – ничего менее кошмарного от пришельцев Фредов я не ожидал. Они пришли к нам в обличье демонов, играя на глубинных страхах человечества – юнгианском коллективном... неважно, как его там. Арлин должна знать. Скрипы наводили меня на мысль, что корабль разваливается по швам. Ну, или что вся вселенная вокруг постепенно улетает в тартарары. Я расхаживал по сырым, покрытым плесенью коридорам – слишком высоким, слишком узким, чертовски жарким – и слушал, как вселенная сходит с ума.

терять больше нечего - я уже потерял все что мог. В основном я гулял по кораблю, чтобы присматривать за призраком моего исполнительного офицера, младшего капрала Арлин Сандерс, которая таяла у меня на глазах. Никому не позволено сходить с ума в присутствии сержанта Флинна Таггарта – по крайней мере, без моего приказа. Арлин это не волновало – она сидела на смотровой площадке в хвостовой части корабля, скрестив ноги и глядя на расплывчатый комок света, в котором слились все звезды в галактике – релятивистский эффект или что-то вроде того. Она сидела, немигающим взором выискивая в этом комке нашу родную Землю – точнее, ту Землю, какой она была двести лет тому назад.

Звучит безрадостно. Арлин уже три дня не меняла форму, и я начинал чувствовать запашок, исходивший от нее. Я не хотел мешать ей тосковать, ведь она в каком-то смысле потеряла своего возлюбленного. Пока мы будем добираться до мира Фредов, надирать им зад и возвращаться, на Земле пройдет две сотни лет. Капрал Альберт Галлатин уже целый век будет лежать в могиле. Для Арлин он был уже мертв.

Не позволяйте никому обмануть вас: космос – одинокое место. Разумеется, можно летать с друзьями и боевыми товарищами, но это только подчеркивает пустоту пространства за пределами корабля. Ты все равно чувствуешь, как мерзкие мыслишки скребутся в мозгу, выискивая слабости и страхи, на которые могут надавить.

Мы пытались играть друг с другом, чтобы хоть на время забыть про одиночество. Моей любимой игрой была «горе мне»: мы с Арлин рассказывали друг другу свои личные проблемы, соревнуясь, чьи комплексы окажутся более угнетающими. Часами напролет мы составляли бесконечные списки причин, по которым нам стоит просто открыть люк и сгинуть в межзвездной пустоте. Я всегда выигрывал – не потому что у меня больше причин страдать, чем у Арлин, а потому что у меня больше опыта жаловаться на что-то.

- Я потеряла свою любовь, - ныла она.

- У тебя она хотя бы была! – парировал я. – Все, что было у меня – невеста, и я даже не уверен, что знал ее второе имя.

Сэрс и Робак - наша веселая парочка с Клэйва - в игре не участвовали. Они заперлись в кабине и не выходили наружу. Мы их даже лестью оттуда вытянуть не могли. А потом Арлин стала выигрывать без боя: она была слишком подавлена, чтобы играть. Она просто сидела и смотрела в заднее окно.

Корабль Фредов напоминал цилиндр, вращающийся вокруг своей оси и создающий искусственную гравитацию около 0.8g. В первые дни, пока корабль разгонялся до нужной скорости, гравитация была куда больше. Это просто Божья благодать. Никогда не любил невесомость, никогда. У меня кружилась голова и меня постоянно тошнило. Я не мог понять, где верх, а где низ, потому что ни верха, ни низа не существовало.

Он был 3.7 километра длиной и примерно 0.375 километра в диаметре, по моим прикидкам. Я чувствовал себя не лучшим образом – мое внутреннее ухо никогда не смогло бы адаптироваться под такие условия. Однако ж это куда лучше, чем жизнь в стиле «пльви и блюй», какая была у нас на пути к Земле с Марса или к Фобосу.

Последние двадцать четыре часа я всюду следовал за Арлин, пока она брела сквозь темноту и мерцающий свет. Весь корабль был ужасен на вкус – он так сильно вонял, что я буквально чувствовал его смрад на языке.

Арлин понимала, что я рядом, но не пыталась заговорить со мной. Временами я слышал выстрелы. Мне казалось, что она палит по «мертвым» тела Фредов. Я не мог в это поверить. Она ведь знала, что

они до сих пор могут чувствовать боль! А потом я застал ее разряжающей свою винтовку в нарисованную мелом фигуру в форме человека, которую она намалевала на перегородке в каюте, что раньше принадлежала корабельному инженеру – Фреду, которого мы нейтрализовали на мостике наверху.

- Какого черта ты творишь, АС? – потребовал я объяснений.

- Стреляю, - ответила она, со скукой глядя на меня. Она провела руками по стволу винтовки, измазав руки в оружейной смазке.

- Ты в стальную перегородку стреляешь, дура! Как ты думаешь, куда полетят пули, отскочив от нее?

Арлин промолчала. Ее еще не задело рикошетом, но если она продолжит стрельбу, это лишь вопрос времени.

Через две минуты после моего ухода я снова услышал выстрелы. Хотя впоследствии Арлин это отрицала.

Я вернулся на мостик для очной ставки с «мертвым» капитаном Фредов. Они не похожи на нас. Точнее, это мы не похожи на них – а заодно на все остальные разумные цивилизации в галактике.

Фреды - как и все остальные, исключая людей - никогда не умирают. Даже если его тело превратится в швейцарский сыр, а красная кровь и синие кишки растекутся по всему полу, пришелец останется в сознании. Разнеси на части его голову, и он превратится в призрака, плывущего по воздуху как облачко дыма. В таком состоянии он способен думать, слышать, видеть, чувствовать и даже спать. С ними можно поговорить.

Фреды и все другие расы собирали своих «мертвецов» в фантастических театрах-кенотафах, где они дни и ночи напролет играли оперы и танцевали – все для того, чтобы их «мертвые» товарищи не скучали, пока их тела возвращаются к жизни. При условии, что от тела осталось достаточно, чтобы возродиться, а у Фреда был достаточный стимул заплатить за восстановление. Я застрелил капитана девять дней назад, когда он пытался запереться у себя в кабине и не дать нам изменить заранее заданный курс на мир Фредов. Впрочем, несмотря на все наши попытки и помощь Сэарса и Робака – парочки близнецов с Клэйва, которые выглядели как смесь гориллы Магиллы¹ и Аллей-Упа² - мы и так не могли разобраться, как сменить курс или хотя бы отключить двигатели.

Я подхватил капитана и усадил его в кресло второго пилота. Как романтично. Он пал смертью храбрых и заслужил право видеть, куда направляется. Сейчас я стоял прямо напротив засранца, так что он мог хорошенько меня рассмотреть.

- Хотел бы я уметь вылечивать твои раны и возвращать тебя к жизни. Тогда я мог бы убивать тебя снова и снова. И снова, и снова. И повторять это до тех пор, пока ты не сказал бы, как развернуть это корыто. Но я клянусь, что скорее размажу твои мозги по полу, чем позволю восстановиться и возродить своих дружков - Фредов.

Я винил капитана в душевном расстройстве Арлин. Никогда ему это не прощу. Если бы у меня был шанс убить его снова, я с радостью воспользовался бы им.

Сэарс и Робак заперлись в каюте и выкрикивали фразы вроде «мы обречены!», «игра окончена!», «сматывай удочки!». Одному Богу известно, где они нахватались этих выражений, но в целом настрой передавали верно: когда мы доберемся до мира Фредов, то их пушки на тяжелых частицах, которые конечно же вращаются вокруг их адской планеты, превратят нас в милые теплые комочки плазмы.

Я не особый любитель логики. По логике нас должны были поджарить во время последней встречи с Фредами. Все преимущества были на их стороне, кроме разве что архитектуры Фобоса и Деймоса – и то сомнительно, ведь они вполне могли превратить их в два комка слизи.

Когда началось вторжение, мы с Арлин были уверены, что имеем дело со слугами Сатаны. Мы сражались с этими сукиными детьми, пробиваясь вглубь построек Объединенной Аэрокосмической Корпорации на Фобосе и Деймосе, двух спутниках Марса. Все остальные из роты Фокс, Корпуса морской пехоты, были убиты. Некоторые из них превратились в ходячих мертвецов.

Это было труднее всего – видеть, как мои товарищи медленно подбираются ко мне, с высохшими

¹

²

мозгами и все еще сжимая оружие в руках. Я убивал их во второй раз, чувствуя, как с каждым выстрелом по бывшим друзьям умирает какая-то частичка меня.

В дальнейшем мы встречали куда более опасных врагов. Импы – колючки, как любила называть их Арлин - швырялись комками горячей слизи. Розовые демоны – гигантская двухметровая пасть на маленьких ножках. Мы сражались с призраками, которых даже увидеть не могли, минотавроподобными адскими принцами, стрелявшими сгустками огня из запястий... даже с огромными одноглазыми тыквами, которые метали в нас световые шары. Но самыми опасными были паровые демоны. Убить этих пятиметровых уродов с ракетницами было практически невозможно.

Еще на Земле мы заметили, что Фреды генетически модифицируют монстров таким образом, чтобы они выглядели и действовали как люди. У них хватало неудачных попыток – взять хотя бы жуткого ходячего скелета.

Всей этой заварушки могло бы и не быть, если бы не банальное недопонимание. Когда Фреды последний раз выходили с нами на контакт, человечество переходило от Средневековья к эпохе Возрождения – где-то в конце пятнадцатого века. Они и представить не могли, насколько мы развились в социальном и технологическом плане за это время. Никто больше не развивался так быстро. Они отправили к нам адские махины и генетически разработанных демонов, надеясь быстро и жестоко отвоевать у нас нашу свободу.

Они не были готовы к нашему технологическому прогрессу, который не отразился на демонах. Они не были готовы встретить Корпус морпехов. Они не были готовы встретить нас с Арлин.

Мы победили, а мне дали очередное повышение. Но сейчас я готов был на свой отпуск поспорить, что мы летим навстречу собственной гибели. Неважно, насколько мы удачливы - игровые кости всегда будут выпадать не в нашу пользу. Я молился лишь о том, чтобы забрать с собой сотню-другую уродов. Но без Арлин мои шансы были невелики, не говоря уже о желании продолжать. Земля для меня уже мертва. Много ли от нее останется, когда мы вернемся – если вообще вернемся – через триста – четыреста лет? Останутся ли США, монумент Вашингтона, Корпус морпехов? Земля «уже» превратилась в дымящиеся угольки. Уже - понятие относительное, как мы поняли. К тому времени, как мы вернемся, она будет такой уже как несколько сотен лет. Это все, что я знал.

Звезды проплывали мимо в иллюминаторе под моими ногами. На самом деле это корабль проплывал мимо них, но в мире ведь все относительно. Я следовал за Арлин, пока она пересекала корабль. Она превратила в стрельбище кормовую часть грузового отсека – семьдесят метров в высоту и около полукилометра в длину. Я был в отчаянии. Надо как-то вывести ее из этого транса. Сделать хоть что-то! Как только моя рыжеволосая малышка с нашивками младшего капрала вскинула свой М-14, я вышел из тени и встал прямо перед ней.

Придумать более глупый способ привлечь внимание невозможно, но у меня не было выбора. Она в любом случае спустила бы курок, потому как не планировала увидеть меня в перекрестье прицела. Как только Арлин поняла, что стреляет не в пустоту, она закричала – ну точно по-женски! – и дернула ствол влево.

Вспышка. Одна из пуль порвала мою форму. Я почувствовал, как комок металла прошел мою руку. Боль была адская.

- ФЛАЙ! – заорала Арлин, швырнув винтовку в сторону и подбегая ко мне.

Я упал на одно колено, схватившись за руку. Кровотечение было несильное, но я потерял равновесие от выстрела. И от осознания того, что, среагируй Арлин хоть на мгновение позже, я уже валялся бы на стальном полу, выкашливая собственную кровь.

Арлин Сандерс, уже в полном спокойствии, расстегнула мой морпеховский жилет и осторожно вытащила простреленную руку. Когда девушка увидела, что меня просто поцарапало и через пару дней я приду в норму, она дала волю своим чувствам, разразившись потоком морпеховской до мозга костей брани. Отражаясь от зубчатых стен, ее слова гремели в моей голове.

Арлин злобно схватила меня за куртку.

- Флай, ослина ты тупая! О чем ты думал, прыгая на линию огня? Даже слышать не хочу. Ты вообще не думал, вот в чем проблема!

Вспомнив про субординацию, она отпустила меня и исправилась:

- Я хотела сказать «вот в чем проблема, сержант».

Я встал, вытирая кровь с рукава.

- Арлин, ты тупее, чем я думал. Мои мотивы просты и ясны как эти звезды за окошком. Я думал о том, как же, черт возьми, привлечь наконец внимание этой девчонки, которая ходит по кораблю как зомби, и отвлечь ее от мыслей об Альберте!

- Господи, Флай, и все только из-за этого?

Я положил руку на плечо, осторожно массируя мускулы через футболку.

- Капрал, я был готов врезать тебе по башке, чтобы ты лежала пару дней без сознания, пока все эти мысли не выветрятся из твоей головы. Видит Бог, у нас достаточно времени – двести лет до мира Фредов, ну или восемь с половиной недель, с нашей точки зрения. Я был готов поставить крест на тебе как на помощнике.

Арлин потупила глаза, но я никак не унимался.

- Я не могу позволить тебе сдаться, Арлин. Эти близнецы, Сэарс и Робак, конечно умеют собирать разведданные и отпускать саркастичные комментарии, но они не умеют сражаться. Ты нужна мне, Арлин. Та, старая Арлин. Вылезай из своей депрессии, и за дело.

Девушка повернулась и отошла от меня, прислонившись к перегородке и ругаясь про себя. Она не могла ничего сказать вслух после того, как я поддержал ее желание блюсти субординацию, обращаясь к ней по званию. Правда, в Едином кодексе военной юстиции не было сказано ничего насчет того, что ей это должно нравиться.

Ей и не нравилось. Она не разговаривала со мной весь день, как и несколько дней после этого. Она сидела и дулась в освещенной фонарями каюте, которую мы прозвали столовкой с тех пор, как начали там есть. Точнее, в то время, когда мы там ели. Сэарс и Робак отсиживались в своей каюте, съездившись от ужаса перед очередной конфронтацией с Фредами, когда мы сядем на их планете. Арлин принимала пищу где угодно, только не здесь, ведь есть со мной не входило в ее обязанности. Когда я появлялся в каюте, она исчезала через другой портал, так что я ел в одиночестве. Потом, когда я возвращался к своим обязанностям (пялиться в экран и нить, когда же произойдет хоть что-то), она снова прокрадывалась внутрь и пряталась от меня.

Едва ли я видел ее чаще, чем раньше. Однако теперь я чувствовал себя намного спокойнее, видя в ее глазах больше злости, чем отчаяния и апатии. Я отлично разбираюсь в злости – морпех я, в конце концов, или кто? Вот что я действительно не мог понять, так это уныние.

Морпехи не могут злиться долго, особенно на тех, кто старше по званию. Сержанты – тупицы. Мы оба знаем это еще с Пэррис-Айленд. Спустя какое-то время Арлин привыкла к моему присутствию в столовке и приходила туда, когда я был там, сидя далеко от портала. Она садилась за мой слишком высокий стол, только с другой стороны, после чего начинала есть, свирепо глядя в мою сторону.

Я терпеливо ждал. В конце концов, ее нужда в человеческом общении перевешивала ярость, и она начинала отпускать надменные комментарии.

Я понял, что победил, когда через четыре дня после инцидента со стрельбой она спросила:

- Ну ладно, сержант. Объясни еще раз, зачем тебе решаться на такой идиотский поступок и вставать перед заряженной винтовкой.

- Чтобы разозлить тебя, - честно ответил я.

Арлин застыла с открытым ртом. Она снова постриглась как морпех. Рыжие волосы на макушке были слишком коротки, почти радужного оранжевого цвета. Она постирала свою форму – двумя неделями ранее, когда мы только ступили на корабль, Сэарс и Робак показали нам, как пользоваться стиральными машинами Фредов – и Богом клянусь, еще и погладила ее. Кроме того, она стала заниматься физкультурой. Арлин выглядела крепче, чище, чем пару дней назад, и дело было не только в стрижке. Теперь из нас двоих слабел и дряхлел лишь я.

- Разозлить меня? Зачем, черт тебя дерит?

- Арлин, - произнес я, наклонившись так близко, что мог почувствовать ее дыхание. – Не думаю, что ты поняла, как близко я был к тому, чтобы потерять тебя. Отчаяние – ужасная психическая болезнь, как и апатия. Мне нужно было сделать что-то, что шокирует тебя, выплеснет адреналина в кровь, выдернет из бесконечного цикла и вернет в настоящее.

Я почесал небритый подбородок, чувствуя, что краснею.

- Согласен, это идиотский поступок. Но я был в отчаянии! Что я еще мог сделать? Не думаю, что ты

понимаешь, как много значишь для меня, милая.

Арлин села на стол, скрестив ноги и оглядывая огромную пустую столовку. Раз рядом нет ни одного офицера или командира, который будет за это отчитывать, почему бы и не сесть?

- Флай, - произнесла она. – Не думаю, что ты понимаешь, как много значил Альберт для меня. Значит... значил... интересно, жив ли он еще.

- Возможно, жив. На Земле прошло лет двадцать или около того... или пройдет лет двадцать, когда мы вернемся на эту точку. Или к тому времени уже пройдет двести лет. Странно это все, но явно не стоит того, чтобы из-за него переживать.

Я отправил в рот еще один синий кубик. На вкус он был как равиоли – хрустящая корочка и похожая на червячков начинка, по вкусу напоминавшая то ли сыр, то ли шоколадный торт. Звучит отвратительно, но на вкус очень даже ничего. Куда лучше, чем оранжевые кубики или серые пельмени со вкусом гнилой рыбы. В целом, вкусная для Фредов еда вызывала у меня тошноту.

- Флай, когда я только влилась в ваши ряды – помнишь оружейного сержанта Гофорта и то яблоко Вильгельма Телля на дуэли? – ты был моим единственным другом.

Я вспомнил Гофорта. Он был порядочным мудаком и не верил, что женщины способны быть морпехами – морпехами вообще и уж тем более членами Корпуса морской пехоты. И сам Господь Бог не смог бы уговорить его позволить хоть одной женщине служить в роте Фокс – самой мужской, самой агрессивной роте всего мужского и агрессивного Корпуса. Гофорт сказал, что ни одна баба не сможет присоединиться к нашей компании, пока не докажет свои способности, выстрелом сбив яблоко с его головы. И Арлин его сбила! Одним метким выстрелом из снайперской винтовки калибра .30-99, при этом не пользуясь оптическим прицелом. После чего со злобной усмешкой кинула ему второе яблоко и повторила подвиг Вильгельма Телля.

Нам всем понравилось это шоу. К своей чести, сержант стоял прямо и даже не вздрогнул, когда пуля угрожала разнести его кочан с пятидесяти метров. Ну и что после этого мог сделать наш Великий Мудрец, кроме как пригласить ее в роту, скрепя сердце?

Тем временем в столовке Фредов Арлин продолжила, откусывая от своего синего кубика:

- Ты до сих пор мой первый и лучший друг, Флай. Но Альберт был первым человеком, которого я по-настоящему любила. Вильгельм Додд был первым, кто мне понравился. Но я понятия не имела, что такое любовь, пока не... фу, как глупо звучит.

Я тоже забрался на стол, и мы сели спина к спине. Мне нравилось чувствовать спиной тепло ее тела. В такие моменты мы были вдвойне настороже, глядя во все стороны одновременно.

- Неправда. Это звучало бы глупо, если бы я не знал, о чем именно ты говоришь. Одно время я чувствовал то же самое к молодой девчонке в старшей школе – еще до того, как пошел в морпехи.

- Ты никогда мне об этом не говорил, сержант... Флай.

- Мы были настолько близки, насколько это возможно в моторной лодке, которая для такого не предназначена. Она клялась, что принимает противозачаточные, но все равно забеременела. Я предоставил право выбора ей, и она выбрала аборт. После этого наши отношения уже не были такими, как раньше. Звучит странно, но мне кажется, из нее тогда вытащили не только плод. Мы перестали называть друг друга «мой парень» и «моя девушка», когда это стало слишком больно. А потом ее семья переехала. Она просто помахала мне ручкой на прощание, а я кивнул в ответ.

Арлин фыркнула.

- Это самый долгий разговор по душам, который у нас когда-либо был, Флай. Где ты вычитал эту историю?

- Видит Бог, это чистая правда, Арлин. Все так и было.

Арлин откинулась на меня, пока я разглядывал пролетающие мимо звезды. Столовка была в задней части корабля, 1.9 километра от мостика, находящегося в центре посуды, окруженного сотнями метров странного сплава стали и титана, и в 3.7 километрах от двигателей, расположенных в самом носу корабля. Сидя в столовке, мы могли смотреть на уплывающие вдаль звезды через огромное толстое плексигласовое окно, пока относительно этих звезд летели со скоростью, близкой к световой. Зрелище завораживало. Согласно астрономической теории, для ознакомления с которой у меня была уйма времени, пока мы носились от звезды к звезде, на релятивистских скоростях свет искажается: все звезды впереди сжимались в один голубой пузырь, все звезды позади – в красный пузырь. Не уверен,

насколько быстро мы летели, но посчитать было бы несложно, если бы меня это действительно интересовало.

- Меня посетила ужасная мысль, - сказал я. – Последние несколько дней мы питаемся только стряпней Фредов. И мы не планировали проводить тут недели.

Арлин ничего не ответила, так что я продолжил.

- Нам надо найти фредову машину для готовки и понять, как она работает. Может, Сэарс и Робак знают.

Стряпня Фредов обеспечивала нас аминокислотами и необходимыми витаминами. Их было достаточно для Фредов, но слишком мало для нас, людей. Без них мы умрем от голода, даже если будем есть эти разноцветные кубики тоннами.

- Флай, - произнесла Арлин, вернувшись на землю из своих мыслей. – Фреды меня больше не волнуют. Я знаю, почему они напали на Землю. Они были в ужасе от того, что нашли в нас – смерть и искренность перед Всевышним. Может быть, израильский бог прав? Может, мы тоже бессмертны? Просто в другом виде – не как те, кто не может умереть.

- Значит, ты думаешь, что Альберт все еще существует где-то? – я попытался понять Арлин, правда, без серьезных успехов. - В раю, например?

Я почувствовал, как она пожала плечами.

- Он сам в это верил. Я бы никогда не стала противоречить тому, во что верит мой любимый, особенно если у меня нет никаких доказательств.

- А если сказать то же самое человеческим языком?

- Я перестала беспокоиться о Фредах, Флай. Они испуганы, они в отчаянии, они слабы. И у них нет души. Я имею в виду, мы были вдвоем против скольких из них? Даже если бы Альберт и Джилл к нам присоединились, мы были бы вчетвером против целой планеты! И все равно мы победили. Может, это просто голос моего внутреннего морпеха, но я начинаю удивляться, чего мы вообще волнуемся об этих уродах.

- Ну, у нас есть еще сорок пять дней, чтобы подготовиться к тому, что определенно станет финалом для Флая и Арлин, не говоря уж о бедных близнецах. Может, у Фредов нет души и они паршивые солдаты, но поставь их достаточно много в одной комнате с нами, раздай им пушки, и наши дни сочтены, малышка.

Арлин залезла в свой нагрудный карман и достала оттуда две пули двенадцатого калибра. Она перекинула их через плечо, и они приземлились прямо в мою ладонь.

- Две последние я припасла для нас с тобой, сержант. Просто дай мне знать, когда будешь готов повторить подвиг Хэмингуэя.

2

Сорок пять дней – чертовски долгий срок, когда знаешь, что летишь навстречу смерти. Даже для морпехов. Арлин завязала со своим отчаянием. Полагаю, она не хотела проводить последние недели в аду, в который сама себя затащила. У нее был я, у меня была она. Мы начали этот долгий путь вдвоем, вдвоем его и закончим. Разумеется, с нами были еще Сэарс и Робак. И вот тут мы начинали сдавать.

Прежде всего, мы морпехи. Мы как компьютеры, запрограммированные служить и защищать. Ну, вы понимаете. Мы не можем просто встать спиной к спине, приготовиться и идти под градом огня Фредов, когда корабль рухнет и за разломанными дверьми грузового отсека мы увидим мир Фредов. Мы вбили себе в головы сумасшедшую мысль, что должны защищать этих двух – или все-таки одного? - Аллей-Упов, горилл Магилла из Клэйва. По крайней мере пытаться это сделать.

Для начала, уговорим его – ее, их – выйти из своей каюты. Мы попробовали прямой подход: вскарабкались «наверх» к центральной оси корабля. Ускорение на уровне, где прятались близнецы, уменьшилось до 0.2g – едва-едва достаточно, чтобы у меня не возникло проблем с головокружением. Естественно, я не хотел двигаться вглубь корабля. Естественно, черт его дерит.

Арлин была совсем не против. Некоторые части ее тела чувствовали себя вполне свободно под формой, и ей это нравилось. Я постарался переключиться на что-то другое. Еще пятьдесят восемь дней. Я хотел провести их с моей боевой подругой и не пытаться развивать отношения, которых никогда не было и не могло быть.

«Верхние» коридоры были похожи на канализационные трубы – такие же тесные и вонючие. Фреды

дышали другим воздухом, но и для нас он был вроде как безопасен (Сэарс и Робак клялись, что мы спокойно можем дышать им). Очень высокие потолки были сделаны для Фредов, готовых к спариванию, которые выглядели как гигантские богомолы. Я не мог дотянуться до потолка даже в прыжке.

Мы с Арлин проскользнули через склизкий проход. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что слизь была гнилью разложившихся листьев с их голов-артишоков.

- Да ладно, - ответила моя подруга, когда я рассказал ей о своей догадке. – Мы даже не знаем, листья это или сами разложившиеся Фреды. Что происходит с их телами, когда они умирают? Может, их консервируют как египетские мумии, чтобы избежать вот такого?

Она пнула комок хлюпающего месива, в котором еще угадывались черты листообразной головы Фреда.

Я покачал головой.

- Полагаю, мы можем понаблюдать за капитаном. Не начнет ли он гнить со временем.

Мы поняли, что скольжение - простейший путь продвигаться по этим коридорам и не падать. Скользить было так же удобно, как кататься на коньках по масляной луже, но в конце концов мы добрались до каюты Сэарса и Робака.

Каюта была больше похожа на парадный зал. Выглядела она величественно. Фреды постоянно менялись в размерах, поэтому все комнаты на корабле были огромных размеров – так им было легче приспособиться. Однако обстановка была довольно милой. В моей каюте, расположенной по соседству с жилищем Арлин, но ближе к оси вращения корабля, была пара кресел и стол, дотянуться до которого я мог, только встав в полный рост, и похожий на пончик диван-кровать. Я понятия не имел, как обставлена каюта Сэарса и Робака, потому что они не позволяли ни мне, ни Арлин взглянуть на нее хоть одним глазком. Я встал перед дверью и постучал, как мы делали на Пэррис-Айленд. Потом я вспомнил, что в последнее время близнецы ведут себя крайне странно, и на всякий случай отступил в сторону – вдруг они начнут палить по двери из своих пушек.

Тишина. Я постучал еще раз, после чего услышал два голоса, говорящих в унисон:

- Идите в отсюда!

- Сэарс, Робак – открывайте! – крикнула Арлин. Десять секунд общения с близнецами, и она уже на них злится.

- Господи, АС, тебе никогда не стать психологом.

- У меня свой психологический метод. Называется «настучи фонарем по башке».

Впервые ее голос звучал так, будто она шутит.

- Уходите куда-нибудь еще!

- Чего вы вообще боитесь? – недоумевал я. – Смерти? Вы же не можете умереть!

Возникла долгая пауза, во время которой я слышал, как в каюте двигают мебель. Затем дверь слегка приоткрылась, и в проеме показались две головы.

- Мы однажды сломали спину, - сказали близнецы.

Вообще, у них не было спин. Насколько я мог судить из медицинских записей, у них был только один центр нервной системы. Но добраться до него было куда проще, чем до нашего, ведь он не был защищен костным покровом.

- Вы восстанавливаетесь, как только кто-то найдет вас. Так? – уточнила Арлин.

- Мы лежим одиннадцать дней в джунглях на [непроизносимое название планеты]. Фреды, которые нас победили, убьют нас и оставят на вечность и сбросят на нас головолистья.

У Сэарса и Робака по-прежнему было туго с английским, несмотря на статус официальных послов.

- Да ладно вам, ребята, - сказал я. – Расслабьтесь. Вы видите, чтобы мы с Арлин дрожали от страха? А ведь если умрем мы, то умрем навсегда!

Они что-то сказали, но слишком тихо, чтобы разобрать. Мне показалось, что-то вроде «мы бы с радостью». А может, «ну и гадость».

- Ребята, нам с Арлин нужна ваша помощь. Нам надо составить план действий, когда мы приземлимся в мире Фредов.

- Про еду не забудь, - шепнула мне на ухо Арлин.

- И нам нужно, чтобы вы показали, как нам сделать достаточно питательных кубиков, чтобы мы не

померли с голоду в полете. Нам надо... ну... около двухсот семидесяти.

Сэарс и Робак быстро подсчитали в уме. Сорок пять дней, два человека, трехразовое питание.

- То есть, вы признаете, что у нас нет планов выжить после посадки!

- В точку, - согласилась Арлин.

- Хорошо, нам нужно четыреста кубиков! И будет нужно еще больше – намного, намного больше – если мы хотим выжить в мире Фредов и разобраться, как вернуться на одном из их корыт обратно домой. Вам кстати тоже надо чем-то питаться, ребята.

Две мордочки Аллей-Упа смотрели на нас, пока их длинные тонкие конечности, похожие на руки Папая, открывали дверь до конца.

- Что внутри каюты, что снаружи, без разницы – мы обречены.

- Так наслаждайтесь последними днями свободной жизни, - призвал я. – После смерти вы сможете видеть и слышать только то, что они для вас выберут. Если они вообще выберут хоть что-то.

- Да, в этом вы правы. Вы должны зайти.

Синхронно, как сиамские близнецы, они отступили от прохода, и я впервые зашел в их обиталище. Арлин последовала за мной.

Вид каюты был настолько экстравагантный, что я едва распознал, что по структуре она существенно похожа на мою. Вся мебель была свалена в огромную кучу в центре, а каждый квадратный сантиметр стен был покрыт то абстрактными работами с эффектом 3D, то прибитыми головами. Отличная идея дизайна жилища серийного убийцы – сделать внутреннее убранство отражением своей больной души.

- Что за хрень? – вопрошала Арлин, оглядывая стены. Сэарс и Робак сидели на куче мебели в центре каюты и пристально наблюдали за нами. То, что они таким образом «украсили» стены, было еще не самое странное. Признаюсь, стены моей комнаты тоже были украшены плакатами с женщинами и танками. Но Сэарс и Робак размалевали буквально каждый миллиметр стен, будто их ужас перед посадкой в мире Фредов каким-то образом превратился в страх металлического серого – цвета стен корабля. Они выяснили, как работает принтер, распечатали все, что только смогли распечатать и развесили картинки по стенам. Когда у них закончилась бумага, они принялись за бытовую технику Фредов от СтиКро. Они даже стол опрокинули и придвинули его к стене.

Потолок был цвета остывшей лавы – черный с красными просветами. И он, похоже, близнецов совсем не волновал. Мне он и самому нравился, в отличие от стен, но у всего же есть свои границы!

Я осмотрелся.

- Ты... в смысле, вы оба, - я постарался не выдавать удивления. - Хотите поговорить об этом?

- Нет, - произнесли Сэарс и Робак без тени эмоций.

Вот так все и осталось. Они никогда больше не вспоминали про свой опыт оклеивания стен, и мы так и не поняли, какого черта они там творили. Думаю, мы с Арлин узнали кое-что интересное о психологии пришельцев на тринадцатый день путешествия к земле Фредов. Понять бы только, что именно.

Близнецы без сожалений покинули свою нору и поселились в другой каюте, на этот раз не пытаясь прикрыть чем-нибудь стены. Мы стали разрабатывать сценарий для последнего акта нашей пьесы, который начнется, когда корабль коснется земли и его двери откроются.

Мы даже знали, какие именно двери откроются первыми. Сэарс и Робак изучили компьютер Фредов и хакнули его, по крайней мере частично. Информация на компьютере не была зашифрована, и близнецы визуализировали ее с помощью трехмерного проектора в комнате, которую мы называли мостиком. Тело капитана по-прежнему находилось в кресле второго пилота, без всяких признаков разложения. Однако его голова-листья перестала расти, и то, что от нее осталось, по-прежнему было раскрашено в устрашающие цвета Хэллоуина – черный и желтый. Он был таким, когда я убил его. Возможно, это признак страха и ужаса.

Мы расписали действие буквально по секундам. Мы знали точный момент, когда корабль коснется земли – на три дня раньше ожидаемого – и какие системы в каком порядке будут работать. Двери начнут открываться примерно через семьдесят пять минут после посадки. После всех проверок безопасности и отключения энергии первой откроется нижняя кормовая дверь грузового отсека. Потом у нас есть одиннадцать минут на рутину по зачистке. В течение следующих пятидесяти минут, или около того, будут задействованы остальные одиннадцать дверей и порталов, все кроме двух откроются и заработают автоматически. К нам на борт пожалует целая армия монстров.

Единственный вопрос, который меня беспокоил – успел ли капитан отправить долбаное сообщение о вторжении, прежде чем мы его обезвредили. Возможно. Финальный бой займет около часа. Успеют ли Фреды должным образом к нему подготовиться?

Сначала мне казалось, что это сообщение даст Фредам фору в двести лет на подготовку, но Арлин под стол скатилась от смеха, когда я сказал об этом ей:

- Флай, ты правда думаешь, что их сообщения летят бесконечно быстро? По-твоему, мы в каком-то фантастическом романе, да?

Несколько минут я пытался придумать ответ, чтобы не выглядеть полным дураком. Физика никогда не была моей сильной стороной, особенно релятивистская. В конце концов я осознал свою глупость. Если любое сообщение, отправленное капитаном Фредов, может лететь лишь со скоростью света, то ему потребуется двести лет, чтобы добраться до мира Фредов.

Так сколько времени будет у Фредов на подготовку?

- Э-э-э... лет двадцать? – предположил я.

Арлин многозначительно покачала головой.

- Если для нас длительность поездки – восемь с половиной недель или, скажем, шестьдесят дней, в то время как для Земли и Фредов это двести лет – планеты ведь едва движутся друг относительно друга, по сравнению со световыми скоростями – значит, мы летим... подожди...

Она потыкала кнопки калькулятора в часах.

- Флай, мы летим со скоростью в 99.99996% от световой относительно Земли и планеты Фредов. В таком случае, преодолев двести световых лет, мы прибудем всего через тридцать пять минут после сообщения.

- Фантастика! У них вообще не будет времени на подготовку. Ну, может, за полчаса они успеют привести в боеготовность несколько отрядов, но не...

- Воу, воу, полегче, ковбой, - Арлин откинулась в кресле, закинув ноги на стол и едва не угодив ими в тарелку с синими кубиками. – Если на самом деле нам лететь шестьдесят один день, а не пятьдесят восемь, или если планеты на расстоянии в двести девять световых лет, а не двести, оценка очень неточная. И что намного важнее, в расчетах мы исходили из того, что набрали такую скорость мгновенно, но это не так. Разгон длился около трех дней, и еще три дня мы будем тормозить. В эти промежутки мы будем двигаться слишком медленно, чтобы принимать во внимание действия растяжения времени.

- Так ты хочешь сказать... так значит, у Фредов будет преимущество в шесть дней?

- В целом, да. Основной фактор – время ускорения и торможения, когда мы летим не на релятивистских скоростях.

- Хорошо, давай представим, что у них шестидневное преимущество, - сказал я. – Это большая проблема?

- Достаточно большая, Флай. То есть, я хотела сказать, сержант. В любом случае, на лучшее можно не рассчитывать. И я не до конца уверена, что Сэарс и Робак рассказали нам достаточно информации об их военных подразделениях.

Шесть дней, чтобы подготовиться к встрече с нами – не слишком хороший исход, но я готов с этим смириться. Это куда лучше, чем двести лет.

Как руководитель я продумывал план до мелочей, а у Арлин появилось несколько хороших идей относительно установки ловушек. У Фредов есть шесть дней на подготовку, но у нас-то – целых восемь недель! Мы с пользой провели это время, тренируясь постепенно отступать вглубь корабля, ставить ловушки позади себя и активировать их, превратив корабль в грудку металла. Разумеется, выиграть этот бой в долгосрочной перспективе мы не могли. Но как сказал один умный человек, проблема долгосрочной перспективы в том, что в долгосрочной перспективе мертвы все.

По крайней мере эти уроды сполна заплатят за каждый свой шаг. Это единственная цель, которую я ставил перед собой, и Арлин с близнецами были полностью со мной согласны. Я поддерживал боевой дух, периодически устраивая незапланированные учения. Близнецы выяснили, как с помощью бортового компьютера включать сирены безопасности и отрубать электричество в разных частях корабля. Я никого не предупреждал заранее, каждый раз ставя всех на уши.

Когда Арлин надоело плясать под мою дудку, она сговорила с близнецами, и они имитировали

Основную Катастрофу 101: питание всего корабля отрубается, не считая нескольких сирен на пути к моторному отсеку, а компьютер (который был запитан отдельно от общей системы) запускает обратный отсчет в девятнадцать минут до инициирования протокола самоуничтожения. Система вентиляции при этом начинает откачивать воздух, симулируя пробойну где-то в нижней южной части корабля. Я от страха чуть сердце не высрал! Когда до конца отсчета оставалось тридцать секунд, а я так и не нашел пробойну, то просто стал бегать кругами, как цыпленок с отрезанной головой, вихляясь, словно в доску пьяный на танцполе.

Едва восстановив дыхание и сердечный ритм, я заковал Арлин в кандалы до конца полета. Ну, не совсем заковал, но пообещал, что закую. Она тут же прекратила смеяться. Мне кажется, тогда я увидел в ее глазах неподдельный ужас.

У близнецов было странное чувство юмора. Они подшутили надо мной, добавив звуковой эффект к моей пушке. Я часто ходил на наше самопальное «стрельбище» - неиспользуемый грузовой отсек, пятиметровый коридор с зазубринами и четко помеченными целями на другом конце. И каждый хренов выстрел из моей винтовки сопровождался пронизывающим криком «Помогииииии-иите!». Одному Богу известно, где Сэарс и Робак откопали этот звук.

Я был ошеломлен, когда близнецы сказали нам с Арлин, что подобные шутки – это стандартный галактический юмор. То был печальный день. Я-то думал, что галактические цивилизации в эмоциональном плане развились дальше уровня тринадцатилетнего подростка.

А потом мне в голову пришла интересная мысль: может быть, вторжение Фредов на Фобос, Марс и Землю – тоже лишь тщательно спланированное баловство? Может, они решили, что люди, которые дали им отпор – просто унылое говно без чувства юмора, которое даже шутку понять не может?

- Нет, в этом нет разума, - ответили близнецы. – Непозволительно причинять вред жертве, иначе они потеряют свою мудрость.

- Свою мудрость?

Сэарс и Робак переглянулись. Они положили свои тонкие ручонки на головы друг друга и осторожно постучали по лбу и затылку. Во время полета мы с Арлин решили, что так они выражают разочарование на своем языке.

- Это значит, они теряют остроту. Становятся несмешными, говоря по-вашему.

- Ладно, я понял. Ну, шутка это или нет, нам она не понравилась. И как только двери грузового отсека начнут открываться, Фреды поймут, НАСКОЛЬКО она нам не понравилась.

За четыре дня до приземления корабль Фредов автоматически начал сбрасывать скорость. Гравитация стала больше земной, но что удивительно, в два раза большая сила притягивала нас к внешнему углу комнаты. Арлин проделала кое-какие расчеты и выяснила, что сейчас корабль вращается вокруг своей оси с ускорением около 96 g – вот что потребовалось, чтобы корабль затормозил и вышел на орбиту планеты Фредов за четыре дня. Должно быть, именно в центре корабля был главный инерционный двигатель, который рассеивал ускорение, превращая его в тепло, выделяемое кораблем. Если бы кто-то с планеты Фредов смотрел в нашу сторону в инфракрасный телескоп, он увидел бы новую пылающую точку на небосклоне – предупреждение о нашем скором прибытии, если они вдруг забыли.

Все хорошее когда-то подходит к концу. Последнюю ночь перед приземлением, когда мы еще не были замечены и атакованы, Арлин провела ночь в моих объятиях. Мы не в первый раз ночевали в одной койке, раздетые до нижнего белья. Кое-кто из роты Фокс ни за что бы не поверил, что у нас никогда не было секса, но это так. Я слишком сильно любил ее, чтобы просить о чем-то, что она потом сделала бы даже против своей воли, просто по дружбе. Однако это не мешало нам заигрывать друг с другом, когда кто-то из нас страдал от неудавшейся любви или когда все вокруг летело к чертям. Всю ночь мы крепко держались друг за дружку. Морпеховская прическа Арлин и мой гладко выбритый подбородок. Даже солдатам в последний день жизни приятно почувствовать тепло близкого человека. Хотите верьте, хотите нет, но спали мы отлично. Без страхов и сомнений. Наоборот – мы были горды выступить в лучах славы Корпуса морпехов.

Наступило следующее утро, и планета Фредов замаячила перед нами на экране монитора. По большей части она была коричневого цвета, со странными черными линиями, которые пересекались под странными углами. Я не видел очертаний континентов, воды или облаков, но отчетливо видел горы мусора, летавшего на орбите. Временами он сверкал на солнце. Неровные красные потеки могут

означать интенсивную вулканическую активность...

- Вот здорово, - отозвался я, когда Арлин предложила такую версию.

- Мы должны остаться на борту корабля, - произнесли Сэарс и Робак. Как будто мы и не отработывали план десятки раз за последние восемь недель.

- Всем пристегнуться, - скомандовал я. – Атмосфера слишком густая, чтобы видеть, куда мы летим. Согласно данным с компьютера Фредов, сейчас может немного потрясти.

Компьютер не соврал. Нас так сильно затрясло, что у меня началась морская болезнь. Меня не вырвало, но уверен, я позеленел так, что стал похож от близнецов. Даже Арлин стало не по себе, а она никогда не страдала морской болезнью.

Мы не потрудились пристегнуть ремнями тело капитана, и оно выскочило из кресла. Да и черт с ним – я не собирался вставать со своего места только чтобы вернуть его обратно. Его тело летало туда-сюда по мостику, сбрасывая артишоковые листья. Я надеялся, что этот ублюдок чувствует каждый удар.

В моей голове заиграли звуки труб и барабанов Божественного оркестра. Внезапно корабль крутануло так резко и сильно, что мне показалось, я потерял сознание. Через какое-то время я вернулся в чувство и сразу ощутил ужасную головную боль, будто Фред или один из их монстров своей когтистой лапой копался у меня в мозгах. Жгучая боль длилась четыре – пять секунд, но прошло еще несколько ударов сердца, прежде чем я снова смог различать цвета. До этого момента я даже не осознавал, что вижу все в черно-белом свете.

Каждый мускул моего тела ныл, словно на утро после самой тяжелой в мире тренировки. В животе что-то екнуло – мы снова были в невесомости. Какого черта? Впереди обозначились неясные контуры приближающейся земли. Я не слышал жужжания двигателей. Мы в свободном падении? Что вообще произошло?

Арлин и близнецы завертели головами, но в конце концов здравый смысл вернулся к ним. Я понятия не имел, что произошло и как мы собираемся приземляться с неработающими двигателями. Клэвийцы, которые могли что-то знать, молчали. Арлин огляделась, задаваясь теми же вопросами, которые пришли в мою голову пару минут назад. Мы обменялись вопросительными взглядами, я пожал плечами, и девушка сощурила глаза в ответ. Я особо не волновался о посадке, но если бы близнецы были более словоохотливыми, чем сейчас, Арлин проводила бы долгие дни, выясняя каждую мелочь, пока процесс не стал бы ей ясен во всех подробностях.

А потом ее безмятежное созерцание было прервано огнем лучевых пушек и пулеметов Фредов.

Один момент – весьма долгий момент – мы летели в тишине и спокойствии. Возможно это был наш последний момент спокойствия перед началом адской мясорубки. После чего с глухим лязгом, будто весь корабль разорвало пополам, мы приземлились на чем-то вроде взлетно-посадочной полосы. Мы прибыли на планету Фредов – взболтанные, но не перемешанные.

Быстро отстегнув ремни безопасности, мы в суматохе разбежались по своим позициям – просто чтобы Фреды не могли застать нас врасплох, попав на корабль до того, как откроется дверь. Но ничего такого не произошло, и мы терпеливо ждали, пока корабль доведет до конца последовательность действий при посадке. Спустя семьдесят пять минут – строго по расписанию – дверь грузового отсека начала открываться. Она открывалась ужасно медленно и производила столько шума, что мне казалось, будто здесь и сейчас надрывают глотки все Фреды одновременно. Мы подготовились к визиту первой разведгруппы.

Мы ждали и ждали, но ничего не происходило. Никаких стуков, тресков, ничьи ноги не барабанят по полу. Мы сидели на своих позициях, готовые к битве, которая все никак не начиналась.

Я задерживал дыхание так долго, как только мог. Через пятнадцать таких задержек после того, как мы должны были увидеть первые отряды Фредов, пересекающих нашу первую «оборонительную» позицию (собственно и рассчитанную на то, что ее пересекут), я сжал зубы, чтобы активировать расположенный на шее микрофон, и отчеканил Арлин: щелк, щелк-щелк, щелк, щелк. На языке морпехов это значит «у меня все чисто, как у тебя?» Крохотный ромбовидный приемник в ухе донес до меня то, чего я и боялся: щелк, щелк-щелк. У нее тоже все чисто. При близнецах не было ни микрофонов, ни приемников, но они находились рядом с Арлин.

Я подождал еще пятнадцать минут, запрашивая обстановку каждые две. Каждый раз Арлин отвечала одним и тем же кодом: щелк, щелк-щелк. В голову закралась беспокойная мысль: Арлин ли это

вообще? Я представил монстров, которые захватывают ее, прежде чем она успевает подать сигнал или выстрелить, валят на землю и даже... убивают. Мне представился чешуйчатый грибовидный палец, раз за разом отбивающий в микрофон ответ «все чисто».

Я быстро отщелкал в микрофон первую половину сигнала Корпуса морпехов. С того конца почти сразу же пришла вторая половина. Либо это действительно младший капрал Арлин Сандерс, либо чертовски умный командир Фредов.

Мои мышцы свело судорогой. Я стоял без движения, прислушиваясь к каждому шороху и не сводя глаз с прохода. Потянувшись, я спешно вернулся в прежнюю позицию. Немало засад было провалено из-за недостаточного терпения. Но через час ничегонеделания даже мое терпение иссякло. Если бы я заранее знал, что они заявятся позже, то мог бы прождать хоть неделю! Но сейчас все больше и больше склонялся к мысли, что к нам никто и не собирался.

«Операция завершена, встречаемся в назначенном месте», - прощелкал я младшему капралу. Десять минут спустя мы собрались в моторном отсеке. Арлин уставилась на меня так, будто в чем-то меня винила. Она сжимала и разжимала свою рабочую руку, словно готовясь в любой момент открыть огонь.

- Ну ладно, милый мой сержант, объясни мне, что происходит.

Я пожал плечами.

- Торжественная группа встречающих к нам не пожаловала.

- Е-мое, да неужели? – если бы сарказм был жидкостью, под моими ботинками сейчас образовалась бы целая лужа.

Я почесал подбородок. На нем уже отросла небольшая щетина. Пройдет еще несколько часов, и мне снова придется бриться. Забавно, в прошлый раз мне казалось, что я бреюсь последний раз в жизни.

- Ты, э-э, хочешь разведать местность?

Арлин посмотрела куда-то за плечо, словно что-то услышала. Я не слышал ничего.

- Разведать?

- Ну да, разведать. Это когда ты выходишь наружу и...

- Да, да, понял я. Думаю, нам стоит сходить на разведку. Иначе мы тут просто не уснем.

Я повернулся к Сэарсу и Робаку, но они замотали головами так энергично, что их очертания потеряли четкость.

- Мы остаемся здесь, - заявили они. – Мы будем здесь прямо. Мы пойдем с вами в более позднее время. Мы будем здесь, пока вы не вернетесь. Но мы пойдем с вами потом.

Я бы слегка шокирован: впервые в жизни близнецы говорили не в унисон! Я никогда не видел такое на Клэйве раньше и даже не знал, что это физически возможно. Полагаю, это было что-то вроде их аналога диссоциативного расстройства личности или, в их случае, неразрешимой дилеммы: они не могли решить ее и не могли отказаться ее решать. Я ожидал, что вот-вот из их ушей пойдет дым, но в этом они меня разочаровали.

Мы с Арлин нашли панель аварийного выхода в моторном отсеке, не без труда открыли ее, прошмыгнули в открывшийся проем и спрыгнули на поверхность планеты Фредов.

3

Компьютер пришельцев не соврал: поверхность планеты действительно была горячая и очень влажная. Но мы не попали в лаву и не вдохнули смертельную смесь водорода и цианида. Наш корабль с порядковым номером вместо имени был огромен как торговый центр в Тусоне. Ну, то есть, как тот торговый центр, который когда-то стоял в Тусоне. Он считался самым большим в мире, пока в него не угодила боеголовка Фредов. Громадина, что провела нас через пару сотен световых лет, распростерлась над нашими головами, защищая от нестерпимо палящего солнца.

По сторонам высились квадратные здания, будто построенные на слишком мягкой почве – все они накренились под странными углами, как Пизанская башня. В целом район напоминал сумасшедшую версию земного космодрома. По другую сторону были натканы квартирные блоки, внешне похожие на надгробные камни – такие же вытянутые и закругленные кверху. Красноватое небо добавляло шарма планете, покрытой восьмисантиметровым слоем пепла.

Ни один артишокоголовый не появился в нашем поле зрения. Рыхлая тропинка огибала место приземления корабля. Мы осторожно прошли по ней, ожидая, что вот-вот из зданий послышатся крики

Фредов. В тот же момент мы были готовы вернуться на корабль и снова занять оборонную позицию. Следующие одиннадцать часов – примерно две трети восемнадцатичасового дня на планете Фредов – мы потратили на обыск этого проклятого городка. В половине домов мы нашли месиво из разложившихся листьев. Либо Фреды любят превращать свои жилища в помойки, либо кто-то убил их так быстро, что они и среагировать не успели. Но где тогда их тела?

- Не нравится мне все это, - пробормотал я. – Очень не нравится.

Вместо ответа Арлин дернула меня за бронежилет и указала в сторону корабля: после одиннадцати часов Сэарс и Робак наконец высунули свои носы наружу, приюхиваясь к здешнему воздуху и пытаясь понять, почему они до сих пор живы. Я настолько устал, что даже не подошел и не поговорил с ними. Пусть сами все увидят. Все это время я провел на ногах и сейчас был совсем не в настроении вести с ними беседы. Арлин разделяла мою точку зрения.

Как только мы убедились, что поблизости нет ни одного Фреда, Алин перевесила на плечо свое любимое оружие – RK-150, полуавтоматическую винтовку двенадцатого калибра производства Крупа-Ремингтона, с барабанным магазином на сто пятьдесят патронов. Она вертела головой, оглядываясь вокруг и пытаясь понять, что же здесь, черт возьми, произошло. Вероятно, Фреды пропали на всей планете, иначе они непременно заметили бы наш корабль и уже подтянули бы к космодрому свои ударные группы.

Я стоял в тени, изнывая от страшной жары. На планете Фредов – по крайней мере, на этой ее части – было жарко как в аду: 54.5 градусов Цельсия, если верить маленькому термометру на моем запястье. Пот с меня тек ручьями и не спешил испаряться в условиях высокой влажности, особенно под шлемом. Самый обычный скафандр с системой кондиционирования воздуха в тот момент был пределом моих мечтаний. Но мы не планировали безбилетный полет на корабле Фредов, поэтому не брали их с собой. У нас были кое-какие скафандры (спасибо близнецам), но они не защищали от жары. Сэарс и Робак осторожно подошли к нам. Как обычно, не было похоже, что они страдают от жары или чего-то еще в этом роде. Близнецы беспокойно вертели головами.

- Они все мертвы?

Я пожал плечами.

- Мертвы или куда-то смылись. Я не видел ни одного тела. Сандерс сейчас осматривает местность. Подождем, что она скажет.

Я немного разобрался в постройках. То, что сначала показалось мне квартирными блоками, оказалось комплексом зданий, соединенных друг с другом – вроде тех, что индейцы Пуэбло строили в пещерах. Только эти здания были построены в естественных расщелинах земной породы. Я увидел то, что, возможно, служило Фредам мебелью, но ничего похожего на вещи личного характера. Разумеется, мы не имели ни малейшего представления, какие вещи считаются у Фредов личными. Все здания были белого цвета, словно все остальные цвета были с них выжжены, оставив лишь шершавую поверхность, как у пемзы.

Передачик донес до меня голос Арлин:

- Флай, тебе стоит на это посмотреть. Я нашла одного выжившего.

- Выжившего? - переспросил я, направляя антенну в ее сторону.

- То есть, я имела в виду, свежее тело. Может, мы сможем оживить урода и узнать, что тут произошло.

- Чего-чего? – воскликнули близнецы, которые слышали только мои реплики.

- За мной, ребята, - сказал я, переходя на легкий бег. – Нам нужны ваши волшебные способности.

Я пробежал по лагерю, поворачиваясь так, чтобы сигнал был громкий и четкий. Арлин я нашел через пару минут – всего в полукилометре от того места, с которого стартовал. Она изучала обвалившуюся каменную плиту, из-под которой торчали рука и нога Фреда. Его удачи хватило на то, чтобы не быть расщепленным, похищенным или что там случилось с остальными – но не на то, чтобы вовремя покинуть здание.

Увы, голова была раскурочена в бесформенное месиво.

- Черт возьми, - проворчал я. – Даже если мы найдем способ восстановить его тело, он ничего нам не расскажет без своих мозгов.

Близнецы опустили на колени, изучая тело.

- Похоже, что мозг не поврежден, - заключили они, прощупывая его грудь. Дубина ты, Флай! Я отвесил

себе мысленный пинок под зад. Знал ведь, что их мозг находится не в голове, но не вспомнил вовремя. Клэвийцы в этом были схожи с Фредами.

- Вы можете его подлатать? – спросила Арлин. – Было бы здорово узнать, какого черта тут произошло. Близнецы достали лазерный резак и принялись отрезать от тела ноги, руки и голову. Я чуть свой обед там не оставил. Клэвийцы и раньше казались нам немного жестокими и ленивыми. Но разрезать тело лазером только чтобы не поднимать плиту – это слишком, даже для них!

Они достали туловище из-под обломков, уронив на него несколько камней. Я смотрел на тело с сочувствием. Даже мертвые Фреды чувствовали боль от каждого удара.

Не выпуская туловище из рук, близнецы направились обратно к кораблю. Мы с Арлин замыкали шествие демонической парочки с Клэйва.

Фреды делили корабль на секции несколько иначе, чем люди. У них был более «объектно-ориентированный» подход к организации кораблей: разные секции как разные городки, каждая из них обеспечивала себя всем необходимым: еда, вода, навигация, двигатели и медицинские принадлежности. Одному Богу известно, каким образом они разделяли свои обязанности. Может, они даже дрались за них.

Сэрс и Робак шатались по кораблю, пока не обнаружили систему механизмов, которая, по их словам, называлась «медграммой». Они положили туловище внутрь и потыкали в красные и синие кнопки на панели управления.

Через пару часов (я все это время наблюдал, Арлин же прикорнула на одной из кроватей) туловище задержалось, пытаясь пошевелить несуществующими конечностями.

- Ну, здорово, - проворчал я. - А дальше-то что? У него же не рта. Как он нам хоть что-то расскажет?

- Голосовой генератор, - произнесли близнецы. Они прикрепили к туловищу Фреда еще несколько проводов, взяли сенсорную панель, и из динамиков до нас донесся механический голос:

- ... СМЕЕТ ПРОТИВОСТОЯТЬ ВЕЛИЧИЮ... КАК СМЕЮТ ДЕМОНЫ, УКРЫВАЮЩИЕ МЕНЯ ОТ СОЛНЦА, КТО ПО ГЛУПОСТИ ИСКУШАЕТ... ЛЮДИ ИЗ ТЬМЫ И ЖАРА, ЛЮДИ ИЗ РАЗЛОМОВ ИЗ...

Близнецы отключили генератор, поигрались с настройками и снова включили его. На этот раз речь была на непонятном языке, от которого у меня даже зубы разболелись – предположительно, на языке клэвийцев.

Арлин вскочила с кровати, едва раздался голос. Она уставилась на нас диким взглядом, пытаясь прийти в чувство и понять, кто только что говорил.

- Впечатляет, - сказал я. – Откуда эта штука знает английский?

Близнецы посмотрели на меня как на ребенка-дегенерата.

- Флай, вы с Арлин восемь с половиной недель говорили по-английски на корабле. Как думаешь, чем в это время занимались его компьютерные системы?

Я почувствовал неприятное ощущение в животе, словно внутри перебирала ногами пара ядовитых сороконожек.

- То есть, эта громадина слушала все, что мы говорили? Господи.

Арлин нервно оглянулась.

- А они за нами... наблюдали?

- Иногда.

- И в ванной тоже?

- Иногда, - беззаботно ответили близнецы. – Мы тоже за вами наблюдали. Нам было любопытно, какие у вас гениталии и как вы спариваетесь.

Арлин покраснела как редиска. Я не шучу! За годы службы морпехом она принимала душ с парнями, ходила в один туалет с парнями и даже занималась сексом с Доддом на глазах у всех, когда однажды напилась. А сейчас она покраснела от мысли о том, что пришельцы и какой-то там компьютер видели ее голой! Я не мог перестать хохотать, даже когда она направила на меня свою М-14.

- Нужно правильно его настроить, - пробормотали близнецы, нажимая на кнопки. Я наблюдал за ними, и в моей памяти всплывал тысяча и один фантастический фильм, которые мы с Арлин смотрели, пока она вскользь упоминала, чья сестра была любовницей главы студии Wildebeest.

- Блин, это же доктор Мабус, - шептала она тогда мне на ухо.

- Попробуйте их спросить о чем-нибудь, - предложили Сэарс и Робак, очевидно, полагая, что перед ними два Фреда, а не один. Близнецы всегда были вместе, все делали вместе и понятия не имели, как можно что-то делать не в паре, паре пар и так далее. Они без проблем говорили с Арлин и Флаем, но когда нас было трое – я, Арлин и капитан Идальго – они просто в истерике бились.

Я прочистил горло.

- Назовите свое имя для протокола, - начал я, просто чтобы услышать хоть какой-то ответ от Фреда.

- Я буду Рамакапифдураагназдифлерамаканор...

- Теперь ты будешь зваться Румпельштильцхен, - решил я. Не заставит он меня повторять этот ужасный набор звуков!

- Румпельштильцхен, я Таггарт. С тобой также могут говорить Сандерс, Сэарс и Робак. Ты ответишь на все наши вопросы, или мы оставим тебя в таком состоянии навечно.

- Румпельштильцхен спрашивает. Что будет, если он ответит на вопросы Таггарта?

- Ты будешь расщеплен, и твой дух отправится туда, куда они обычно отправляются.

- Румпель-бумпель-мумпель-хумпель...

- Ты принимаешь условия?

- Румпельштильцхен отвечает на вопросы. Бумпель.

Я вздохнул. Не стоит забывать, что мы проникли напрямую в мозг Фреда – Фреда, который Бог знает сколько времени лежал мертвый, постепенно сходя с ума.

Кстати, именно это и стоит спросить для начала.

- Румпельштильцхен. Как долго ты лежал под камнем?

- Камнем-бамнем-тамнем-шамнем...

- Румпельштильцхен должен отвечать на вопросы!

- Я... я... я... Румпельштильцхен отвечает на вопросы. Румпельштильцхен пролежал девятнадцать тысяч триста девяносто два солнца.

Арлин снова потянулась к своему калькулятору в часах.

- Эта планета вращается вокруг своей оси четыреста двенадцать раз за время облета вокруг солнца. Стало быть, это сорок семь Фредо-лет и двадцать восемь Фредо-дней.

- Сколько это по-нашему? – спросил я.

- Около сорока лет и шести месяцев.

- Господи. Румпельштильцхен, на вас напали девятнадцать тысяч солнц назад?

- Напали-пропали-воздали-сломали-напали-пропали-воздали-сломали...

- Кто на вас напал?

- Новички-сверчки.

- Новый вид? Что это за новый вид? Румпельштильцхен, как вы встретились с нападавшими?

- Румпельштильцхен и его люди встретили новый вид в их собственном мире, когда расширяли свою великую империю завоевать всех превратить в пепел.

Я закрыл глаза, пытаюсь разобраться в путаной речи Фреда. Арлин нашептывала свои размышления в микрофон, так что я один мог ее слышать.

- Думаешь, они нашли новый вид на неизведанной планете, и те уничтожили мир Фредов?

Я кивнул. Эта мысль действительно пришла мне в голову, но тут не все сходилось. Сэарс и Робак ясно дали понять, что большинству цивилизаций нужны миллионы лет, чтобы научиться летать в космос. Человечество было исключением из этого правила, что застало Фредов врасплох. Они обнаружили нас четыре – пять веков назад, когда испанцы и португальцы еще плавали на парусных кораблях, открывая Новый Свет. Фреды решили, что нашей цивилизации потребуются десятки тысяч лет, прежде чем она разовьется до такой степени, что сможет дать отпор.

Мы им не понравились. Они боялись нас, потому что мы, в отличие от всех известных видов в галактике, могли умереть. Они решили истребить нас – очередной ход в глобальной шахматной партии за контроль над галактикой. В бою «гиперреалистов» и «деконструктивистов» мы играли роль бедного фермера, на чьем заднем дворе проходила одна из их стычек.

Гиперреалисты и деконструктивисты – термины, введенные близнецами. Тщательно проштудировав всю земную философию, они решили, что эти странные изнеженные женоподобные нью-йоркские литературные критики больше всего подходят на роль философов. Ирония судьбы: великая война

между двумя могучими империями вылилась из простой конкуренции двух школ литературного критицизма. Миллиарды жизней были положены на то, чтобы доказать правоту одной из школ, истинность ее взглядов на смысл «одиннадцати обрывочных историй» и другой литературы. Разумеется, обе школы упускали из вида суть. Про это нам рассказали Сэарс и Робак, но они не вдавались в подробности. Я понятия не имел, что значит «одиннадцать обрывочных историй». Может, одиннадцать обрывков одной истории? Близнецы хранили молчание.

Их вид – клэвийцы – поддерживал гиперреалистов. Злые Фреды придерживались скользких, бесчестных взглядов деконструктивистов. Рано или поздно я выбью из этих сукиных детей Сэарса и Робака все подробности, но сейчас я благодарил Бога за то, что нам, солдатам, не обязательно разбираться в политике, чтобы исполнять приказы.

Как бы то ни было, Фреды катастрофически просчитались. Когда они вернулись на свою планету, собрали армию для вторжения (что заняло у них около века) и вернулись обратно, прошла «всего» половина тысячелетия. Но к своему удивлению, вместо популяции глупых суеверных фермеров и моряков они обнаружили технологически продвинутую цивилизацию, разработавшую ракеты, ядерные боеголовки, лазерное оружие и космические корабли. Цивилизацию, которую уже не испугаешь клыками, рогами и когтями.

Даже после того, как мы с Арлин надрали инопланетные задницы, отправившись в космическое путешествие, человечество едва сводило концы с концами. В бою против демонов мы использовали тактику Мухаммеда Али – брали врага измором, после чего атаковали уже измотанного. Они превратили Солт-Лейк-Сити и Чикаго в ядерные пустоши, а мы стерли в пыль их базы на Фобосе и Деймосе. Остатки роты Фокс – не только нас с Арлин, но и Альберта, и нашу хакершу – подростка Джилл – отправили спасать Кена Эстеса. Раньше он ничем не отличался от других людей, но его превратили в киборга, и с его помощью мы смогли взаимодействовать со всеми технологиями Фредов. Они создавали генетически модифицированных разведчиков, а мы в ответ тренировали einsatzgruppen³.

Одному Богу известно, что происходило на Земле после того, как мы покинули ее в самый разгар войны. Точнее, что уже произошло. Пора бы привыкнуть, что когда мы вернемся домой, на Земле пройдет аж четыреста лет.

Фреды сильно ошиблись, решив, что человечество развивается с такой же скоростью, как и остальные расы в галактике. Может, они допустили ту же ошибку снова – на этот раз с далеко идущими последствиями?

Пора кое-что уточнить у нашего Румпельштильцхена.

- На каком технологическом уровне была та цивилизация, которую вы встретили?

- Техно-кэжно-крэжно-фермер-швермер...

- Они были на стадии земледелия или успели дорасти до индустриального производства?

- Успели-воспели-капели...

- Румпельштильцхен должен ответить. На каком уровне развития была новая цивилизация?

- Злые! Мы пришли захватить как они захватили мы пришли собрать урожай как они собирали мы ушли как они ушли мы пришли захватить как они захватили!

Захватить, собирать урожай... Кочевники? Фермеры, которые только начали приручать домашних животных? Я допрашивал Фреда еще полчаса и узнал кое-что еще. Как я понял, «Новички» только недавно открыли для себя земледелие и животноводство. Они как раз переходили от кочевого образа жизни к оседлому, когда прилетели разведчики Фредов. Те наладили контакт с Новичками и провели несколько стычек, просто для пробы.

Разведчики вернулись домой около трехсот лет назад, примерно в то же время, что и первая группа с Земли. Какое-то время они валяли дурака, после чего вернулись обратно к Новичкам. И вместо популяции земледельцев обнаружили хорошо вооруженную цивилизацию, освоившую космические полеты. Чтобы добраться от основ земледелия до постройки ракет, Новичкам потребовалось всего двести лет!

После этого разобрать смысл слов Румпельштильцхена стало невозможно совсем. Дальнейший допрос

был долгим, скучным, утомительным, унылым, дважды скучным занятием. Даже близнецы потеряли интерес и стали развлекаться с навигационной системой, блокировка с которой была снята, как только корабль достиг цели назначения. Как я понял, Сэарс и Робак никогда раньше никого не допрашивали. Тут нужно терпение. В конце концов, додумывая и переспрашивая, нам с Арлин удалось кое-что вытянуть из Румпа. Когда Фреды прибыли на планету Новичков, готовые занять «пустую» клетку на доске в грандиозной шахматной партии гиперреалистов и деконструктивистов, они обнаружили кое-что странное. Популяция Новичков развивались так же быстро по сравнению с человечеством, как человечество развивалось по сравнению со всеми остальными в галактике. Новички порвали Фредов как тузик грелку.

Окончание истории мы с Арлин так и не поняли до конца, но картина, которая вырисовывалась, была нам настолько приятна, что другие версии отпали сами собой. Новички отогнали Фредов обратно на свою планету, после чего прилетели туда сами и разнесли все к чертовой бабушке, отомстив за попытку их истребить. С какой же радостью я посмотрел бы на Фредов, которые в отчаянии защищают свой мир от неизвестного врага, разносящего их дома и корабли! Мы с Арлин хохотали в голос, представляя это. Близнецы наверное решили, что мы спятили окончательно, ведь у их организмов не было такого психологического защитного механизма, как чувство юмора. Они просто паялились друг на друга.

То, что Румпельштильцхен выдал потом, моментально стерло улыбки с наших лиц. Он снова и снова повторял, что Новички до сих пор здесь. Вот только где?

4

Сэарс и Робак замотали головами, выражая эмоции, понятные только клэвийцам.

- Что ты имеешь в виду? – спросил я нашего пленника.

- Мы уже отправили факс индейцам, - ответил он. – Куда ты хочешь поехать?

За следующий час мы с Арлин не вытянули из Румпельштильцхена ни одного осмысленного слова.

- Как думаешь, - задал я вопрос, - он растерял все остатки мозгов?

Арлин сжала губы.

- Не знаю, о чем его еще спросить. Мы зашли в тупик по всем вопросам.

Она вздохнула и отправила в рот питательную таблетку.

- Да, Флай. Полагаю, больше мы от него ничего не добьемся. Свою часть договора он выполнил. Ты его распылишь?

Я пожал плечами.

- Сделка есть сделка.

Я осторожно снял все провода с туловища Фреда. Бросил взгляд на Сэарса и Робака, но они потеряли всякий интерес к пришельцу. Их руки шарили по навигационной панели корабля, подключая и отключая оптоволоконные кабели.

- Вы, э-э, знаете, где тут у Фредов распылитель?

Фреды палили по нам из них, когда мы ворвались на их базу, а позже – и на корабль. Это лазерное оружие, намного лучше нашего. Арлин собрала у себя все пушки, включая семьдесят четыре распылителя. Она передала мне ближайший.

Стараясь не стоять на линии огня и не распылить случайно самого себя на глазах у младшего по званию, я положил туловище на антинейтронную подставку – единственную вещь, которая остановит луч распылителя. Туловище упало, я поднял его и снова положил на подставку. После чего отошел назад и прицелился в область груди – как раз туда, где располагался его мозг.

- Не нравится мне все это.

- Флай, он сорок лет провел в ловушке под камнем, и даже смерть была для него непозволительной роскошью. Один глаз был открыт, помнишь?

- И что?

- И то, сержант, что четыре десятка лет Румпельштильцхен не мигая смотрел на землю, небо или солнце, понимая, что вся его популяция в мгновение ока была уничтожена инопланетной расой, которую они собирались поработить. Флай, он достаточно настрадался. Не оставляй его в этой телесной ловушке.

У меня тряслись руки, пока я орудовал палочками для еды, имитируя пальцы Фредов.

Арлин положила руку мне на плечо.

- Может, позволишь мне?

Я решительно покачал головой.

- Нет уж, АС. Ты что, не читала Старого Брехуна⁴ в детстве?

- Была слишком занята чтением Путешествия на Грибную Планету и Звездного Зверя.

- Когда тебе надо застрелить любимую собаку, Арлин, ты предпочтешь сделать это сама. Никто другой за тебя Старого Брехуна не застрелит.

Я нажал на маленький курок. Как обычно, ничего не произошло. Это меня больше всего раздражало: когда палишь из такого смертоносного оружия, ожидаешь увидеть синий луч, молнию, пламя – ну хоть что-то. Но луч был невидим, как рентгеновское излучение, и так же бесшумен. Все, что я услышал – тихий щелчок, после чего в груди Румпельштильцхена образовалась огромная дыра. Плоть испарялась мгновенно, как только луч ее касался.

Медленно, не спеша я испарил все туловище. Куда бы я ни направлял луч, плоть просто испарялась. Минуту спустя я его выключил. От Фреда не осталось ничего кроме невидимого скопления органических молекул в состоянии горячей ионизированной плазмы. Мучения его наконец закончились.

- Ну что, малышка, - повернулся я к Арлин. – Поохотимся на Новичков?

Мы облачились в боевые костюмы. Впервые за черт знает какое время я трясся от страха. Мне казалось, Фреды выжгли из меня весь страх каленым железом, не оставив ничего кроме холодной маски социопатии. Как бы ни так. При мысли о том, что мы идем на сражение с врагом, который смешал Фредов с грязью на их собственной планете, мои руки тряслись так сильно, что я даже ботинки зашнуровать не мог.

- Оставайтесь здесь и не глушите двигатель, - приказал я близнецам.

- Так вы хотите слышать, как он работает? – спросили они.

- «Глушить двигатель» - это фигура речи такая, дурашки, - объяснила Арлин. – Но будьте готовы отчалить в любой момент. Если мы наткнемся на целое гнездо этих Новичков, времени на разогрев и подготовку не будет.

Сэарс и Робак посмотрели друг на друга. Ну точь-в-точь Аллей-Уп и его зеркальное отражение. Как по мне, они были страшно довольны, что могут просто остаться на корабле и позволить морпехам делать всю грязную работу. Я нацепил шлем и закрепил бронепластины на теле. Ни в какое сравнение со скафандром эта броня не шла, но она даст нам несколько минут жизни в полном вакууме. Я заметил, что лицо Арлин было бледнее, чем обычно. Должно быть, она чувствовала то же, что и я.

Дыхание эхом отдавалось в моих ушах, когда мы спустились по трапу и снова ступили на поверхность планеты Фредов.

Через очки ночного видения пейзаж вовсе не казался безжизненной пустыней. Он был окрашен в зеленый цвет с помесью инфракрасного, с помехами от радиоволн и видимого света. Я переключился на микроволновый детектор движения: вокруг нас движения не наблюдалось до самых зубчатых гор на горизонте.

- У меня плохое предчувствие, - передал я Арлин по зашифрованному каналу связи. – Должна же здесь быть хоть какая-то жизнь, даже если Новички прикончили всех Фредов.

- Может, они не разбирали, где Фреды, а где животные, и на всякий случай перебили вообще всех. Может, ядерную бомбу сбросили или яд какой-то распылили. А может, биологическое оружие.

Я пожал плечами.

- Не похоже, что они стремились уничтожить вообще всех на планете.

- Ну, возможно, остались другие формы жизни. Просто они не двигаются.

- Арлин, жизнь значит движение. Живой – это тот, кто что-то делает, а не сидит на месте.

Она не ответила, и я начал круговой обход, осматривая внешний периметр. После трех часов такой разведки я начал сожалеть, что так быстро спалил Румпельштильцхена и освободил его душу.

- Если этот ублюдок мне солгал, я...

- Ты – что? – раздался голос Арлин в моем ухе. – Воскресишь его и снова убьешь?

- Может, стоит воскресить Фредов на корабле? Стоп, можешь не отвечать. Я понял, как глупо это звучит.

Арлин в тот момент наверное набирала воздуха в грудь. Иначе я тут же услышал бы ее фыркание и заверения о том, что Фреды на корабле знают о Новичках даже меньше нашего.

Вся странность этого места начинала давить на мозги. Я по-прежнему видел каких-то фантомов боковым зрением, но как только поворачивался и обследовал местность детектором движения, тот молчал.

- Будь проклят этот Румпельштильцхен! Он ведь клялся, что они до сих пор здесь!

- Может, он имел в виду, что они были здесь, когда он умер?

Я выдержал долгую паузу.

- Арлин, если так и есть на самом деле, у нас большие, очень большие неприятности. Думаю, ты даже не представляешь, насколько большие.

- Какие неприятности? Если мы их не найдем, то просто прыгнем в корабль и умчимся обратно на... Землю.

Я прекрасно знал, что она хотела добавить. На безжизненную Землю, где нет места любви и нет Альберта Галлатина.

- Арлин, если мы не найдем Новичков, я тебе гарантирую – они сами нас найдут. Найдут Землю. Фреды и так истребили почти все человечество. Наш вид практически вымер, и мы до сих пор живы только потому, что они нас недооценивали! Как думаешь, что будет с людьми, если следом за Фредами нашу планету обнаружат Новички?

- Господи. Я не думала...

- И если за двести лет они смогли развиваться от каменных плугов и земледелия до... вот этого, как далеко они от нас уйдут еще лет через десять? А если они найдут нас через пятьдесят или сто лет? Вот тебе и «Господи». Они станут нашими новыми богами.

Арлин молчала, я слышал только собственное дыхание. Мне хотелось попросить ее включить свой микрофон, чтобы можно было слышать и ее, но я не мог терять контроль над собой. Только не тогда, когда рядом есть кто-то в моем подчинении. Помимо прочего, я должен был демонстрировать спокойствие и уверенность.

- Флай, - сказала она наконец. – Мне это не нравится. Мне страшно.

Она сжалась, словно от холодного ветра.

- Может, мы что-то сможем разглядеть с орбиты.

- После сорока-то лет?

- Может, близнецы что-нибудь придумают.

Ага, точно. Близнецы и не подозревали про существование Новичков, пока мы не устроили допрос Румпелю. А если доходит до них так же долго, как их вид эволюционирует... что они вообще могут предложить?

- Возвращаемся, - приказал я. – Мы здесь ничем полезным не занимаемся, только пугаем друг друга.

Арлин мрачно кивнула.

- Странно это все.

На обратном пути я стал слышать странное, едва заметное жужжание. Жужжание, очень похожее на голоса. Я готов был поверить, что это духи Фредов пытаются выйти на контакт, даже после смерти не теряя надежды победить в войне. Я был убежден, что на всей планете не осталось ни одного живого Фреда. Только те, которых мы привезли с собой – те, которых мы бы никогда не возродили. На самом деле, я решил оставить их на этой планете. Искушение воскресить их от нестерпимого одиночества может стать сильнее убеждений здравого смысла и криков инстинкта самосохранения.

Призраки – не такое уж далекое от правды определение. Только вот куда отправляются эти самые призраки, если они не способны умереть? Я почувствовал прикосновения холодных пальцев на спине. Черт тебя подери, Таггарт, немедленно отключить воображение!

- Чего? – виновато переспросила Арлин. – Флай, ты что, мысли читать научился?

Но я ничего не говорил! Точнее, не понимал, что озвучиваю то, о чем думаю. Любопытно, что наши с Арлин мысли были об одном и том же.

Корабль был настолько огромен, что непривычно было относить его в разряд мобильных. Он был

похож на искусственную гору трехсот метров в высоту – выше, чем здание Хендай в Нуэво Анжелесе – и простирался во все стороны, насколько хватало взгляда. Посадочная площадка была самую малость больше – построена специально для этого корабля. Площадку окружали странные пометки, выжженные лазером на поверхности из вулканического стекла – инструкция по посадке, а может, ритуальные иероглифы. Или и то и другое.

- Флай, а мы ведь так и не обходили вокруг этой крошки полный круг.

- Знаю. Я старался избегать этого. Даже думать не хочу, насколько огромен этот проклятый корабль.

Голос Арлин звучал задумчиво, даже через радио.

- Сержант, дорогой, у меня голова болит...

- Так пенициллин выпей.

- У меня голова болит, когда я понимаю, что мы ДОЛЖНЫ были пролететь весь этот путь и исследовать то, что стало нашим домом на ближайшие девять недель, или сколько мы тут собираемся остаться, прежде чем вернуться... домой.

- Твоя правда, - вздохнул я. – Нам нужно разведать местность. Арлин, ты ведешь.

- Ай-яй-яй, капитан, - в ее голосе слышалась странная смесь тревоги и эйфории. Она повесила на плечо свою RK-150, а я сжал рукоятку старой-доброй М-14 стандарта специально для морпехов, больше похожую на улучшенную винтовку Браунинга, чем серии сверхточных М-7, М-8, М-10 и М-12. Мощные малышки. Фреды выглядели жалко, когда не были окружены своим демоническим оружием. Понятия не имею, на что мы здесь наткнемся, но сомневаюсь, что нас ждет что-то хорошее.

Я хотел позвать близнецов и доложить им обстановку, но мы были снаружи. Если понадобится им, сами позовут. Я следовал на расстоянии двадцати пяти метров от Арлин, все еще чувствуя холодные прикосновения на спине.

Трудно было не восхищаться межзвездной громадиной, как трудно было и поверить, что Фреды, которые его построили, не могли противостоять такой неразвитой цивилизации, как человечество. На Пэррис-Айленд нас учили, что мораль и дисциплина в бою значат больше, чем танки и поддержка с воздуха. В пример приводили моджахедов в Афганистане и Боснии, Косу Славы в Кефиристане. Сейчас я действительно начинал в это верить: мы встали на защиту, а Фреды не были готовы к сопротивлению.

Поверхность корабля была выкрашена в металлический серый цвет, с углублениями от столкновений с микрометеоритами. Я благодарил Бога за самоуплотняющееся покрытие: на тех скоростях, на которых мы летели по галактике, пылинки могла продырявить корабль насквозь, пройдя как пуля сквозь масло.

Мы дошли до кормы и устали на двигатель невероятных размеров. Если верить спецификациям, это был прямоточный воздушно-реактивный двигатель. Пока корабль ускорялся, электромагнитная сеть в носовой части захватывала протоны, альфа-частицы и отправляла их в реактивные двигатели, где тепло от преобразования материи в энергию превращало водород в потоки плазмы, которые вылетали через «выхлопную трубу» сзади корабля. Только так мы могли за три – четыре дня разогнаться до скорости, близкой к световой.

«Выхлопная труба» сзади была похожа на обычную трубу. В какой-то момент я даже поймал себя на мысли, что ищу вентиль, который включит воду. Мы обогнули хвостовую часть и продолжили обход.

В километре от хвоста мы наконец нашли его – первое и единственное тело Новичка. Арлин что-то заметила и побежала вперед. Я опустился на колено, разглядывая ее в прицел своей винтовки. Она забежала под корабль, пригнулась и пару метров проползла боком. С этого ракурса корабль был больше похож на здание, построенное на посадочной площадке в форме стакана.

- Ничего себе, - пробормотала Арлин. – Сержант Флай, тащи сюда свою задницу и взгляни на это.

- Что там? – спросил я, направляясь к ней.

- Ты лучше сам посмотри, - ее голос звучал возбужденно, и я ускорил темп.

Не успев добежать, я начал задыхаться. Черт возьми, что только творит одна лишняя нашивка с физической формой морпеха! Арлин выглядела спокойной, ее RK-150 по-прежнему висел у нее на плече. Она смотрела куда-то перед собой, и мне пришлось опуститься на колени, чтобы разглядеть предмет ее интереса. Она посветила мне фонариком. То, на что мы смотрели, было телом. Но определенно не телом Фреда.

- Подержи винтовку, - сказал я, отдавая Арлин оружие. – Я взгляну поближе.

Моя подруга с беспокойством посмотрела на корабль.

- Ты уверен, что эта громадина тебя не размажет по площадке?

- Еси эт так, мисс, - сказал я, подражая выговору сержанта Гофорта, - у нас бу-т ба-альшие неприят-ти. Накрывающая нас часть корабля простиралась на пятьдесят метров за нашими спинами. Если он тронется, нас тонким слоем размажет по всей посадочной площадке. И неважно, где именно мы будем в тот момент стоять.

Но, разумеется, идея лезть под корабль на карачках меня не радовала. Я буквально спиной чувствовал всю его массу и необъятность. Я прополз метров десять, когда почувствовал внезапный прилив необъяснимой паники. Никогда раньше не страдал клаустрофобией, так почему приступы начались сейчас? Корабль был похож на перевернутую гору, балансирующую на острой вершине и готовую в любой момент опрокинуться, похоронив меня. Я замер, пока волны паники окутывали меня. Единственное, что заставляло ползти дальше – тот факт, что Арлин за мной следила. Пусть лучше я в лепешку превращусь, чем она будет считать меня сопливым трусишкой.

Спустя минуту приступы паники спали до напряженной тревоги. Все еще ужасно, но уже терпимо.

- Ты там в порядке? – услышал я голос Арлин.

- Д-да, п-пытаюсь п-получше его разглядеть. Нужно подпод... подползти ближе.

Я заставил себя подобраться достаточно близко к телу, чтобы разглядеть его. Направив на него луч фонаря, я медленно подполз еще ближе, пока моя голова не оказалось между кораблем и странной губчатой материей.

Корабль приземлился точнехонько на мертвого пришельца - ну прямо сцена из Волшебника Изумрудного города. Это явно был не Фред. Тело больше походило именно на тех пришельцев, которых я когда-то ожидал встретить: бледная кожа, длинные руки, усикообразные пальцы, не похожие на фредовы палочки для еды или на пальчики-реснички Сэарса и Робака. Богом клянусь, у этого существа даже антенна была. Огромные глаза цвета кока-колы по размерам не уступали посадочным огням F-99. Я не смог разглядеть, но полагал, что они продолжают на затылке. Лицом он был повернут ко мне, и едва я разглядел его, по спине поползли мурашки. Над красной щелью рта у него не было носа. Вместо них по бокам лица – там, где у людей щеки – тянулись две черных полосы, которые, скорее всего, были воздушными фильтрами.

Я почувствовал гулкие удары сердца и новый прилив паники. Я точно знал, что смотрю сейчас на своего первого Новичка. Немного успокоившись, я скользнул в сторону, закрыв собой свет фонаря и оставив тело в полной темноте. Отойдя немного в сторону, я смог разглядеть тело и ноги.

- А знаешь, - крикнул я дрожащим голосом, - не вижу серьезных повреждений. Полагаю, мы можем его воскресить.

Арлин крикнула что-то в ответ, но я не расслышал. Затем она догадалась включить свой микрофон:

- Если я брошу тебе веревку, ты сможешь его вытащить?

- Да, смогу, - ответил я. Участвовать в родео мне не доводилось, но в детстве я работал на ранчо Макдональда и пару раз катался на телятах.

- Бросай веревку, Арлин. Я его заарканю и вытащу наружу. Кажется, впервые на этом задании что-то сложилось в нашу пользу.

5

Мы оттащили наш отвратительный трофей на корабль и свалили его на стол прямо перед близнецами. Они так на него вылупились, что я испугался, не опустеют ли их глазницы.

- Что такое это?

- Я надеялся, что вы мне расскажете, - проворчал я, приняв скучающую позу а-ля «я это все уже видел и не раз». Тот факт, что гориллы Магилла что-то не знают, удивил меня не меньше, чем их - само тело.

- Вы хотите сказать, что это совершенно новый вид, который вы раньше никогда не видели?

- Нет, - ответили они. – Но он ужасен. Цвет тела неправильный, а глаза просто отвратительны. Где вы его нашли?

- Корабль на него приземлился, - объяснила Арлин. – Это может быть Новичок, один из тех, про кого говорил Румпельштильцхен?

- Ну, кто-то Фредов истребил, в этом нет сомнений, - ответили близнецы. – Если здесь нет других форм жизни, логично предположить, что...

- Здорово, здорово, - прервал их я. – Вы можете его воскресить? И постарайтесь ничего ему не отрезать. Я сдержался, когда вы резали Румпельштильцхена, но в этот раз вы весь мой обед увидите. Вместо ответа близнецы схватили аппарат УЗИ, рентген и с их помощью стали строить компьютерную анатомическую модель Новичка. Через полчаса они перетащили тело в круг из материала, похожего на бамбук – возможно, фредовский аналог томографа или картографа Кронке, которым пользовались их доктора.

Мы с Арлин в это время перебирали в памяти все научно-фантастические фильмы, которые посмотрели в свое время. Моей подруге казалось, что неведомое создание похоже на пришельцев из Контакта, а я настаивал на гигантской версии существ из Инопланетянина. Через час и десять минут после исследования Сэарс и Робак наконец ответили:

- Да.

Мне потребовалось время, чтобы понять, на какой вопрос они только что ответили.

- Да? То есть, вы сможете его воскресить?

- Мы воскресить его сможем, если вторую часть найдешь ты.

- Вторую часть? Ребят, он там один лежал. У него нет брата-близнеца.

Несколько секунд они не сводили с меня глаз, но я не был уверен, что они догнали, о чем я. Клэвийцы всегда ходят парами, говорят парами, все делают парами. Одно существо, без пары, они даже разглядеть не смогут. Если вы стоите в одиночестве, они видят призрачную фигуру рядом с вами. Если вас трое – А, Б и В – клэвийцы тоже увидят троих: А и Б, Б и В, А и В. Мы выяснили это, когда Идальго еще был с нами.

Сэарс и Робак были инопланетными посланцами, так что им пришлось поучиться взаимодействовать с одиночными существами. И все же, иногда они забывались.

С выражением боли и обиды на лицах они перетащили тело на операционный стол, выяснили, что стало причиной «смерти» Новичка и устранили эту причину. Таким образом можно было воскресить любое живое существо в галактике. Кроме нас, людей.

Долгое время близнецы исследовали тело на предмет физических повреждений, но ничего не нашли. В конце концов они решили эту задачку: Новичок умер от голода. Очевидно, его случайно оставили тут, и у него закончились питательные таблетки. Перед самой смертью он лег на посадочную площадку в надежде, что его найдут и воскресят. Надо признать, он был тот еще везунчик: ляг он на пару метров поодаль, и шмяк!

Увы, мы ничем не могли ему помочь. Никто из нас понятия не имел, чем именно питаются Новички. Сэарс и Робак провели биохимический анализ и, по их словам, отделили необходимые питательные вещества. Они посмотрели, что из этого можно добыть на планете Фредов, после чего должны были вынести заключение, что в организме Новичка вышло из строя и как вернуть его к жизни.

В результате нам с Арлин пришлось потратить день-два, играя в исследователей. Мы обошли корабль, составляя карту всех «объектно-ориентированных» отсеков ультраиндивидуалистов Фредов. Ирония судьбы: мне и в самом кошмарном сне не могло присниться, что такой индивидуалист как я будет сражаться на стороне радикальных коллективистов из Клэйва. Но морпехи не играют в политику – они лишь помогают ее насаждать.

Мы частенько возвращались проверить близнецов. Мне бы не хотелось, чтобы они воскресили Новичка, не потрудившись даже нас подождать. В конце концов, они объявили, что все готово. Они смешали различную органику в одну питательную смесь, поместили туда Новичка и два дня пропускали через него слабый ток. Затем одним скачком они увеличили напряжение, заставляя его сердце снова начать биться. Существо застонало, взмахнуло руками и поднялось на ноги – снова живое.

Новичок медленно изучил каждого из нас. Особенно долго он задержал взгляд на близнецах. Существо не пыталось сбежать, напасть на нас или даже просто слезть с операционного стола. Думаю, он не знал точно, сколько нас на корабле, и ему не хотелось мутить воду раньше времени.

С самого момента возрождения существо стало понимать нашу речь. Я попросил Арлин прикрыть меня. Через шесть секунд Новичок уже понимал все слова, что я использовал (Арлин, имя, ты, я, предлоги, прикрыть) и наполовину понял структуру нашего языка (вопрос, выражение). Я задал ему несколько простых вопросов. Через мгновение он ответил мне на хорошем английском – намного

лучшем, чем выдавали Сэарс и Робак. Через час после воскрешения мы уже вели с ним оживленную беседу.

- Кто ты? – спросил я.

- Новички.

Ну, спасибо, блин, разъяснил.

- Не как вид, а как... личность. Как тебя зовут?

- Новички.

Я помотал головой. Что-то не клеился у нас разговор – может, он еще не так хорошо понимал наш язык?

- Ладно, Новичок. Что ты сделал с Фредами, которые хотели истребить вас?

- Они вышли из строя, и мы не можем починить их.

- Как они вышли из строя?

Некоторое время Новичок молчал. Как я понял, он рассчитывал время.

- Одиннадцать декад прошло между нашими встречами, а они так и не подготовились к последствиям. Мы ожидали, что сдадимся, выйдем из строя и будем вымаливать исправление, а на деле вышли из строя они. И исправлять теперь надо их самих.

- Мы нашли здесь Фреда, который сказал, что вы уничтожили их, стерли с лица планеты. Зачем ты убил его и всех его товарищей?

- Что такое Фред?

- Фреды! – я раздраженно взмахнул руками. – Те, кого вы поубивали. Зачем вы это сделали?

- Мы не знаем, что такое Фред. А Фреды вышли из строя. Они не подготовились к последствиям. Мы пытались исправить их, но нам это не под силу. Мы уничтожили их, пока пытались решить эту проблему. Когда мы снова встретим поломки такого вида, то должны будем уметь их исправлять.

Новичок все еще сидел на операционном столе, совершенно без движения. Руки плетями повисли по бокам, словно он их не чувствовал. Наверное, так бывает, когда умираешь, а потом тебя воскрешают не лучшие врачи во Вселенной.

- Вы пытаетесь исправить все расы, которые, э-э, не подготавливаются к последствиям?

- Мы никогда раньше не встречали другие расы. Мы не понимали, что живем на планете, пока не подготовились. До этого мы думали, что живем в мире.

- Почему другие Новички тебя здесь оставили?

- Мы и есть Новички. Мы не понимаем вопроса. Нам надо или подготовиться к нему, или исправить его.

- Почему ты – лично ты – до сих пор здесь, на планете Фредов? Почему ты не с другими Новичками?

- Ваше построение фраз вводит нас в заблуждение. Мы и здесь, и там.

Вот же ж твою бабушку! Еще один долбанный вид коллективного разума. Мы достаточно натерпелись с клэвийцами, которые были способны воспринимать только пары и степени двойки (пары пар и так далее). Новички пошли дальше – они даже понять не могли, что такое одиночный представитель вида.

- Мы должны обдумать то, что вы сказали, - сказал я. – Новички, подождите пожалуйста здесь, на столе или где-нибудь еще.

- Новички подождут.

Он закрыл глаза и перестал подавать какие-либо признаки жизни. Машина, издающая глухие звуки с каждым ударом каждого из своих сердец (их было три – одно в паховой области, одно в животе и третье самое маленькое, гоняло кровь по голове), затихла. Мы слышали только похожий на дыхание скрип, пока падала температура его тела.

Я уставился на его живот. Мне показалось или там действительно что-то шевелится? Я наклонился ближе, не спуская с него глаз. Вспомнился один гротескный фильм из тысячи девятисотых про какую-то мерзость, вылезающую прямо из груди у людей, и я сделал шаг назад. Внутри Новичка определенно что-то двигалось.

- Сэарс, Робак, - позвал я. – Вы засунули в Новичка какого-то паразита, который теперь живет в его теле?

Близнецы посмотрели друг на друга, положив руки на головы.

- Нет, - ответили они. – Ничего, что могло бы передвигаться таким образом.

- Господи, Флай, что с ним происходит? Его как будто съедают заживо! Он что, умирает?

Мы с Арлин разделились, встав по разные стороны Новичка и вскинув пушки наизготовку. Змея, червяк или чем оно там было, пыталось выбраться наружу, выпучивая кожу на животе Новичка. Хорошо, что мы догадались отступить. Когда живот разорвало, серо-голубая кровь Новичка заляпала стены лазарета. Даже на мою форму немного попало.

Серый змей выскользнул через дыру. Но самым ужасным было то, что у змея было аж шесть голов! А когда я моргнул, обстановка резко поменялась: змей превратился в змеевидный отросток с зубцами вместо голов, которые видимо играли роль пальцев. Несколько минут он бесконтрольно болтался и в конце конов заполз обратно. Новичок открыл глаза.

- Вы закончили обдумывать то, что мы сказали?

Не похоже, что он был удивлен внезапной переменой в строении своего тела. По-моему, он этого даже не заметил.

Я попытался построить вопрос так, чтобы он звучал спокойно и вежливо, но Арлин меня опередила:

- Какого хрена у тебя тентакли из живота выползают?

Новичок посмотрел вниз. Он явно выглядел удивленным.

- Мы не понимаем, какое событие привело к такому исправлению.

- Уверен, поймете еще, - пробормотал я. – Но мы не закончили обдумывать. Извините.

Новичок снова сел неподвижно, перестав подавать признаки жизни. Я отошел достаточно далеко, чтобы меня могла слышать только Арлин. Не думаю, что даже Новичкам под силу развить в себе способности к сверхслуху за пять минут.

- Мы в глубоком-глубоком дерьме, дорогая.

Она посмотрела на меня с недоумением.

- Ой, да ладно тебе. Мы все еще можем с ним... а, подожди. Ты имеешь в виду все человечество? Да, я не подумала об этом. Черт.

Новички, сотни миллионов Новичков прочесывали галактику, выискивая виды, которые нуждались в «исправлении». Они настолько быстро эволюционировали, что при следующей встрече их сложно было узнать – настолько они отличались от прежних себя. Они вторглись на планету Фредов и всю их популяцию умножили на ноль. Когда они найдут почти вымершую и неразвитую человеческую цивилизацию, мы будем перед ними беспомощны как маленькие дети. Арлин поморщилась и потянулась к моему уху, чтобы изложить свои мысли.

- Флай, нам надо найти их. Найти способ предупредить Землю.

- Что из себя представляет Земля сейчас? Может, мы и заслуживаем смерти. Кто знает.

Я ощутил на себе тяжелый взгляд голубых глаз, полный холодного презрения.

- Не уверена, что понимаю тебя, сержант.

- Просто мысли вслух. Не обращай внимания. Разумеется, мы предупредим Землю или то, что от нее осталось. В конце концов, это наш долг. Мне просто интересно. Прошло больше двух веков с тех пор, как мы улетели из дома, и еще столько же пройдет, прежде чем мы вернемся обратно. А может и больше – зависит от того, где мы встретимся с Новичками. Мне просто интересно, остался ли там хоть кто-то, кого нужно предупреждать.

Я не знал, сколько всего услышали близнецы из нашей беседы, но надеялся, что немного. Шагнув вперед, я обратился к нашему гостю:

Новички, прошу внимания. Вы сможете взять нас с собой? С теми из вас, кто еще остался.

Существо открыло глаза и заговорило, по-прежнему не шевелясь.

- Мы можем взять вас, если наши планы по исследованию не изменились. Мы собираемся на [неразборчиво], но мы не знаем, куда направимся потом.

- Даже если мы отправимся прямо сейчас, - зашептала Арлин мне на ухо, - Новички будут опережать нас на сорок лет. И неважно, где они в данный момент.

- Вы можете сообщить... э-э... Клэйву курс и расстояние до вашего местонахождения?

Новичок повернулся к близнецам и заговорил на другом языке. К моему удивлению, те ответили ему на том же наречии. Мы с Арлин уставились друг на друга: когда Новичок успел выучить клэвийский? Через мгновение она закатила глаза и выдала мне решение головоломки:

- Ну разумеется. Он знает клэвийский от Фредов.

Хотя, возможно, это и не клэвийский, а какой-то общий язык, которым гиперреалисты и деконструктивисты пользовались для общения друг с другом. Сэарс и Робак вернулись к исследованию навигационной системы. Поскольку из других отсеков не поступало никаких приказов и направлений, из этого отсека можно было управлять всем кораблем.

- Наш полет займет еще восемь недель, - сообщила парочка клэвийцев. – Или сто двадцать лет по внешнему времени.

Еще восемь долгих недель на этом проклятом корабле. Ничего страшного. Как раз то, что нужно. Я сделал глубокий вдох.

- Жми кнопку, Макс⁵.

Арлин кивнула, дав понять, что оценила шутку.

Стартовая последовательность пришла в действие. Подготовка заняла целый день, большую часть которого корабль с максимальной точностью вычислял заданный близнецами курс и заправлялся. Арлин подробнейшим образом расспросила близнецов о том, как тут все работает, после чего прочитала лекции мне, как какому-то неопытному рядовому.

На своей планете Фреды использовали что-то, что Арлин называла «солнечным ускорителем», который выглядел как огромная звезда, вращающаяся на орбите планеты. Каждый луч этой звезды был похож на стрелу с крючком на конце. Диаметр звезды впечатлял – около семи тысяч километров!

Ускоритель вращался в сторону, противоположную движению солнца по небу. Спицы его ниспадали с неба и касались земли. В тот момент казалось, что земля и звезда движутся с одинаковой скоростью, так что при взгляде из иллюминаторов корабля у нас создавалось впечатление, что они на какое-то время застыли без движения.

Наш корабль пришвартовался к одному из лучей звезды, выйдя из системы планеты Фредов и став частью солнечной системы. Продолжая вращаться, колесо потянуло корабль за собой. Сначала потихоньку – мы оказались в невесомости на несколько секунд. Затем мы почувствовали действие центробежной силы.

Перегрузки росли с огромной скоростью, а затем так же быстро сошли на нет, когда мы полетели по инерции. Мой живот стремился на юг, в то время как сам я летел на север, и в какой-то момент я начал скучать по старой-доброй невесомости. Да-да, вы не ослышались! В тот момент Флай Таггарт мечтал оказаться в невесомости!

Мы летели, прицепившись к лучу звезды, и на перигее, высшей точке нашего полета вокруг мини-орбиты центра масс звезды, корабль отсоединился, улетев в открытый космос. Мы снова оказались в невесомости, и я тут же пожалел о своем желании. Но корабль начал вращаться вокруг своей оси, и гравитация скоро вернулась к привычным 0.8g. Двигатели завывали, зарычали, и мы почувствовали тянущую назад силу, которая ознаменовала начало нашего долгого разгона для семинедельного путешествия, которое закончится таким же жестким торможением, и нас выкинет... куда?

Страшно представить. И у нас есть пятьдесят восемь долгих дней, чтобы в полной мере дать волю воображению.

Мы окунулись в рутину космических полетов: тренировки, кутерьма, дежурства на вахте, ментальный стратегический рост (в шахматы поигрывали) и нескончаемые тревожные споры, теоретизирования, воспоминания о том, какой прекрасной была Земля, пока не начался весь этот кошмар. Однажды я даже прогулялся по длинным сырým коридорам. Правда, в этот раз вместе с Арлин, а не за ней.

Все что мы видели, напоминало нам о монстрах, которых Фреды вывели специально для нас. Они многое взяли от своего собственного мира. Фреды явно питали слабость к темным проходам и дверям, которые резко открывались от малейшего шума. Я со счета сбился, сколько раз прятался за угол, когда очередная гребаная дверь распаивалась без всякого предупреждения.x

Ужасные барельефы инопланетных морд украшали каждую поверхность. В самой середине очередного коридора мы наткнулись на фонтан, из которого била красная жидкость, чертовски похожая на кровь. Похоже, на всем корабле не было ни одной прямой стены. Возможно, прямые линии и углы тревожили Фредов так же, как у меня волосы вставали дыбом от их архитектуры.

- Взгляни, - сказали Арлин, указывая на дверь, через которую мы только что прошли.

У меня дыхание перехватило.

- Пасть Молоха? Альберту стоило бы взглянуть.

Я посмотрел прямо на нее, но девушку не задело мое упоминание о ее любимом и единственном. Она медленно кивнула.

- Да, Альберт оценил бы размах.

Вот она, моя Арлин Сандерс. Женщина, которая с иронией говорит о своих страхах и сожалениях. Идеальный морпех.

Я почувствовал, что скучаю по дому, по своему прошлому. Вот он я, еще несколько месяцев назад прожигавший жизнь на Кэмп-Педлтон⁶ и думающий о том, куда бы потратить еще час или два. У меня была невеста, которая сейчас уже давно мертва. У меня были родители и школьные друзья. Мне казалось, что мир останется таким же и через двадцать лет. А потом нас отправили в Кефиристан, хотя даже там все было не так плохо. Дерьмово конечно, но вполне ожидаемо, учитывая род моих занятий. Но когда они вышвырнули нас из Жемчужного Треугольника и запульнули роту Фокс на Фобос... моему уютному мирку пришел конец, а на смену ему явился первобытный ужас. И вот сейчас я бегаю вдоль и поперек по кораблю, которому дали мощного пинка, разгоняя до скорости, близкой к световой. В союзниках у меня парочка инопланетян, а гидом в нашем путешествии служит нечто, что даже им кажется странным. Единственная величина, которая так и не изменилась с тех пор – Арлин Сандерс, мой единственный и лучший друг.

Мы не просто на работе – мы в настоящем приключении. Недели проползали мимо как червяки по мокрому асфальту. Каждые несколько дней Новичок мутировал, эволюционировал – называйте как хотите – и медленно принимал гуманоидную форму. Когда мы только нашли его, он даже отдаленно не напоминал гуманоида. У него был вздутый живот, приплюснутая челюсть и длинные руки. Изменения, происходящие с ним, удивляли меня и немного пугали. Кто знает, вдруг он завтра превратится во что-то, с чем мы не сможем совладать?

Но вот что странно: чем ближе мы подбирались к планетарной системе, которую окрестили системой Хамелеона (именно там обитали меняющие форму инопланетяне), тем более испуганным становился Новичок. Он просто в ужасе бился.

Я спросил, что его так пугает, и он ответил:

- Мы подвержены различным изменениям. И нас пугает, как мы исправляемся, приспосабливаясь под обстоятельства.

- Так тебя пугает, что вы больше ни один схожий вид, - заключил я. Новичок не ответил, снова обмякнув – обычная его реакция на информацию, которую он не мог обработать. Ну разумеется, не мог. Его единство с другими Новичками нарушалось, то, что раньше было единым целым, разбилось на две части. Новичок не находил слов, чтобы описать это. Он всегда представлял себя как все и ничего одновременно. Вся популяция Новичков – это единица вместе и ноль по отдельности. Как можно разделить «все» на две части так, чтобы одна из них до сих пор была «все»?

До Новичка начинало доходить: те, кого мы встретим в системе Хамелеона, будут уже не Новичками. Точнее, не теми Новичками, какими он их запомнил. У нас с Арлин были схожие страхи: ему было страшно осознавать, во что превратились его собратья, а нам – осознавать, во что превратился наш дом.

Первые две недели мы глаз не спускали с Новичка, но он не делал ничего – просто без движения сидел на столе и отвечал, когда мы его о чем-нибудь спрашивали. Он никогда не заводил разговор первым и не двигался с места. Мы наблюдали за ним через решетку вентиляции, чтобы увидеть, что он сделает, когда будет думать, что вокруг никого нет. Но он либо видел нас сквозь решетку, либо ему было все равно. Сэарс и Робак рассказали мне, что на корабле была установлена система скрытого видеонаблюдения, через которую капитан следил за своей командой, но мы нигде ее не нашли. Кроме того, мы оставили большую часть груза с корабля на планете Фредов, так что вариант воскресить капитана и спросить его лично тоже исключался. Даже если бы идея не была такой идиотской, и я рискнул бы рассказать ее моей подруге.

Со временем мы настолько привыкли к обездвиженному бесшумному пришельцу в лазарете, что даже

перестали замечать его. Я заметил, что мы с Арлин частенько разговаривали в его присутствии о вещах, о которых ему не положено было знать. В конце концов, он все еще был представителем вражеской формы жизни, пусть и развивался в другом направлении последние сорок лет, которые сравнимы с сорока миллионами лет эволюции человечества.

На пятую неделю нашего путешествия сбился худший кошмар Арлин: во время ее дежурства произошло кое-что ужасное. Я узнал об этом четыре часа спустя, когда она выдернула меня из беспокойного сна, в котором мы приземлялись на море, и оно превращалось в огромного Новичка, опоясывающего планету, который хватает нас похожими на горы руками и погружает на сотню метров под воду.

- Флай, проснись, проснись, - тараторила она. – Нас атакуют, Флай!

В тот же момент я выскочил из кровати в чем мать родила, сжимая в руках пистолет сорокового калибра.

- Что? Где? – переспрашивал я, выискивая врага. Но мы были совершенно одни в комнате, которую называли бараками. Даже близнецы пропали, хотя они были здесь, когда я заснул.

- Флай, я облажалась. По полной.

Арлин была настолько бледна и поражена чем-то, что мне почти захотелось ее обнять. Она бы все равно не оценила. В какие-то моменты она была моим другом, но сейчас – прежде всего младший капрал морской пехоты.

- Что ты натворила, капрал?

Она нацепила каменную маску невозмутимости, с которой мы обычно докладываем о своих косяках начальству.

- Сержант, я была на вахте в 3:22. Когда я решила проверить заключенного в лазарете, его там не было. Мне потребовалась секунда, чтобы переварить услышанное.

- Не было? Это как понимать вообще? Куда он мог деться?

Я взглянул на часы – единственное, что было на мне надето: 7:45. Новичок сбежал как минимум четыре часа двадцать минут назад.

- Я нигде не могу найти его, сержант. Я... мы с Сэарсом и Робаком облазили корабль сверху донизу, но не нашли даже намеков на то, что он вообще был здесь!

- Где клэвийцы?

- Продолжают искать. Но я думаю, если бы у нас был шанс найти Новичка, к этому моменту мы наткнулись бы хоть на какие-то его следы.

Она понизила голос и выглядела крайне пристыженной. Я впервые видел ее такой, и мне это не нравилось.

- Думаю, он долго планировал свой, э-э, побег. Возможно, все эти недели.

Пока она говорила, я натягивал свой камуфляж, футболку и жилет.

- То есть, ты утверждаешь, что пять недель Новичок сидел без движения только для того, чтобы дать нам ложное чувство безопасности? Ты понимаешь, как смешно это звучит?

- Но именно это он и сделал, Флай. Я уверена.

Мы еще раз обшарили все, но если тот, кого разыскивают, не хотел попадаться на глаза, он легко мог избегать нас четверых – даже троих, ведь близнецы не могли действовать как две разных личности – на корабле площадью в пятьдесят квадратных километров. Мы сдались после пяти часов непрерывных поисков, когда часы показывали 13:10. Сукин сын не хотел, чтобы мы обнаружили его, и теперь его хрен найдешь.

В какое странное существо он на этот раз мутировал? Память услужливо достала из закровов наводящие ужас картины Босха.

Внезапно на корабле резко сменился вектор гравитации, превратив низ в перед. Только одно событие могло вызвать такой эффект, и это значило, что мы наконец нашли нашего неуловимого гремлина.

- Твою мать, он добрался до системы навигации в другом отсеке! – заорал я в ухо Арлин. Он или тормозил корабль, или менял курс, уводя нас от системы Хамелеона.

В результате скоротечной эволюции Новичок превратился в независимую личность. И он решил не рисковать жизнью своего вида, наплевав на то, какую цену за это придется заплатить всем остальным в галактике.

- Сэарс, Робак, сделайте что-нибудь!

Первый раз за неделю мне довелось отдавать приказы, и это привело меня в замешательство. Я поступил точно так, как поступил бы любой военный при встрече с неизвестным противником: бегал туда-сюда и орал. Близнецы явно были смущены невозможностью подчиниться приказу и «сделать что-нибудь».

А затем в голову Арлин, которая тоже бегала кругами со своим оборудованным магазином дробовиком, пришло очевидное:

- Флай! Разве не глупо, что кораблем Фредов управляют, согласовывая действия?

- Да! Понятия не имею, зачем им это!

- Пусть близнецы найдут другую систему навигации! У нас будет еще один голос за прежний маршрут!

Сэарс и Робак собрались было бежать, но я схватил одного из них за руку.

- Секунду... настройте компьютеры так, чтобы они постоянно возвращали корабль на прежний курс. Бегайте от одной системы навигации к другой и установите такой цикл везде, где только сможете. Вперед!

Я подозвал Арлин.

- Так, капрал. А мы с тобой отправляемся на охоту.

Арлин лишь сжала губы. Иногда мне кажется, что в ней чересчур много от морпеха.

Гравитация исчезла, затем ее вектор сменился на противоположный. Но пока мы мчались по одному из коридоров, вектор вернулся в первоначальное положение, и корабль начал тормозить. Хренов Новичок делал то же, что и близнецы!

- Арлин... сколько здесь центров управления?

- Эм... я насчитала сорок один.

- Капрал, похоже, это существо снова эволюционировало, и мозгов у него теперь больше, чем у нас. Мы не сможем его перехитрить, так что единственный выход – напасть на него спонтанно, не планируя заранее. Обрати себе на пользу случайные стычки и грубую силу.

Мы пулей мчались по коридору от одной навигационной системы к другой, стараясь выбирать их в случайном порядке – настолько случайном, насколько позволял человеческий мозг – и каждый раз надеялись наткнуться на Новичка. Вместо него мы наткнулись на Сэарса и Робака. Дважды. Новичок же оставался неуловим.

Когда мы столкнулись с клэвийцами в третий раз, едва не размазав их по стенке, я решил, что с меня хватит.

- К черту это все, АС. Давай просто расстреливать контрольные панели в навигационных центрах.

Настало время ограничить тактическую свободу инопланетянина. Мы ходили от центра к центру, около каждой контрольной панели Арлин методично вскидывала свой полуавтоматический дробовик и всаживала три – четыре заряда дробы в хрупкое оборудование. Куда бы мы ни направились, везде спотыкались о тела Фредов, сражения с которыми мы даже не помнили. Что и говорить, первое время нашего пребывания на корабле выдалось довольно напряженным.

Мы успели уничтожить больше половины навигационных центров и заработать дюжину синяков от постоянной смены гравитации, когда за очередной дверью увидели наконец Новичка. Тот зарылся в останки раскуроченной контрольной панели, пытаясь выиграть еще один голос за торможение.

Он вскинул три своих головы, как только мы вломились в помещение. Его руки-тентакли вытянулись в защитном жесте.

- Нет нужды в насилии, - сказала одна из его голов спокойным размеренным тоном. – Мы должны объединить усилия в борьбе с Фредами. Новички решили, что они не могут сосуществовать с деконструктивистами. Но у них есть определенные правила. Если мы продолжим лететь текущим курсом, они уничтожат нас. Пожалуйста, прислушайтесь к нам!

В его словах будто бы был смысл. Арлин медленно опустила дробовик, ожидая, что он скажет дальше. Я застрелил засранца, прежде чем еще хоть звук успел вырваться из его глотки. Я вскинул свою М-14 и очередью выстрелил четыре патрона. Винтовка отдавала в плечо, бодаясь как миссурийский мул, а маленькие кусочки металла вылетали из ее ствола и вгрызались в брюхо Новичка.

- Господи, Флай, - только и смогла произнести Арлин. В ее словах чувствовался вопрос. Новичок отступил к гидравлическому мотору (одному Богу известно, зачем Фредам на корабле нужен гидравлический мотор), но не схватился за живот, не застонал, не закричал. Светло-розовая кровь, похожая на пепто-бисмол⁷, продолжала вытекать из его ран.

На теле Новичка появились бугры. До меня дошло сразу – тварь отращивает дополнительные органы, чтобы компенсировать ущерб! Я расстрелял и их, после чего Новичок наконец подох. Ну, насколько это понятие вообще к ним применимо. Он изрыгнул какие-то булькающие звуки, прислонился к перегородке и затих.

Только нас дважды не проведешь. Видели уже такое раньше. Я разрядил в него весь магазин, стреляя во все жизненно важные места, которые только мог представить. Признаю, возможно, я малость перестарался. Но в такой ситуации лучше перебдеть.

- АС, - вежливо начал я, - он у нас в мозгах копался. Я должен был это сделать, капрал! Если бы ты позволила ему говорить, через пять минут он бы нас заставил свое дерьмо жрать.

- Я... понимаю. Но... Господи, Флай!

Новичок медленно сползал на пол, уставившись на меня. Я был близок к тому, чтобы перезарядить винтовку и всадить еще одну пулю точно промеж его глаз, но сдержался. Мне впервые показалось, что я понимаю главного героя «Сердца-обличителя». Голова Новичка повернулась в сторону, и он уставился на контрольную панель. Мне казалось, что он уже «умер» - то есть, не мог контролировать свои спинные и глазные мышцы. Но он по-прежнему видел все, что происходит вокруг. Все они видели.

- Господь был человеком действия, капрал, - меня немного задело ее постоянное упоминание Господа всуе. А может, я просто беспокоился о том, что Богу не очень-то понравится то, что я только что сделал.

- У меня не было выбора. Да у него язык серебряный!

Девушка просто смотрела на меня и качала головой. Корабль продолжал ускоряться до прежней скорости, и вектор гравитации менялся. Мне было не по себе, и я не знал точно, что было тому причиной: меняющаяся гравитация или осознание того, что я только что пристрелил единственного представителя нового вида пришельцев.

Мы нашли близнецов и сказали им, что больше нет необходимости перепрограммировать навигационные центры. Мы снова одни на корабле. Призрак Новичка должно быть присоединился к Румпельштильцхену и всем другим Фредам с корабля. Мы выбрали тело Новичка и отнесли его к «мостику» по центру корабля. Мы усадили его в кресло второго пилота, где до этого сидел убитый капитан Фредов. Новичок весил больше, чем я ожидал - он был примерно в два раза тяжелее Арлин. Хотел бы я, чтобы кабина навигационного центра была ближе к центральному отсеку корабля, чтобы на не пришлось тащить его в условиях почти земной гравитации. И это уже второй момент в жизни Флая Таггарта, когда он хочет оказаться в невесомости!

Мы снова разогнались до прежней скорости, но эти игры с разгоном и торможением продлили наше путешествие еще на десять дней и сожрали немереное количество топлива. Я не представлял, как два часа этих танцев могут растянуть путешествие на десять дней, пока Арлин не объяснила мне суть проблемы с топливом: его хватило бы как раз на наш полет, с расчетом на то, что мы один раз ускоримся на старте и один раз затормозим в конце пути.

Пока она объясняла, я лишь кивал и поддакивал, но в конце концов она замолкла, ожидая моего ответа. Меня во всем этом интересовал лишь один аспект, о котором она умолчала. Сборщик водорода – необходимого компонента топлива для корабля – работал с определенной скоростью, и нам нужно было как-то ускорить добычу топлива. Нам нужен был водород и жидкий кислород. Достать водород не проблема – он остается как побочный продукт химических реакций в двигателе. Ну, то есть, не весь водород вступает в реакцию, что-то вроде того. А вот жидкий кислород по второму кругу не используешь.

Этот ублюдок Новичок израсходовал большую его часть, пытаясь затормозить корабль. Остатков не хватало, чтобы еще три дня лететь с прежней скоростью и добраться до системы Хамелеона. Мы

начнем тормозить на неделю раньше по нашему времени, когда заглохнет реактивный двигатель и корабль станет понемногу замедляться за счет трения о межзвездный водород. Это позволит сохранить топливо и, как мы надеялись, не сильно повлияет на скорость. Если такой трюк не прокатит, мы не долетим до Новичков, топливо иссякнет, и мы проскочим мимо планеты, на которую хотели попасть, размахивая руками в заднем иллюминаторе. Ну, или вмажемся в скалу на скорости в пару сотен километров в секунду и оставим после себя кратер размером с Мексиканский залив, а сами разлетимся на атомы вслед за кораблем.

Все зависит от Сэарса и Робака. Мы с Арлин рассказали им про то, как изящно выкарабкались из лап монстров на Деймосе, удрав оттуда на Землю в почтовой ракете. Выслушав нас, близнецы посмотрели друг на друга и постучали по черепам. Тогда мы не выдержали и расхохотались.

Я понятия не имел, насколько хороши близнецы как пилоты, но предчувствие у меня было нехорошее. Как если бы президент был вынужден сесть за штурвал борта номер один, когда у пилота случился инфаркт. Разумеется, это лучше, чем доверять управление стюардессе, роль которой в данном случае играли мы с Арлин. О, Боги, как мне хотелось в тот момент снова увидеть капитана Тэйлор! Эта дамочка могла бы управлять чем угодно.

Кроме того, у Новичков не было такого волшебного колеса-ускорителя, как у Фредов, которое подхватило бы нас и аккуратно приземлило на поверхность планеты. В этот раз мы были сами по себе. Оставшаяся часть путешествия прошла спокойно. Мы тренировались, проводили разные аварийные учения – просто чтобы не помереть со скуки. Всепоглощающая скучища – огромная проблема всех космических полетов. Но если в Корпусе морпехов чему и учат, так это справляться со скукой. Обычно мы сидели на попе ровно и ждали священного Приказа. Это не значит, что мы совсем ничем не занимались. На военной базе для вас всегда найдется дело, будь то чистка стволов винтовки на камнях пляжа Пенсаколы или полировка пола кабинета старшего офицера собственными зубными щетками. Разумеется, можно было «потеряться» с глаз старшего по званию. В таком случае вы бы с удивлением обнаружили, что впереди у вас целый свободный вечер. Тогда ваш путь мог лежать в сержантский клуб, который всегда был готов сделать вашу денежную ночь на пару лишних баксов легче.

Найти занятие на корабле Фредов было легче и сложнее одновременно. Сложнее – потому что над душой не стояли лейтенанты и прочий командный состав, задача которого – указывать, что делать младшим по званию. Легче – потому что мы летели на корабле пришельцев, полном странных вещей, с которыми хотелось поиграться, тремя главными коридорами длиной 3.7 километра каждый и с силой тяжести в 0.8g, плюс еще один, такой же длины, с нулевой гравитацией.

Я даже научился терпеть невесомость несколько часов, пока на протесты живота еще можно было не обращать внимания. Арлин же ее просто обожала. Центральный проход, который я называл коридором невесомости, был в форме додекаэдра – у него было двенадцать граней, закругленных, из-за которых коридор выглядел несимметрично. Как и все остальное в мире Фредов, коридор пробуждал во мне неуютное ощущение сюрреализма происходящего, словно я смотрел на один из портретов Пикассо, где само лицо нарисовано в анфас, а нос – в профиль. По стенам коридора туда-сюда проскакивал стильный красный импульс. Коридор настолько сильно походил на инопланетные корабли из старых фантастических фильмов, что мы окрестили его гиперпространственным туннелем. Должно быть, на стенах располагались светодиоды или что-то в этом духе. Понятия не имею, откуда шел свет. Мы не нашли никакого источника.

Когда мы устали от тренировок и строевой подготовки, мы придумали парочку новых азартных игр. Одну из них Арлин вычитала у Хайнлайна: встаешь в один конец коридора и «плывешь» до другого, по пути делая сальто, крутясь волчком и выполняя другие гимнастические приемы, пока не шлепнешься о стену. Арлин так и не удалось проплыть весь путь, а вот мне, к ее досаде, хватило пары недель, чтобы потом не задевать стену ни разу.

Мне казалось, что сдержанность и нормы приличия не позволят Сэарсу и Робаку присоединиться к активным играм. Куда там! Они первые уставали от военной муштры и предлагали пойти поиграть. В таких ситуациях манеры и приличия лучше выкинуть куда подальше – только так появляется возможность одолеть демона по имени Скука.

Готовность пойти на риск и отправиться в экспедицию, принимая всю ничтожность шансов на воскрешение, если они вдруг «погибнут» – лучшее подтверждение внутренней смелости и

решительности клэвийцев. Однажды они достали из своих поясных сумок скафандры, облачились в них и начали обезьянничать прямо в открытом космосе. Они выбрались из вращающегося корабля, держась за наружные поручни, в то время как их ноги болтались над темной бесконечной пропастью. Одна маленькая неосторожность, и мы потеряли бы нашего пилота, если не обоих. Даже если улетит один из них, второй просто не сможет продолжать разумную жизнь и тут же сиганет вслед за ним навстречу своей судьбе.

Все хорошее когда-нибудь кончается. По мере приближения к системе Хамелеона близнецы становились все серьезнее. Мы заглушили двигатель, и я ощутил толчок, когда корабль стал замедляться от трения о водород. Спустя неделю близнецы снова включили двигатель, но на более высокой и эффективной мощности, чем планировалось изначально. Для нас не было никакой разницы: до фатальных перегрузок было далеко, а та скорость, которую мы набирали, гасилась трением. Наши активные игры прекратились, снова появилась гравитация. После недель, проведенных в невесомости, ныла спина, а каждый шаг отдавался по всему телу. Арлин весила поменьше меня, и ей в этом плане было проще. Она ходила бодрым шагом, с неизменной улыбкой на лице. У меня вновь появился хорошо знакомый зуд: уже месяцы прошли с тех пор, когда я последний раз кого-то убивал. После того, во что Фреды превратили мой дом и мою жизнь, я чувствовал неутолимую жажду крови. Когда Новички лишили меня шанса на справедливую месть, я готов был обрушить всю свою ярость на них. В общем, мне жуть как хотелось разрядить пару-тройку обойм в какого-нибудь Новичка. Но вместе с тем я страшно волновался о том, во что они эволюционировали за сорок лет жизни на планете, к которой мы приближались – если конечно они до сих пор были там. Я видел несколько вариантов развития событий, и ни один из них меня не радовал. Возможно, мы будем разочарованы, когда не найдем на планете ни одного Новичка. Возможно, нас захватят в плен и будут подвергать постоянным пыткам, унижениям. Возможно, последнее, что мы почувствуем – агония, за секунду до того, как нас уничтожат.

А потом торможение внезапно прекратилось, отправив нас с Арлин в полет. Буквально. Пол внезапно стал потолком, и перегородка, которая служила нам столом, всей тяжестью навалилась на нас, отшвыривая к противоположному концу каюты, который теперь был полом.

- Заходим на посадку, - известили нас близнецы. Они израсходовали последние запасы перекиси водорода в тормозных двигателях, прекращая вращение корабля и выходя на орбиту планеты. В атмосферу мы влетим на скорости в семьдесят махов (то есть, семьдесят махов на Земле, на уровне моря и при небольшой влажности – около двадцати трех километров в секунду, другими словами).

Пытаться посадить корабль на такой скорости – чистое самоубийство. Но выбора у нас не было. Когда Сэарс и Робак заглушили двигатели, кислорода там осталось - кот наплакал.

- Сколько нам еще лететь? – спросила Арлин.

- Примерно осталось шестьсот пятьдесят секунд еще, - ответили близнецы. – Уровень гравитации в три раза выше, чем на планете Фредов.

Мы с Арлин переглянулись. У нас меньше одиннадцати минут, а двигатели торможения бесполезны без перекиси водорода. Арлин посчитала что-то на своем наручном калькуляторе, затем нахмурилась и повторила расчет.

- Сэарс и Робак, - произнесла она в микрофон, вещая через систему радиосвязи корабля. – Если верить моим расчетам, мы летим со скоростью пятьдесят махов.

- Да. Приблизительно.

Арлин произнесла медленно, словно школьник, который отвечает на каверзный вопрос:

- Если мы влетали в атмосферу на семидесяти махах, а сейчас летим на пятидесяти, не значит ли это, что мы затормозили на двадцать махов?

- Да. Элементарная математика.

Мы с Арлин переглянулись. До меня наконец дошло понимание ситуации.

- Болваны! Мы же все равно разлетимся на атомы после приземления на такой скорости!

Долгая пауза. Может, они снова читали мысли друг друга.

- Нет, дети мои. Мы используем трение о воздух для уменьшивания остальной скорости.

Мой живот испуганно заурчал. Даже я знал, что корабль Фредов совершенно не приспособлен для такого рода фокусов. Он был приспособлен для стыковки с «солнечным ускорителем» и аккуратного

приземления, замедляясь по пути с помощью тормозных двигателей. А не для того, чтобы врываться на нем в атмосферу незнакомой планеты, вливая как пьяный дайвер, и сбрасывать скорость за счет трения о воздух.

Даже если корабль не разлетится на части, мы тут прожаримся до хрустящей корочки.

- Держитесь за себя и за вещи, - крикнули близнецы. – Начиная с этого момента, у нас закончилось топливо.

7

Корабль тряхнуло, он задребезжал как садовая труба, его снова тряхнуло.

- Где этих мудаков черти носят? – недоумевал я.

Арлин выбило из кресла еще одним мощным толчком. Я поймал ее за руку, не дав отправиться в полет по кабине.

- Господи! Они вроде сказали, что направились в главный центр управления в моторном отсеке.

Мы схватились за поручни, чувствуя резкое ускорение и стараясь не вылететь из кресел. Спустя примерно одиннадцать минут ускорение сошло на нет так же быстро, как и началось. Сэарс и Робак сожгли последние остатки топлива в тормозных двигателях. Оставшуюся часть пути корабль не сможет сопротивляться гравитации. Это были его последние минуты жизни – возможно, и наши тоже.

Атмосфера вокруг корабля сгустилась настолько, что мы буквально почувствовали, как он тормозит от трения. Носовая часть стала новым низом, кормовая – верхом. Сначала гравитация была примерно 0.2g, но быстро выросла до уровня земной, не сбавив скорости роста. Вот она стала вдвое больше земной. Втрое! Топлива в тормозных двигателях не осталось совсем, они были отключены. Гравитация в четыре раза больше земной. В четыре с половиной. Меня вжало в кресло почти четырьмя сотнями килограммов собственного веса. Затем вектор гравитации стал смещаться – близнецы поднимали нос корабля, увеличивая площадь сопротивления воздуху.

До моих ушей донесся ужасающий грохот. Корабль с большим трудом менял курс, швыряя нас из стороны в сторону. Арлин свалилась рядом со мной, но я был слишком потрясен, чтобы как-то ей помочь. Я потряс головой.

- Какого хера сейчас...

Арлин с пепельным лицом смотрела в иллюминатор.

- Господи, Флай! Корабль разваливается на части!

Она ткнула пальцем в иллюминатор. Я едва успел заметить огромный осколок корабля, кувыркающийся под нами, который в конце концов разбился на «крошечные» осколки в несколько десятков метров длиной.

Стало трудно говорить. Дышать нужно было для нормализации давления и прилива крови к голове.

Слава Богу, мы были в лежачем положении – перегрузки выросли до 6g, и, сидя, мы мгновенно потеряли бы сознание. Я прекрасно понимал, что происходит: корабль Фредов может многое выдержать, но такой полет в атмосфере ему не по зубам. Сварочные швы расходились, от корабля отлетали части, присобаченные Фредами при его сборке – возможно, прямо на орбите. Я проклинал каждый метр этого гребаного пути.

- Вперед! – заорал я, почти теряя сознание. Арлин уставилась на меня с удивлением в глазах – видимо, недостаток кислорода в крови сказывался на ее способности соображать. Я повторил:

- Вперед! Главный центр управления!

Если что и уцелеет в огненной феерии, так это самая большая и прочная часть корабля – палубы и отсеки, лучше всего приспособленные к постоянному шуму и тряске двигателей. Если не выдержит и она, шансов на спасение у нас не останется никаких.

Пока корабль преодолевал двести последних метров до земли, мы проползли целый марафон. Арлин сжималась пружинкой и скользила вперед как змея. Я пытался следовать за ней в ее же стиле, но все, что я мог сделать – выгнуть спину и почувствовать отчаянные протесты позвоночника, сожалея о временах прошедшей молодости. Чудовищная гравитация тащила нас к нижним палубным плитам, словно мы обулись в ботинки с подошвой из кирпичей. Каждая каюта соединялась с другой узким проходом со стенами из резины, который можно было моментально заблокировать при разгерметизации. Резиновый рот превратился в смертоносные челюсти, которые пытались задушить нас, пока мы ползли по ним. Надо было вазелин с собой захватить. Запасов в моем рюкзаке хватило бы

с головой, вот только сам рюкзак лежал в километре у меня за спиной.

После первых четырех комнат мои мышцы так устали, что я морщился от боли с каждым пройденным метром. Арлин ревела. Я почти никогда не видел, как она плачет, и никогда – как она плачет от физической боли. Меня это пугало.

Стоны разлетающегося на части корабля звучали так, будто всему миру приходит конец. Вселенная выворачивалась наизнанку. Нас окружали громкие затаженные стоны, похожие на вой горбатых китов, визги и рыдания, причитания проклятых душ в аду, что слышны сквозь скрежет их зубов. Дьявол собственной персоной, с копытами и остроконечным хвостом, резвился и хохотал, наблюдая за моими отчаянными попытками спасти свою жалкую жизнь. Или это был адский принц? Ужасная галлюцинация? Бог мой, он действительно был здесь! Я видел его красную плоть, чувствовал серный запах могилы. А потом прямо из стены выросли паровой демон и скелет. Давно не виделись, адские твари!

Я точно знал, где наше спасение – там, впереди, в главном центре управления. Когда Арлин, споткнувшись, упала на пол и решила погибнуть прямо у меня на глазах, я положил руку на ее упругие ягодицы и толкнул ее с такой силой, которой никогда в себе не чувствовал. Ее задница улетела куда-то вперед, увлекая девушку за собой.

Еще четыре комнаты позади. Осталось две. Моя грудь покрылась царапинами, а в паху болело так, будто кто-то от души заехал мне сапогом в промежность. Пот ручьями лил по подбородку, растекаясь по полу. Мой наручный акселерометр утверждал, что перегрузки достигли 8g, и даже глаза мои пульсировали от дикой боли. Я давно перестал различать цвета, а теперь и черно-белые картинки перед глазами сузились до маленького пятна света вдалеке. Контуры его извивались под действием силы. Корабль завернуло в сторону, пока близнецам не удалось восстановить управление. Как они вообще могут управлять этой посудиною? Неужели какие-то контрольные панели еще целы?

Мы проползли еще через два узких прохода. Смерть уже заносила надо мной косу, когда я чуть не задохнулся, застряв в одном из них. На этот раз Арлин спасла мне жизнь, вытащив меня за волосы. В конце концов, мы повалились на пол главного центра управления. Я со счета сбился, считая свои переломы. Наши носы и уши кровоточили. Мы ничего не видели и обнимали пол как пьяницы после третьей бутылки.

До моих ушей доносились режущие слух звуки – Сэарс и Робак что-то говорили. Из последних сил я сосредоточился и попытался разобрать слова.

- Был... подстрелен, - они дышали с трудом. – Защитники стреляют... корабль разваливается на части... теряем контроль.

Подстрелен? Один из близнецов подстрелен или весь корабль? Я был просто не в состоянии разобраться, о чем они.

- Убей... уродов, - прохрипел я. Ну, разумеется, они так и кинулись. Нас всех скорее распылят лучевые пушки защитников, еще до того, как мы коснемся земли.

На какой-то момент я потерял сознание, а когда очнулся, услышал, как близнецы кричат:

- Грязная тревога! Грязная тревога!

На мгновение я открыл глаза, увидел землю, навстречу которой мы мчались со скоростью товарняка, а затем все вокруг снова поглотила тьма. Прощай, жестокий инопланетный мир. Так и напишите на моей могиле.

Должно быть, в последний момент близнецы совершили какой-то маневр – я почувствовал, как взмывает носовая часть корабля. А затем хвост – вернее, то, что от него осталось – вмазался в землю с яростью дикого зверя, и корабль завалился на бок, зарывшись в то, что оказалось кварцевым песком. Мы влетели в землю на скорости не меньше четырех махов, и за сорок секунд торможения посудина проделала на пустынной поверхности планеты борозду длиной в двадцать семь километров, оставляя за собой облака пыли выше Бьюкенен Билдинг.

Когда корабль остановился, мы лежали на полу, хватая ртом воздух. Сэарс и Робак были в отключке. Они испытывали и большие перегрузки, но в те моменты им не нужно было управлять кораблем. Такое было слишком даже для них. Системы безопасности корабля работали как и планировалось, отбрасывая другие отсеки в попытке максимально обезопасить носовую часть, где, должно быть, складировался самый ценный груз.

Когда я пришел в себя, Арлин уже сидела на полу, запрокинув голову и пытаясь остановить сильное носовое кровотечение. Во рту был сильный привкус крови, и прошло несколько секунд, прежде чем я понял, что лишился левого верхнего резца. Я помотал головой, выискивая выбитый зуб на полу, но его нигде не было. Ко мне возвращалась способность соображать.

Арлин заметила, что я очнулся. Не опуская головы, она прохрипела:

- Полагаю... это была не самая... мягкая посадка на свете.

Сжимая пульсирующие от боли челюсти, я припомнил морпеховское определение: мягкая посадка – это та роскошь, которой вы лишены. А потом боль накрыла меня с головой, и я скрежетал зубами, издавая гортанные звуки, пока Арлин со всей заботой не воткнула в меня шприц с обезболивающим и еще один – со стимулятором из своей медсумки.

Очнулись близнецы.

- Пойдем наружу и исследуемый дивный новый мир? – беспечно спросили они. Не было момента в моей жизни, когда мне еще больше хотелось бы их прибить.

8

- Жить можно? – спросила Арлин хриплым скрипучим голосом.

- Ко дну минуто, - пробурчали близнецы. Они нажали пару кнопок на командной консоли, многозначительно хмыкая, пока несколько уцелевших датчиков брали пробы воздуха, измеряли уровень радиации, температуру, сканировали местность на предмет опасных бактерий, вирусов, грибов и прочей дряни.

- Не умрем, - заключили они наконец.

- Не опасно? – выдохнул я.

- Не умрем.

Их раздражающая уклончивость настораживала, но что мы могли сделать? Герметизация корабля полетела к чертям, и хотим мы того или нет, скоро его заполнит воздух с системы Хамелеона. Машины, производившие на корабле питательные кубики, были в километре от главного центра управления, и при посадке их, скорее всего, размазало по земле. Либо мы приспособимся к местной еде и воде, либо умираем от голода и жажды в самом скором времени. Наши боевые костюмы поглощают радиацию, но лишь частично. Хорошо это или плохо, мы выброшены на задворках системы Хамелеона и оставлены на милость судьбы. Либо мы приспособимся к местным условиям жизни, либо умрем, пытаясь это сделать. Как романтично.

Мы с трудом поднялись, отбрасывая завалившие нас палубные пластины. Арлин было не так худо, как мне – меньшая масса на ту же площадь поверхности. Наша броня, возможно, была повреждена, кроме того она гремела, выдавая нас с головой – но это все равно лучше, чем ничего. Несмотря на бодрые голоса, Сэарс и Робак не без труда встали с капитанского кресла, которое на удивление хорошо сохранилось. Арлин подставила мне свое плечо, а близнецы поддерживали друг друга, пока мы ковыляли к аварийному люку. Я дернул открывающий рычаг. Взрывные болты пробили крепления, и люк улетел вниз.

Попытавшись, мы спустились вниз по трапу – метров двести, не меньше. Он не был похож на земные лестницы. Если один из нас споткнется... Я бросил беспокойный взгляд на близнецов, но за них можно было не волноваться: их ноги короткие, но сильные – спасибо большой гравитации на Клэйве. Куда вероятнее, что в условиях силы тяжести в 0.7g споткнемся и полетим вниз мы с Арлин.

Планета напоминала пустыню Мохаве – или может, мы просто приземлились в пустыне. Мне не много удалось разглядеть при падении. Я задрал голову. Небо на планете было бледным, но мне удалось разглядеть странные квадратные густые облака – похоже, недавно здесь прошел дождь. Я с криком нагнулся и набрал немного песка в ладонь. Песчинки были меньше, чем на Земле – достаточно маленькие, чтобы нам с Арлин стоило нацепить биофильтры. Такие маленькие частички кремния могут вызвать болезнь черных легких⁸. Общались мы через шейные микрофоны. Сначала мне показалось, что близнецы не будут нас слышать, но у них были собственные приемники и передатчики.

Унылый серо-коричневый пейзаж вгонял меня в тоску. На этом бледном полотне выделялись лишь

наши черно-зеленые боевые костюмы и бледно-оранжевые полетные комбинезоны Сэарса и Робака, которые они носили с самого начала задания. Все остальное было цвета грязных носков, не стиранных месяц.

- Итак, СР, какого черта вы имели в виду под «был подстрелен»? – мой язык с трудом меня слушался, натываясь на дыру в том месте, где когда-то был зуб. Сильная боль прошла, но зуб до сих пор ныл. Я пообещал себе, что попрошу близнецов это исправить.

- Значило то, что мы и сказали. В нас стреляли из пушек.

- Энергетических, артиллерийских пушек – каких именно? – клэвцами вытаскивать из клэвийцев полезную информацию было скучнее, чем сидеть на брифингах лейтенанта Вимса, земля ему пухом.

- В нас стреляли металлическими снарядами из электромагнитных ускоряющих винтовок.

- В смысле, из рельсовых пушек? – переспросила Арлин, подобрав нужное слово быстрее меня. Она отлично шарит в редких технологиях и экзотических пушках. Она часами может читать лекции об огромных танках или вращающихся «умных копьях». Временами она читала их и нам.

- Именно, рельсовая пушка, - повторили близнецы. Я имел примерное представление о том, как она работает. Берем пулю из обедненного урана, запечатываем ее в гильзу из ферромагнетика и электромагнитами придаем патрону скорость в несколько километров в секунду. Такая пушка могла запустить снаряд хоть на орбиту – он летел так быстро, что пробивал любую броню как пуля – тонкое стекло. Воистину смертоносная вещь, которую мы на Земле так и не довели до рабочего состояния. Не было такой цели, на уничтожение которой пришлось бы потратить два снаряда, и в этом наш земной прототип был с ней схож.

Я оближал пересохшие губы. Если противник (Новички или Фреды?) смог разработать портативный вариант, от нашей боевой брони нет никакого толка. Один выстрел, и мы поджарены до хрустящей корочки.

Пустыня выглядела действительно пустынной, но это ни в какое сравнение не шло с безграничным одиночеством межзвездной пустоты. Я остановил взгляд на обломках корабля, радуясь знакомому ощущению земли под ногами и легкому ветерку в лицо. В воздухе стоял резкий запах озона, но я не чувствовал дискомфорта при дыхании.

- Эй, ребята, - обратился я к близнецам, глядя на небо. – Запах озона здесь из-за корабля или это нормально для здешней атмосферы?

- Мы не обнаружили его с орбиты, - ответили они в унисон. Я пожал плечами. Если бы у кого-то из нас была астма, у нас возникли бы проблемы. Но у меня ее никогда не было, Арлин вылечила свою в военно-морском медицинском институте, а Сэарс и Робак могли сами о себе позаботиться.

- Откуда в нас стреляли? – спросила моя подруга. Близнецы медленно повернулись вокруг себя, после чего указали примерно в сторону двадцатисемикилометровой борозды от корабля. Арлин повернулась ко мне, вопросительно подняв брови.

Будем убегать от опасности или двинемся ей навстречу? Не похоже, что у нас есть выбор. Клэвийцы не обнаружили следов цивилизации на планете – ЛЭП, электростанции, каналы или поселения, большие, чем два-три домика. Если здесь и было что-то помельче, их микроволновый сканер не мог это обнаружить. Единственным признаком разумной жизни была артиллерийская установка, которая разнесла наш корабль на части.

- Давайте узнаем, кто они такие, эти стрелявшие. Как по мне, они тоже нездешние, как и мы.

Температура в пустыне, которую Арлин окрестила Молотом Бога, была пригодна для жизни. Сэарс и Робак не соврали. Но они не говорили, что наше путешествие будет комфортным. Шестидесятиградусная жара сразу определила границы комфорта. Наши шлемы питались от солнечной энергии, а воды нам хватит на несколько дней, если мы включим режим рециркуляции и будем писать в трубочку. Арлин это не радовало. Как женщине, ей приходилось отливать в агрегат наподобие медицинской утки, в то время как я просто мочился в трубочку. Никаких кустиков в пустыне не росло, так что и уединиться было негде. Арлин конечно могла хотя бы спиной к нам поворачиваться, но она просто отливала прямо передо мной и клэвцами. Я изображал равнодушие, будто миллион раз уже видел, как женщины мочатся передо мной. Арлин и раньше это делала, правда, в боевой обстановке. На самом же деле каждый раз шокировал меня и вводил в замешательство, просто мне не хотелось демонстрировать это Арлин.

Мы отошли на пару километров в сторону от борозды и направились параллельно ей, полагая, что кто бы ни палил по кораблю, он отправится по следам увидеть, кого именно подстрелил. Броня измеряла температуру, регулируя уровень вентиляции в шлеме и чувствительность инфракрасных датчиков. Мы старались соблюдать радиомолчание, хотя наши микрофоны работали на ультракоротких частотах, и через пять-семь метров сигнал растворялся в фоновых шумах. Фактор неожиданности был на нашей стороне. Черт возьми, как же мне хотелось встречи с этими уродами!

С помощью наших солнечных батарей мы одолели полсотни километров. Путешествие заняло чуть больше двух дней. Но уже через десять километров пути мы наткнулись на группу пришельцев в маленькой тачке. Не буквально столкнулись – мы заметили их, когда они были в пяти километрах от нас и ехали точно к месту падения корабля.

Ориентируясь по данным сенсоров, мы подобрались к ним на расстояние в полкилометра, после чего проползли оставшиеся метры на животе, пока плохие парни остановились отдохнуть. Мы с Арлин оба умирали от голода, но пищевые припасы Фредов старались использовать рационально. Особенно питательные кубики.

Вскоре нас разделяло не более ста метров – уже в пределах дистанции стрельбы моей М-14 и винтовки сорок пятого калибра, которую Арлин припасла для тех случаев, когда дробовик был бесполезен. Мы направили на них оптические прицелы и попытались рассмотреть их во всех подробностях.

Головы и туловища незнакомцев были скрыты толстыми скафандрами, которые, возможно, могли чем-то помочь им в бою. Пропорции их тел были схожи с человеческими. В группе было четверо разведчиков и один управляющий с блокнотом, встроенным в наручную броню. Я за километр вижу этих надоедливых сержантов, вечно сующих нос не в свои дела.

- Сержант, - затрещал у меня в ухе голос Арлин. – Им негде укрыться. Мы почти всех можем снять еще до того, как они поймут, кто в них стреляет. Они не успеют никому ничего передать.

Я колебался. Не очень-то здоровое решение для боевого офицера, хотя сложно было знать все наперед.

- Не стрелять, АС. Давай послушаем, о чем они говорят.

Я приказал своим электронным ушам сканировать один за другим все шестьдесят четыре миллиона каналов, выискивая что-то, отличное от белого шума. Несколько раз сканеры сигнализировали о том, что что-то нашли, но если верить логам, ни один поток данных не длился больше двух сотых секунды.

- Поймала что-нибудь? – спросил я.

- Флай, тут какие-то странные потоки данных на канале 23-118-190, все длится примерно две сотых секунды. Видишь?

- Ну, теперь, когда ты об этом упомянула...

- Кто бы это ни был, диапазоны частот их каналов куда уже наших. Сенсоры просто не успевают на них настроиться. Давай я уменьшу шаг сканера и прогоню его еще раз. Подожди немного.

Мне следовало бы сделать то же самое, но я в свое время прогуливал уроки по радиотехнике. Пока Арлин настраивала софт, мне не оставалось ничего, кроме как ждать. Я снова поймал пришельцев в прицел винтовки и наблюдал, как они двинулись дальше по импровизированной дороге, которую проделал наш корабль. Наконец моя подруга закончила ковыряться в компьютере.

- Нашла. Подключайся ко мне.

Я воткнул штекер в гнездо на ее рукаве. Пару секунд спустя до моих ушей стало доноситься то, что, очевидно было словами, которые складывались в осмысленные предложения. В ритме их разговора, паузах и речи было что-то чертовски знакомое. Я был уверен, что уже слышал это раньше. Даже сами слова были в чем-то мне понятны – немного более понятны, чем датский. Если постараться, я мог даже понять, о чем они говорят.

Холодок пробежал по моей коже, когда я понял, что они говорят на английском. На каком-то грубом, похожем на хрюканье наречии, которое я никогда не слышал. Не осталось никаких сомнений в том, что это были люди. Они жестикулировали в точности как люди - как какие-то чересчур вялые люди. Это меня раздражало. Я не разбирал всех слов, но в целом понимал, о чем идет речь. Это был разговор сержанта с одним из разведчиков.

- [новое слово] уничтожили корабль?

- [новое слово] готово, под-капитан. Видел все [новое слово].

- Это были Фреды. Совпадение шаблонов по [новое слово], старый корабль с [новое слово]. Должен

быть [новое слово] [новое слово]. Мне это не нравится. Что-то здесь [новое слово].

- [новое слово] вокруг места аварии и [новое слово] другие приборы?

- Всплески энергии? Инфракрасные датчики движения? Радиоволны? Радиоактивное излучение?

- [новое слово], под-капитан. [новое слово] смертельный холод. Не [новое слово] в круг. Исследуем [новое слово], будем осторожны.

Несмотря на то, что я не разбирал треть или четверть слов, понять смысл беседы было несложно. Они рассуждали, уничтожены мы или нет. Они говорили безжизненными отрешенными голосами, словно обсуждали рекламную акцию, а не военную операцию. Абсолютно без эмоций, как идеальные солдаты. Я попытался пробудить в себе злость на них за то, что они чуть не отправили нас к праотцам, но просто не смог. Правильно это или нет, они тоже были солдатами. А морпехи друг за друга горой. Кроме того, они очевидно решили, что на нашем корабле к ним летят Фреды.

Арлин схватила меня за плечо с такой силой, что следы ее пальцев потом не один час сходили. Очевидно, она пришла к тем же выводам, что и я. Мы не говорили – боялись включать передачу даже на ультракоротких волнах. Осознание того, что они – люди, которые отлично понимают английский, нервировало нас. Я показал жестами: обойди с фланга, отрежь одного от группы и захвати живым. Мне нужен был их сержант. Я показал на нашивки на моем плече, и Арлин кивнула. Но прежде чем она выдвинулась, жертва исчезла из виду – на этот раз он передвигался на своих двоих.

Мы двинулись параллельно их пути, возвращаясь обратно к кораблю. Мы с Арлин двигались пригнувшись, близнецы же шли в полный рост. Я приказал им идти в двухстах пятидесяти метрах позади нас и надеялся, что у них в костюмах найдется что-нибудь вроде генератора помех в инфракрасном диапазоне. Моей целью был сержант, но когда один из разведчиков отделился от группы, я переключил внимание на него. Мы конечно далеко не бесшумные ниндзя, но что есть, с тем и работаем.

Обогнув группу с другого фланга, я дал сигнал капралу Сандерс. Та тихонько побежала по песку, приближаясь к отставшему. Три, сигналил я, два, один, начали! Мы бросились к пришельцу слева и справа, скручивая его, прежде чем он нас увидел. Я надавил предплечьем ему на шею, чтобы он не мог произнести ни звука, пока Арлин вытаскивала из его обмундирования все провода и кабели, которые находила.

Пленник уставился на нас, вытаращив глаза. Он схватился за мою руку, пытаясь выбраться и вдохнуть, но я не ослабил хватку. Арлин обследовала приемником все его тело, каждую конечность, даже в промежности провела. Она нашла два передатчика, два крошечных узелка на его форме. Девушка сорвала их и раздавила двумя пальцами. Я убрал руку с его шеи, и, похоже, как раз вовремя – он глубоко и часто задышал. Я схватил пленника за руки, Арлин – за ноги, и мы пробежали примерно полкилометра, неся его таким образом.

Мы положили его на песок и упали рядом. Арлин связывала пленника, пока я рассматривал в прицел его товарищей. Они прошли еще пару сотен метров, прежде чем поняли, что один из них пропал. Группа вернулась к месту нашей схватки, но порывистый ветер к тому моменту стер с песка все наши следы. Они начали поиски по спирали, не переставая звать его по радиоканалу, а в это время мы с Арлин и близнецами убегали как можно дальше от каньона, проделанного кораблем. Через два километра пути перпендикулярно каньону я объявил привал. Как по мне, мы отошли достаточно далеко, чтобы нас не нашли, учитывая, что мы вырубili все его средства коммуникации. По крайней мере, мы на это надеялись.

Я сел рядом с пленником. В нем сочетались монгольские и средиземноморские черты, смуглая кожа и восточный разрез глаз. Но насколько он превосходил нас в техническом плане? Мы покинули Землю триста или четыреста лет назад – не уверен точно. Но когда улетели они?

Я вытащил свой сапожный нож и провел им по спине пленника.

- Спокойно, приятель, - сказал я, но тут же осекся. Речь могла существенно измениться за несколько веков, так что лучше избегать сложных словесных конструкций и общаться на самом примитивном английском.

- Мы – люди, - произнес я, указывая на себя и Арлин. – Мы хотим знать. Почему вы здесь?

Почувствовав мой нож, пленник перестал дергаться. Кажется, он смирился со своей судьбой, даже не зная заранее, уьем мы его или отпустим. Он сосредоточенно слушал, а затем кивнул несколько секунд

спустя.

- Да, - произнес он странным голосом, и это «да» прозвучало как «дуо».

- Нет, ты не понял, - настаивал я. – Почему вы здесь?

- Да... Мы. Прилетели. С планеты. Земля.

- Это я и так вижу.

- Завязывай уже с пустой болтовней! – зарычала Арлин. Я провел пальцем по горлу, и она умолкла.

- Зачем вы прилетели? – еще одна попытка.

Пленник говорил слишком охотно, и от этого у меня в голове звонили тревожные звоночки. С чего бы ему вообще помогать нам?

- Да. Мы прибыли на [неразборчиво], чтобы догнать.

- Кого догнать?

- [Новое слово]. Пришельцев. Откогда вы прилетели?

Я назвал ему год, когда мы улетели с Земли, и его брови удивленно поднялись. Ему не потребовалось время, чтобы перевести эти года в какую-нибудь новую систему счисления, так что я сделал вывод, что они до сих пор пользуются тем же календарем.

- Таггарт, Сандерс, - сказал я, представляя нас. – А это Сэарс и Робак. Только не спрашивай, кто из них кто.

Думаю, близнецы и сами этого не знали. Для всех они были как одно существо с именем «Сэарс и Робак».

- Хосепаз Папулхэндис [новое слово] Файн [новое слово].

- Хосепаз?

Он потупил глаза. Я понял, что сейчас этот жест означает то же, что и у нас – кивок головой.

- Хосепаз, каких пришельцев вы здесь преследовали?

Он замялся, явно стараясь избегать новых слов и выражений, которые могли бы ввести меня в заблуждение. Меня все еще настораживало его желание сотрудничать, но, похоже, пленнику было наплевать на вопросы чести и долга, на его отряд и даже на собственную жизнь. Все во вселенной потеряло для него смысл в тот момент, когда кусок остро заточенной стали уперся в его сонную артерию. Я конечно в курсе, что перед угрозой смерти люди становятся податливыми, но это уже перебор.

- Пришельцы... быстро развиваются, - произнес он наконец. – Захватили Землю. Истребили. Улетели. Отправились сюда.

Мы с Арлин переглянулись, и я нервно сглотнул. Новички? Каким чертом они успели добраться до Земли и вернуться обратно? Мерзкий холодок пробежал по моей спине и остался там на всю ночь.

9

Мерзкий холодок, пробежавший по спине, был предвестником надвигающихся кошмаров. Сидя верхом на пленнике, прижав нож к его глотке и удивляясь, почему он даже не пытается сопротивляться, я вскоре понял, что вокруг необычно тихо. Я поднял голову.

- Капрал. Чего я не слышу?

Арлин оглянулась, озадаченная.

- Где черти носят этих клэвийских засранцев?

Сэарс и Робак, приученные все делать парами, никогда не могли сидеть абсолютно тихо. Все те мысли, которые мельком пролетают в человеческой голове, клэвийцы озвучивали или объясняли друг другу жестами. Они не замолкали ни на секунду! Первые недели это меня жутко бесило, но потом я привык не обращать внимания на их лепет. Я не мог отличить Сэарса от Робака, да они и сами вряд ли разделяли друг друга на «я» и «ты». Для них Сэарс и Робак было одним именем одной пары. Я не мог различить голос одного от голоса другого. В конце концов, я забил на их бормотание, как если бы и сам без остановки что-то бубнил себе под нос. Я затыкал их, когда бормотание могло сорвать операцию, но в остальном старался не замечать их заскок. Может, для Клэйва это было обычным делом, а может, даже среди своих братьев они прослыли чудаками. Да черт возьми, я был уверен, что так и есть! Они добровольно отправились с нами туда, где никто их не воскресит, если они умрут. Я не замечал их постоянный бубнеж, пока на его место не пришла жуткая тишина необитаемой планеты, на которую мы прилетели в поисках Новичков. Песок взмывал в воздух абсолютно бесшумно, и вокруг не

было ни одного дерева, чья листва могла бы шелестеть на ветру. Каждый звук, издаваемый мной или Арлин, звучал в тысячу раз громче в окружающей тишине. Отойди близнецы хоть на полкилометра, я бы все равно прекрасно их слышал.

- Куда они..., - мы озирались по сторонам. Я спиной чувствовал на себе взгляд, куда бы ни повернулся. Я побывал в передрыгах достаточно, чтобы научиться доверять своим инстинктам. Указав на свои глаза, я ткнул пальцем через плечо. Арлин кивнула, вскинув свою винтовку.

Должно быть, ублюдок носил на себе следящее устройство, которое не обнаружили наши приемники. Я знал, что он что-то скрывает. Но где, черт возьми, его спасители? Я поставил ногу на грудь пленника и уставился на Арлин. Тот не пытался сопротивляться, так что я убрал ногу, чтобы тщательнее его обследовать. Нога соскользнула, и я чуть не шлепнулся в песок, но в последний момент успел сохранить равновесие, потеряв разве что чувство собственного достоинства.

Арлин держала винтовку наготове, но не на прицеле. Она не хотела пропустить движущуюся цель, отвлекшись на песчаные дюны или тепловые блики. Я знал, что моя винтовка заряжена, но все равно ощущал непреодолимое желание взвести затвор еще разок. Я подавил это желание – не хватало еще выглядеть трусишкой перед младшим по званию.

Вместо этого мне бы стоило волноваться о незваных гостях. Я услышал выстрел точно в тот момент, когда почувствовал мощный толчок в спину. Стрелок попался не самый меткий, но когда стреляешь из винтовки, большая точность и не нужна. Я упал мордой в песок, а моя М-14 отправилась в полет и приземлилась поодаль, тут же исчезнув среди песчинок. Неважно. Я был слишком занят, пытаюсь разглядеть что-то сквозь темную пелену боли в плече, мне было не до оружия.

Ослепленный и оглушенный, я услышал стрекот винтовки Арлин, которая открыла огонь по тому месту, откуда в нас стреляли. Девушка упала на песок, но стрельбу не прекратила. Я подумал, что задев меня пуля, должно быть, прошла сквозь броню и задела левое плечо. Я перевернулся на правый бок, надеясь, что боль стихнет, но не тут-то было. Передняя часть шлема была испачкана в крови. Это плохо, очень плохо. Меня никогда раньше не подстреливали так серьезно. Ирония судьбы – впервые это произошло в пустыне, на планете в сотне световых лет от Земли, когда рядом со мной лишь младший капрал Арлин Сандерс, которой не остается ничего, кроме как смотреть, как я умираю в далеком неизвестном мире. Ну вот, теперь меня потянуло на болтовню.

А может, и Арлин этого не увидит. Ей, похоже, тоже досталось. Не так серьезно, чтобы она прекратила огонь, но сейчас девушка стреляла скорее по инерции, следуя инстинктам. Я услышал полный ужаса крик нашего пленника – он даже выстрелы перекрикивал. Ну что за слабак. Покажи хоть каплю силы воли, сражайся как мужчина!

Вот Арлин сражалась как мужчина. Она нихрена не видела, и одна из пуль угодила в переднюю часть ее шлема. По стеклу расплзлась паутина трещин. Моя подруга, должно быть, совсем мозги растеряла, ибо в следующий момент она направила винтовку на меня и спустила курок.

Она ничего не видела. Я продолжал утешать себя этой мыслью, даже когда одна из пуль угодила в мое бедро. Тогда я ее даже не почувствовал – орал во всю глотку, что сделаю с теми сукиными детьми, которые палят по нам неизвестно откуда, с их детьми, родителями и соседями, а потом сожгу дотла их дома.

- Флай, Флай, Флай, - повторяла Арлин, пока ее магазин не опустел.

Красная жидкость пропитала мою форму, просачиваясь через отверстия в броне. Одна из пуль попала Арлин в живот. На ней была бронекуртка, но девушка все равно стала жадно хватать ртом воздух. За секунду до того, как погрузиться в темноту и отправиться пересекать Стикс, я почувствовал, как меня хватают и куда-то тащат. Наверное я снова закричал от боли, но сложно было разобрать, где мои крики, а где вопли ужаса пленника. Господи, ну что за тряпка.

Прощай, Арлин. Прощай, Флай Таггарт, навеки преданный морской пехоте. Я горд, что столько лет носил на груди наш символ орла и якоря. И чертовски горд, что умираю сержантом, а не простым капралом.

Я летел сквозь черные облака, падая в бездонную пропасть. Все вокруг напоминало кошмарный сон, и я дергался как мог, пытаюсь проснуться. Казалось, я сейчас на границе сна и реальности, стоит только чуть поднатужиться и проснуться, но я просто не мог этого сделать. Застрял на границе, не в силах вернуться к жизни. Я почувствовал боль, но она пришла откуда-то снаружи. Когда я был ребенком, то

смотрел фильмы для взрослых в открытом кинотеатре «Девушка с обложки», забираясь с биноклем на дерево, растущее между нашим фермерским домиком и городком Барлстон. Я ничего не слышал, да и бинокль дрожал в моих руках, но я не обращал на это внимания. Смотрел, как занимаются сексом персонажи на экране и больше ничего не хотел от жизни. Вот такой был я в моих же воспоминаниях. Он тоже чувствовал мою боль, но, как и я, словно на расстоянии.

Медленно я отплыл назад. Мир вокруг не был похож на ад, который так любят описывать священники, и я предположил, что все еще жив. Моргнув, я наконец вернулся в сознание и ощутил вполне реальную боль.

Тело словно разрывало на части. Я стиснул зубы, стараясь не издавать ни звука. Ублюдки могут пытаться меня сколько угодно, но я не собирался веселить их своими криками. Арлин лежала рядом. Я сморгнул слезы и заметил, что она неестественно бледна. Девушка потеряла много крови – возможно, куда больше, чем я – и сейчас была похожа на белые утесы Дувра, с которых можно увидеть Ла-Манш. Я присмотрелся. Боль застилала глаза, но я могу игнорировать ее, если сосредоточусь на чем-то другом. Ее грудь регулярно вздымалась, и она вяло шевелила ногами. Капрал Сандерс жива, но сколько она еще продержится? Мы оба были пристегнуты к кроватям в комнате со стенами металлического серого цвета, стоящими у стен кушетками и приспособлением, напоминавшим умывальник, но без крана. Тихонько всхлипывая, я запрокинул голову и осмотрел потолок. Над нами висела какая-то темная перегородка с тысячами маленьких светящихся дырочек – как я понял, местный источник света.

Открылась дверь, и перед нами возник тот самый сержант с блокнотом, который возможно увидел, как изменилась моя нейронная активность, когда я пришел в себя. Он обошел вокруг меня, описав полный круг против часовой стрелки, глядя на индикаторы приборов и что-то записывая в блокнот. Он не издал ни звука, даже когда я попытался с ним заговорить.

- Эй, вы... где я? На вашем корабле? Мы не те пришельцы, которых вы ищете. Мы тоже идем по их следу. Вы меня слышите? Я человек, с Земли, как и вы. Я жил там за двести лет до вас.

Даже не взглянул на меня, урод. Минут через десять к нам появился его командир – высокий худой парень, ростом примерно с меня, но килограмм на двести легче. У него были песочного цвета волосы и аккуратная бородка. Он выглядел нелепо в своей футболке в обтяжку – сгорбленная спина, нет даже намеков на мускулы. Его руки обвивала черно-красная спираль. Может, это показатель его ранга? Он разгуливал вокруг властной походкой офицера. У меня волосы встали дыбом, и я не знал, как на это реагировать.

Он медленно заговорил со мной, и я понял большую часть слов.

- Ты человек. Если верить найденным у тебя документам, ты [неизвестное слово] из Корпуса морпехов США, [неизвестное слово] Таггарт Флинн.

- Он самый.

- Надкапитан Руол Токугавита, Земные Демократические Силы. Так же, как и вы, потерялись во времени, преследуя мутантов с самой Земли.

- Как долго вы их преследуете, надкапитан? – спросил я.

- Сто лет и еще семь, - он говорил ровным бесстрастным голосом и смотрел точно на меня.

Он провел в полете поменьше нашего, но целый век – это вам не две недели. Как и мы, по возвращении он увидел бы совсем не тот мир, который покинул. Я почувствовал прилив симпатии к надкапитану, но все еще остерегался доверять его чужим глазам.

- Разрешите обратиться, надкапитан. Живы ли еще Соединенные Штаты Америки? Или мы последние морпехи в галактике?

- США больше нет, сержант. Осталось только одна страна – Земное Государство Людей.

- А у него есть своя конституция?

- У людей нет необходимости воевать друг с другом. Каждый живет ради других и ради всех сразу.

Черт. Черт, черт, черт! Значит, в конце концов мы проиграли битву за свою индивидуальность. Я откинулся в кресле с гримасой боли на лице, но вовсе не из-за ноющего плеча. Эту боль я терпеть мог. Но теперь мы не знали не только где находимся, но и кто мы такие. Не уверен, есть ли еще на Земле Корпус морпехов. И не уверен, что прижился бы в таком обществе, где надо бегать в красивых голубых шлемах и восхвалять Земную Армию Социалистического Освобождения, или кто там у них был. Домой возврата нет, как сказал когда-то Томас Вулф. Ну, замечательно. Пошел он со своим

Земным Государством! Неважно, кто ими командует или как там они себя называют – мы морпехи и останемся ими до самого конца. У меня ни на миг не возникло сомнений в том, что младший капрал Арлин Сандерс разделяет мою точку зрения. Если на Земле не осталось никого кроме ненормальных социалистов, значит, мы помогали выжить именно им. Что нас тогда дальше-то ждет?

Арлин.

- С девушкой все в порядке? – спросил я осипшим голосом.

Надкапитан Токугавита посмотрел куда-то над ней, считывая невидимые знаки. Может, на стену проецировалось какое-то изображение, увидеть которое можно было только в специальных линзах, не знаю. Но он явно читал что-то, глядя поверх ее головы.

- Жива и выздоравливает. Жаль, что пришлось подстрелить, но не знали, кто вы, что хотите. Прилетели на вражеском корабле.

Я неопределенно хмыкнул. Они подстреливают корабль Фредов, а потом, когда мы захватили одного из их группы в плен, открывают по нам огонь. Кто их вообще воевать учил?

По какой-то непонятной причине мне хотелось простить их за то, что они стреляли по мне. Да я даже Арлин уже простил за это. Но вот простить их за то, что они стреляли по моему боевому товарищу... увольте. Только если я еще хочу вернуться на Землю, мне лучше засунуть свой гнев куда поглубже. Я принял извинения надкапитана и дал ему понять, что все произошедшее в пустыне похоронено в ее песках. Даже если я собираюсь отомстить ему в будущем, сейчас лучше вести себя тихо и не вызывать лишних подозрений. По крайней мере, чтобы дать им ложное чувство безопасности.

- Все хорошо, - осторожно сказал я. – Понимаю, почему вы стреляли. Больше упоминать этот случай не буду.

Надкапитан улыбнулся. Обстановка разрядилась, но только потому что я сам этого хотел.

Капитан долго смотрел на меня – так долго, что я начал ерзать. Мне было непонятно, чего он хочет.

- Чувствовали ужас неизбежной смерти?

- А?

- Боялись умереть, когда мы по вам стреляли?

Он что, не мог оставить эту тему в покое?

- Э-э, так точно, надкапитан. Мы думали, что на этот раз получим свои билеты на тот свет.

Мой собеседник поник. Он что-то пробормотал, заглянул в свои записи, после чего покраснел и снова прочистил горло.

- Почему вы продолжали сражаться? Как у вас это получалось?

- Как получалось? А как еще может поступить морпех, надкапитан? Если уж мне суждено погибнуть, я предпочту забрать с собой побольше уродов... без обид.

Надкапитан нахмурился и что-то записал в своем блокноте. После нескольких лет на поле боя я научился безошибочно распознавать страх, и у меня не было ни малейших сомнений: за маской бесстрастности Токугавита скрывает ужас. Но чего он боится?

Я заметил, что Арлин пришла в себя, сидя на своей кушетке и наблюдая за нами. Это меня приободрило.

- Надкапитан, вы можете объяснить, почему Хосепаз так просто сдался, когда мы его захватили? Как мне показалось, для него нет ничего страшнее смерти. Разве вы не осознаете, что можете быть убиты в бою, когда отправляетесь на операцию?

Я тут же пожалел о сказанном. Следующие двадцать минут надкапитан читал нам лекцию о том, что мы и так прекрасно знали – что мы единственный вид в галактике, который умирает окончательно. Чем дольше он говорил, тем больше волновался. Он побледнел, вспотел, глаза его стали бегать туда-сюда вместо того, чтобы сфокусироваться на мне, как это было в начале нашей беседы.

Через какое-то время мне стало ясно как день: надкапитан Токугавита страдает некрофобией – навязчивым страхом всего, что связано со смертью. И он еще умудрялся спрашивать нас, как нам хватило смелости действовать под огнем!

Я скорчился от стыда. Как может солдат с ненормальным страхом смерти получить такое высокое звание? Он задал парочку бесполезных вопросов, чтобы я расслабился – в каких битвах мне удалось побывать, что я предпочитаю в еде. Последний вопрос напомнил мне о питательных кубиках, без которых мы не выжили бы на других планетах. Но поскольку мы снова среди людей, то можем есть их

пищу. После этого надкапитан ушел, оставив меня размышлять, как человек, столь похожий на нас, мог быть таким трусом. Арлин села на кушетке, схватившись за живот и делая вид, что ее сейчас стошнит.

- Господи, - произнесла она, - неужели мы последние два человека во Вселенной, кто еще верит в честь, долг, верность своим принципам и все такое?

Я покачал головой, лежа на холодной подушке.

- Мы видели только двоих из них. Ставлю семеро против двух, что Токугавита – далеко не пример для подражания солдат, даже в их эру.

В итоге в нашем споре победила Арлин. За следующие четыре дня, пока моя рука не двигалась, а Арлин постепенно приходила в себя, еще семеро солдат дрожали как осиновый лист на ветру, говоря со мной о смерти. К тому моменту, как моя сломанная рука и ключица почти срослись, я понял, что вся эта банда людей настолько одержима страхом смерти, что они начинают дрожать от одного ее упоминания.

На пятый день я смог встать с кровати. Никто не возмущался, не называл меня пленником. Их корабль сел в пустыне, и я спокойно мог гулять по нему, за исключением некоторых отсеков в непосредственной близости от двигателей и компьютерных стоек.

Вскоре судьба преподнесла нам еще один сюрприз. Нас посадили в отдельные, но прилегающие друг к другу кабины на корме корабля. Кто-то решил, что просто жить не сможет, не разузнав все про нашу способность преодолевать страх смерти. И этот кто-то решил устроить нам небольшое испытание.

10

Корабль людей в целом напоминал посудину Фредов, разве что был меньше в четыре – пять раз. Наши приятели провели меня вверх по винтовой лестнице, зашли в небольшую каюту, и тут их дружелюбие как ветром сдуло. Прежде чем я успел опомниться, трое парней схватили меня, усадили в кресло и привязали к нему обе моих лодыжки и левое запястье. Стена напротив стала прозрачной, и я увидел соседнюю каюту, где сидела Арлин. Ее тоже связали. Мы пялились друг на друга сквозь стену, которая внезапно стала окошком, и я чувствовал себя индейкой, которую заснули в духовку.

Под окошком я заметил старые стрелочные часы. Шкала разделена на шестьдесят делений, отметки – каждые пять. Стрелка показывает на дальний конец шкалы. Рядом с часами торчала труба, подозрительно похожая на дуло крупнокалиберной винтовки. Оптимизма такой видок не внушал.

Надкапитан встал там, где я мог его видеть.

- Через минуту пушки откроют огонь. Первый потянувший рычаг останется жить, другой умрет. Если за минуту рычаг не двинет никто, умрут оба.

Через окно я видел, как кто-то другой разговаривает с Арлин. По тому, как она побледнела, я понял, что ей сказали то же самое.

- Отсчет начат, - объявил мой мучитель и нажал кнопку на часах. Стрелка побежала к нулю, и я буквально всем телом чувствовал, как утекает секунда за секундой. Во рту пересохло, язык стал шершавым как наждачная бумага. Господи... Господи! Правую руку к креслу не привязали, и я легко мог дотянуться до рычага, который убил бы Арлин, но не шелохнулся. Арлин по ту сторону стекла сидела с выражением отчаяния на лице, но тоже без движения.

Я повернулся к надкапитану, который наблюдал за нами с бесстрастным любопытством.

- Своими руками придушу, понял меня?! Богом клянусь, ты ни дня больше в покое не проживешь.

- Тридцать пять секунд, - объявил тот, побледнев. – Должен потянуть рычаг, чтобы выжить. Не сможешь убить меня, если сам умрешь.

Я посмотрел на него таким суровым взглядом, что он вздрогнул и отвернулся.

- В могилу тебя загоню, даже если придется сюда после смерти вернуться, - произнес я так тихо, что он едва меня услышал.

Надкапитан заерзал в кресле, глядя на мою свободную руку. Я сжал ладонь в кулак и поднес его вплотную к рычагу, но не дотронулся до него.

- Учись, как должен погибать мужчина. За Корпус. Моя совесть чиста перед Богом.

- Что такое Бог?

Я прикусил губу.

- Не думаю, что смогу объяснить за двадцать секунд.

- Что такое Бог? – повторил он, почти сорвавшись на крик.

- Это вера. То, что отличает нас от животных.

Я посмотрел на часы: нам осталось жить десять секунд.

- Пока-пока, животное.

- Но другой сейчас убьет тебя!

- Ничего подобного.

- Откуда ты знаешь? Потяни рычаг, спаси свою жизнь!

- Я не знаю. Я верю.

- Во что тут верить? Спасайся, пока можешь!

- Пошел к черту, надкапитан. Ты и сам больше не жилец.

Я закрыл глаза и сжал челюсти, готовясь к тому, что в моей груди сейчас появится дыра размером с огромную марсианскую впадину. Однако вместо грохота выстрелов я услышал лишь щелчок. Приоткрыв глаза, я увидел Токугавиту, смотрящего на меня диким взглядом. Его рука все еще сжимала кнопку на часах. Как я понял, убить нас у него была кишка тонка. Даже будучи под прицелом крупнокалиберных пушек, мы заставили его обосраться.

Я замедлил ритм дыхания, стараясь успокоить колотящееся сердце. Арлин покраснела, обычно бледная кожа окрасилась в ярко-розовые тона. У меня мурашки пробежали от выражения на ее лице: никогда раньше не видел такую ярость, от которой несло замогильным холодом. Надкапитан освободил меня, человек на той стороне развязал Арлин. Я не стал лишним раз напоминать о своей клятве. Никогда не беру свои слова назад, и раз пообещал прикончить его, так и сделаю. Но это не значит, что я буду постоянно напоминать ему об этом, чтобы он, не дай Бог, не забыл.

Я заметил одну странную вещь. В Корпусе морпехов вся ответственность за успех операции могла ложиться на плечи офицера, и он выполнял большую часть работ по планированию. Но у него всегда были подчиненные, готовые непосредственно исполнять приказы, делать физическую работу (за это нас прозвали быками). Здесь же Токугавита делал все сам, несмотря на то, что на корабле явно были военные ниже по рангу. Они вообще имеют представление о субординации?

Я поднялся на ноги, последовав примеру Арлин. Злые и разгоряченные, мы вышли из кают и встретились в коридоре. Мы ни слова не сказали друг другу, пока возвращались к себе, после чего Арлин сделала то, что было очень ей несвойственно: крепко обняла меня и не отпускала несколько минут, словно убеждаясь, что я до сих пор жив и стою здесь, рядом с ней. Я провел рукой по ее бритому затылку. Все эти годы младший капрал Арлин Сандерс носила ту стрижку, с которой я увидел ее в первый раз, когда она играла в Вильгельма Телля с оружейным сержантом Гофортом. Когда Арлин окончательно поверила, что меня не расстреляли, каменная маска спала с ее лица, и она схватила меня за отворот униформы.

- Флай, - произнесла она. – Эти люди готовы всем пожертвовать, лишь бы снова обрести веру.

- Ты же у нас атеист, - напомнил я.

- Да не обязательно веру в Бога! Хотя во что-то. В Корпус морпехов, в честь и принципы – во что угодно. Они говорили о единении так, словно оно что-то для них значит, но это все пустые слова. Они действуют не как люди, объединенные общей целью, а как эгоистичные свиньи.

- Социальные атомы, - кивнул я. – Церковь всегда беспокоилась, что общество перестанет быть единым, и мы получим толпу людей, которые не думают ни о ком и ни о чем кроме себя. Ни о близких, ни о стране, ни о человечестве. Так называемые коммунисты - самая социально раздробленная группа, которую я когда-либо встречал. На самом деле они ни во что не верят.

- С этими людьми что-то не так, Флай. У меня ужасное ощущение, что мы теряем из виду что-то очень важное. Но если мы сможем потянуть рычаг включения веры в их головах...

- Это тебе женская интуиция подсказывает?

Арлин закатила глаза.

- Ладно, называй так, если хочешь. Но это не отменяет факта, что здесь творится что-то странное, и нам с тобой, дружок, нужно выяснить, что именно. То есть, я хотела сказать, сержант. Потянем за их рычаг включения веры и притащим-таки эту гору к Магомету.

Я подмигнул подруге, оценив ее меткую метафору, а в голове у меня уже созрел план. Что-то вроде того, что мы называли «хитрым стратегическим условием безоговорочной победы» - голубая мечта,

если хотите. Но лучше это, чем ничего.

Камеру нам предоставили с удобствами – такую удобную, каким вообще может быть место заключения. Там стояли мягкие койки, так что мы могли не беспокоиться о том, где будем спать. Кроме того, в нашем распоряжении были туалет с раковиной, стол и даже небольшой терминал с ограниченными правами доступа, обойти которые мы так и не смогли. По правде говоря, мы вообще никуда не могли попасть кроме главного меню. Куда бы мы ни тыкнули, получали лишь ошибку доступа – сообщение «неавторизованный пользователь» в виде трехмерных букв, которые крутились на экране.

От нашей одежды начинало пахнуть. Правда, после восьми месяцев в дыре под названием Кефиристан все было куда хуже – мы тогда были рады любой паре брюк или камуфляжному жилету, который внезапно не отращивал ноги и не уползал куда-то по своим делам. Как у женщины, у Арлин было больше насущных потребностей. Ей удалось уговорить охранника притащить немного хлопка, который она обернула куском ткани, оторванным от своей рубашки. Один Бог знал, что она задумала. Я сидел на койке, сгибая и разгибая руку, которая после такой травмы не должна была бы двигаться еще месяцы.

- Тебе не кажется это странным, АС?

Арлин едва отвела взгляд от терминала.

- Ты про их уход за больными?

- Именно. Меня очень серьезно подстрелили. А ты даже... - я замолк на полуслове. Хотел сказать, «а ты даже стреляла в меня по ошибке», но решил, что сейчас нет необходимости рассказывать об этом. Зачем лишний раз ее расстраивать?

- Даже если броня защитила тебя от пуль, на теле все равно осталась парочка серьезных синяков. В моей руке застряло не меньше четырех пуль и еще одна - в ноге. Мышцы плеча разорвало.

Я поднялся, медленно описывая в воздухе дугу поврежденной рукой.

- Так почему я могу ей шевелить? Не без труда, но могу же!

Арлин пожала плечами.

- Флай, они на двести лет опережают нас в развитии. Ты правда думал, что они не способны творить чудеса? Меня больше это удивляет, сержант.

Я нахмурился.

- Да ты на корабль посмотри, - добавила моя подруга.

Я окинул взглядом нашу камеру.

- Зачем? Тут и так все выглядит знакомо.

- Вот именно, знакомо. Острые углы, знакомые изгибы. Все вокруг такого размера, что нам удобно этим пользоваться. Туалет и раковина по размерам как раз для людей и встроены в корабль, а не еще один из его прикрепляемых модулей.

До меня начинал доходить смысл ее слов.

- Хочешь сказать, этот корабль был разработан для людей?

- Не просто для людей, сержант. Людьюми же и разработан.

Арлин сделала широкий жест рукой, давая понять, что имеет в виду весь корабль, а не только нашу тесную камеру.

- Все это построено людьюми. Зуб даю, если нам когда-нибудь разрешат заходить в помещения с двигателями, мы увидим на них логотипы «Прэтт и Уитни» или «Нортропа».

- Господи... значит, мы в открытом космосе и на корабле, построенном людьюми? Не клэвийцами, не Фредами, а нашими же собратьями?

Куда бы я ни посмотрел теперь, мне в глаза бросались элементы декора, свойственные для Западной Европы и Америки. Даже речь наших захватчиков была английской, только с большим количеством сленга, который мы не понимали.

Стало быть, все еще в норме. Пусть Земля превратилась в одно наполовину социалистическое, наполовину капиталистическое государство с единым мировым правительством, но она все еще принадлежит людям. В этой чертовой войне мы одержали верх. Самое время кричать «ура!».

- Заметил еще что-то интересное, сержант? По поводу корабля.

- Послушай, ну его к черту, этого «сержанта». Я лучше буду Флаем, пока мы здесь. По званию будем

обращаться друг к другу в строю. И что насчет корабля?

- Хорошо, Флай. Я... ах да, ты же был без сознания, когда нас заносили на борт. Я была уверена, что ты погиб, да и сама еле держалась на этом свете. Потом меня накачали транквилизаторами, и я отрубилась до того самого момента, как очнулась здесь.

Арлин наклонилась поближе, широко распахнув глаза.

- Когда они заносили нас на корабль после битвы на Зыбучих Холмах, я не полностью потеряла сознание, а только притворилась, чтобы осмотреться.

- Давай уже к делу. Что ты увидела?

- Нетушки, Флай! Раз уж мы с тобой теперь одного ранга. Мне удалось осмотреться снаружи корабля, и я заметила две вещи: во-первых, здесь полно табличек на английском. Или по крайней мере на языке, который использует английский алфавит. Посудина называется ТА-303. Выходит, у человечества сотни таких кораблей?

Я поскреб затылок и пожал плечами.

- Не знаю точный порядок нумерации кораблей в ВМФ, если он еще существует. Но согласен с тобой, вряд ли ему присвоили бы номер 303, если бы таких кораблей было всего несколько.

- И во-вторых, друг мой, это просто крошечный корабль. Не больше трехсот пятидесяти метров в длину и не шире авианосца из нашего времени.

Я вспомнил корабль Фредов, 3.7 километра длиной и почти полкилометра в диаметре. Большую часть той громадины занимали двигатели. А это значит...

- Хочешь сказать, в технологическом плане этот корабль ушел далеко вперед от Фредов?

- И не только в плане размеров двигателей. Когда нас вели на испытание с пушками, ты заметил, что мы много раз поднимались по спиральным лестницам?

- Ну да. И что?

- Мы поднимались по ним восемь раз.

- Ну да. И что?

- Флай, это больше половины диаметра корабля.

- Ну да. И... - я замер на полуслове, когда меня осенила догадка. Если пересечь центральную часть корабля Фредов, когда тот стоит на посадочной площадке, вы внезапно обнаружите, что все отсеки перевернуты вверх ногами. В полете гравитацию на борту создавало вращение посудины, и чем больше вы отдалялись от оси вращения, тем больше становилась сила тяжести. А вот архитектура этого корабля не подразумевала, что он будет вертеться в полете.

- Чтоб меня, они научились создавать гравитационное поле! Настоящая гравитация, как в Звездном Пути!

Мне потребовалась секунда, чтобы все обдумать.

- Арлин, а разве Сэарс и Робак не говорили, что те устройства гравитации, что оставили Древние – парни, которые построили Врата на Фобосе и Деймосе – не будут работать на корабле, даже в теории? Девушка задумчиво кивнула.

- Ага. Очевидно, в плане технологий этот корабль дал фору даже Древним. До этого мне казалось, что такая скорость развития нормальна для человечества. Может, я старею и становлюсь циником, но больше мне так не кажется. Человечество конечно на многое способно. Но черт возьми, Флай! Межзвездные корабли, искусственная гравитация, невероятные успехи в медицине – и все это прогресс почти истребленной цивилизации за пару сотен лет?

Я посмотрел на нее, не зная, что ответить. Во мне пробуждался необъяснимый страх.

- Флай, ты можешь в это поверить? Даже учитывая то, что мы развиваемся намного быстрее, чем Фреды или клэвийцы?

Я медленно помотал головой. Человечество едва сводило концы с концами, когда мы улетели. Пришельцы отбросили нас как минимум на пятьдесят – семьдесят лет назад. Они не оставили камня на камне от наших городов. Бактериальные инфекции распространились по всему земному шару. И наконец, главное оружие Фредов в борьбе против нас: генетически модифицированные монстры, которых не отличишь от людей, пока один из них не начнет по вам палить. Фреды могли целые планеты вышвыривать с их орбит! И у них было то, что мы называли распылителем – чрезвычайно мощное оружие, луч из которого уничтожал все на своем пути. Арлин была права – слишком уж

сложно поверить, что при всем при этом человечество достигло такого уровня развития за какие-то двести лет. Значит...

- Арлин, я знаю только одну расу, которая эволюционирует так быстро.

- Мы оба знаем, сержант. То есть, Флай.

Я почувствовал, как желудок сжимается в комок.

- Существа на корабле – Новички? Не люди?

Девушка помотала головой.

- Нет. Зачем Новичкам мутировать в людей? Они ведь движутся вперед в развитии, а не откатываются назад. Смотри. Мы знаем, что эти парни улетели с Земли много веков назад, через двести лет после нас. Но мы не знаем, когда они встретились с Новичками и встретились ли с ними вообще. Мы не знаем, когда начался бум технологического развития. А что если?..

- Что если Новички, - закончил я за нее мысль, - добрались до Земли десятки лет назад? Мы ведь даже не знаем, где их родная планета. Может, она ближе к Земле, чем база Фредов – меньше, чем в шестидесяти световых годах от нашего дома. Что если они прилетели к нам и каким-то образом передали возможность эволюционировать с их скоростью?

Арлин наклонилась ближе. Только вряд ли это поможет, если где-то здесь спрятаны чувствительные микрофоны, передающие каждое сказанное нами слово.

- Что если Новички где-то здесь, на корабле, а мы просто не можем их увидеть?

Я успел рассказать ей о том, как надкапитан читал что-то, невидимое невооруженным глазом, пока Арлин лежала без сознания в лазарете.

- Не нравится мне это, капрал. Мне не по себе от мысли, что невидимые Новички летают где-то тут как духи в машине⁹.

Девушка села на койку, глядя на ярко-белые занавески.

- И мне это не нравится, Флай. То, что теперь наше оружие – вера, а не мозг. Тут моя позиция не столь тверда, как твоя или... Альберта.

Она провела пальцами по груди, где на цепочке с армейским жетоном когда-то висело ее обручальное кольцо, подаренное любимым. Когда мы прошли через Врата, построенные Древними, кольцо испарилось вместе со всеми другими вещами. Чуть позже клэвийцы сделали для нее еще одно, и Арлин выглядела еще счастливее, чем раньше. А потом мы снова прошли через Врата, и второе кольцо тоже исчезло. Должно быть, Арлин никак не могла это принять – я часто видел, как она проводила руками там, где оно когда-то висело. Кольцо символизировало предложение Альберта, принять которое у Арлин не хватило времени.

Я положил руку ей на плечо. С тех пор, как она последний раз видела своего любимого, на Земле прошло больше трехсот лет – триста сорок, если быть точным. По нашему же времени прошло всего четыре месяца. И пять – с тех пор, как мы в последний раз видели Джилл... забыл, как ее по фамилии. Меня это все приводило в недоумение. Я никак не мог разобраться в этой релятивистской ерунде. Даже если мы отправимся обратно на Землю прямо сегодня, там пройдет еще сотня лет, прежде чем мы достигнем пункта назначения.

- Флай, - произнесла Арлин, - давай держать ушки на макушке, когда будем общаться с этими... людьми. Может, мы заметим что-то, что подтвердит или опровергнет нашу теорию.

Я выставил руку со сжатым кулаком. Арлин осторожно ударила по нему своим. Обычно она так смаковала это «кулачное приветствие», что у меня потом еще пару минут костяшки звенели.

Вечером, когда мы показались у общего стола, люди прекратили болтовню и отпрянули от нас. Мы стали знаменитостями на местном шоу уродов. Спешите видеть двух чудовищ! Но будьте осторожны, их В-Е-Р-А может быть заразна!

В этот раз я специально обратил внимание: мы определенно пересекли центральную часть корабля. Арлин была права: корабль построен с таким расчетом, что вектор силы тяжести на нем не будет менять своего направления. Где-то здесь был припрятан генератор искусственной гравитации.

Столовая была длинным узким помещением, напоминавшим коридор, со столами по центру, за которыми сидели на стульях. Охранник за спиной крепко держал мои руки, а надкапитан повел нас

прямо по столам. Я старался не наступить ни в чью тарелку и не пнуть ничей стакан. Двое охранников усадили меня на центральный стул и защелкнули на талии металлическую полосу, похожую на ремень безопасности. Вырываться я не пытался – и так ведь понятно, что никуда не денусь. Арлин усадили точно напротив меня, громкий щелчок возвестил о том, что теперь и она пленник своего стула.

Комната была темнее, чем я думал, но после непроглядного мрака баз Фредов и их планеты мы научились неплохо ориентироваться в условиях плохой видимости. Каждому предназначался свой набор тарелок и столовых приборов, а когда они ели, наклонялись над тарелкой и клали руку так, словно боялись, что товарищ напротив может украсть их еду. Мне вспомнился бывший заключенный, которого нанял отец, когда управлял фермой Энгертонов.

Парней и девушек было поровну. Присмотревшись, я заметил, что униформа каждого из присутствующих чем-то отличается от остальных. Как и в армии США до двадцатого века, каждый видел стандартный стиль немного по-своему. Надкапитан Токугавита, сидевший справа от меня, носил темно-синюю окантовку вокруг семи карманов на лицевой стороне своей рубашки. У женщины рядом с ним окантовки не было, а у двух парней напротив нее было пять и шесть карманов вместо семи. Чем дальше от капитана, тем больше различалась униформа. Я заметил на чьей-то голове шляпу – нечто среднее между треуголкой времен Войны за независимость и техасской ковбойской шляпой. Одна женщина носила миниатюрные крылья, пришитые на уровень плеч сзади. Цвет униформ (или следует называть их вариантами одной и той же?) менялся от красного до темно-коричневого – в левом углу, где шляпы были приплюснуты и выглядели как береты с козырьками.

Вскоре я заметил Сэарса и Робака в левом углу, но они не смотрели на меня. Они не могли нас не заметить – с нашей-то прогулкой по столам.

Все время пока мы были в столовой, кто-то уходил и кто-то приходил. У меня появилась идея, что у них какой-то фетиш на индивидуализм, граничащий с солипсизмом: каждый живет в своем крохотном мирке и совершенно не беспокоится о том, что за его пределами – кроме тех случаев, когда им что-то нужно из этого внешнего мира.

Еда у каждого тоже была своя. Ничья порция не показалась мне аппетитной. Мое основное блюдо пахло как вареный стейк в соусе, но это все равно лучше, чем синие кубики Фредов. Как я понял, за двести лет биохимический состав людей не сильно поменялся, и еда была достаточно питательной, чтобы мы с Арлин могли выжить.

Когда кто-то уронил на пол нож, в столовой поднялась паника. Затем, когда стало понятно, что никто не убит, все как ни в чем не бывало вернулись к своим тарелкам.

За ужином мы узнали много интересного. Кажется, у здешних обитателей не было даже понятия о том, что такое секретность или хотя бы личная свобода. Арлин оказалась права: технологический скачок начался около шестидесяти лет назад. Но мы нигде не видели Новичков, которые смогли бы это уточнить.

Сэарс и Робак не сказали нам ни слова. Они вели себя так, будто никогда не видели нас раньше, и мы совсем их не интересовали. Я понял намек и оставил их одних, надеясь, что они лишь притворяются, чтобы втереться в доверие к другим.

Команда корабля – у каждого ее члена, разумеется, было свое имя, но в целом она звалась Позор Смертоносным Деконструктивистам – все еще восхищались нашей верой: моей – в Бога, и Арлин – в своих близких. Они осторожно проходили мимо нас, словно боясь «подцепить веру». И задницей клянусь, она действительно заразна! Я ходил по кораблю, тряс их за плечи, пожимал руки (они понимали, что означает рукопожатие, но не очень-то любили этот жест – ведь для этого приходилось признавать, что на свете существуют и другие люди), целовал девушек. Ответная реакция была ожадема. Все равно что монашек целовать.

11

Члены экипажа столпились вокруг, засыпая нас вопросами о вере и надежде. Что если веришь во что-то, а оно не происходит? Может ли надежда причинять боль? Обязательно ли верить в Бога или можно ограничиться верой в себя? Я с сосредоточенным видом ходил по каюте, останавливая взгляд то на одном из них, то на другом, словно мог уловить интерес к чему-то на расстоянии, напрямую из мозга в мозг. Затем слушал вопрос, отвечал на него и двигался к следующему в толпе.

Сначала надкапитан Токугавита спросил:

- Как можно сохранять веру в людскую добродетель, если личный опыт говорит обратное?

Ответ Арлин меня порядком удивил. Мне-то всегда казалось, что она – тот еще циник.

- Неважно, что делают некоторые люди или даже почти все. Я хочу сказать, многие из нас – большинство, скорее всего – сделают что-то плохое без зазрений совести, если будут уверены, что никто об этом не узнает. Но если вы знаете хоть одного человека, кто так не поступит, кто верен своим моральным принципам не только под прицелом чужих глаз, вера придет сама собой. Я, например, такого человека знаю. Может, мы не всегда чтим внутренний моральный кодекс, но элементарная порядочность и желание помочь есть в самой сущности нашего вида. Нам просто нужно отточить эти навыки.

Лицо надкапитана смягчилось.

- А мы ведь читали про ваши подвиги, когда учились в первом классе. Странно увидеть легенды во плоти.

- Читали? – переспросил я. – О нас что, уже книги пишут?

- Целых две. Вообще-то их полно, но оригинала два: «По колено в крови» и «Ад на Земле». Их автор – женщина по имени Джилл Лавлейс, которая утверждала, что была на задании вместе с вами.

Лавлейс! Так вот как ее по фамилии. Джилл Лавлейс.

- М-да, - протянула Арлин. – Похоже, вместо настоящих врагов Джилл отправилась бороться с ветряными мельницами.

- А?

Это была еще одна фирменная фраза Арлин, которая не подразумевала ничего конкретного и все сразу одновременно.

Надкапитан пересказал нам наши приключения. Я поверить не мог, что Джилл успела издать целых две книги. Кажется, еще совсем недавно мы все вместе плыли на подлодке и тихонько шли по космодрому, стараясь не разбудить тамошних обитателей. Надо почаще напоминать себе, что у нее была целая жизнь написание, пока мы болтались среди звезд.

Прерывая надкапитана, вперед протолкнулся сержант. Я тщетно ждал возмущения и наказания – они забыли не только про субординацию, но и про манеры, уважение и вежливость.

- Правда ли, что мораль создана из страха перед божественным отмищением?

- Нет, - ответил я. – Мораль и страх – совершенно разные вещи.

Монашки не раз обсуждали это с нами на уроках катехизиса.

- Какими бы ни были ваши моральные принципы, если вы следуете им только из страха быть наказанным, это не мораль – это принуждение.

- А зачем вообще поступать правильно, если можно просто извлечь из ситуации максимум выгоды для себя?

- Затем, что у людей есть совесть, ощущение черного и белого, внутренний моральный компас – называйте как хотите. Это чувство говорит им, что правильно, а что нет. Если игнорировать его, вы будете чувствовать себя дерьмом, потому что это... э-э... в самой сущности нашего вида, как сказала Арлин.

Свет озарения мелькнул в глазах сержанта, и он снова сел на стул, слушая рассказ Арлин про путешествие на Марс. Многое она конечно преувеличивала. Она даже добралась до входа в комплекс ОАК и пережила атаку монстров, которые, как мы узнали потом, были генетически сконструированными киборгами Фредов. Я старался не пропускать ни слова. Странно прозвучит, но я никогда раньше не слышал эту часть истории. Сам я в то время летел отбывать наказание под охраной двух парней, которых звали Ронами. Сейчас они здорово напоминали мне Сэарса и Робака.

Потом кто-то из толпы спросил нас, что ощущает человек, следуя моральным принципам, следом за ним Токугавита спросил, как мы различаем, у кого из встречаемых мораль есть, а у кого нет, и так далее – до самого конца этого гребаного урока богословия. Люди, задающие вопросы, менялись, но их... «голоса» были подозрительно похожи один на другой. Не голоса в смысле звуки, которые выходят из горла – голоса в смысле то, как они связывали слова между собой, их дикция, интеллектуальная глубина вопросов. Большую часть времени члены экипажа не обращали внимания друг на друга, пока кто-нибудь не толкал их, чтобы продвинуться вперед и задать очередной вопрос.

Ранее этим вечером я решил врать только когда это даст очевидное преимущество и говорить настолько близко к правде, насколько это возможно. На такой компромисс моя совесть была согласна. Соврать мне пришлось только однажды, сказав, что в наше время все люди во что-то верили. Арлин старалась держаться нейтральной позиции, пока не осознала, зачем я им вру. После этого она меня поддержала. Это был очаровательный вечер, и даже мерзкая стряпня не могла его испортить.

Нас поспешно отвели обратно в камеру и оставили там. Мы решили притворяться спящими, пока не будем абсолютно точно уверены, что охрана ушла.

- Если каюта прослушивается, - романтично шепнула Арлин мне на ухо, - мы по уши в дерьме.

Я хмыкнул и поднялся.

- Давай убедимся, что не прослушивается. Только не говори громко, на всякий случай.

Арлин встала с кровати, огляделась и издала тихий возглас изумления.

- Флай, взгляни на терминал! То есть, туда, где он раньше был.

На месте клавиатуры и экрана, на который проецировалось трехмерное изображение, находилась полупрозрачная зеленая сфера, похожая на стеклянный шар. Внутри то и дело проскакивали вспышки электрических импульсов. Мы подошли ближе и уставились на это чудо.

- Ну и ну, - произнесла младший капрал. – И что нам делать с этой штуковиной?

- Я еще могу понять, почему они убрали терминал от нас подальше, - сказал я. – Но зачем они ЭТО сюда притащили? Это что, такой тест на интеллект?

Мы тыкали в нее, толкали и даже пнули разок. Час спустя мы раскраснелись и взмокли, но ни на йоту не продвинулись к пониманию того, что нам делать со сверкающим зеленым шаром, приклеенным к полу. И тогда Арлин снова проявила свою бессознательную гениальность: она наклонилась над ним и проворчала:

- И почему ты только говорить не умеешь?

- Умею, - ответил шар. – Просто вы ничего у меня не спрашивали.

Мы отскочили назад. Затем я снова подошел к шару – осторожно, не торопясь.

- Тебя сюда хозяева корабля принесли?

- Откуда мне знать? – ответил шар. – Здесь никого не было, когда меня активировали. Вы первые люди, которых я вижу.

- Как тебя зовут? – спросила Арлин.

- Никак. У меня нет имени.

- Как тогда нам тебя звать?

- Никак. Просто обращайся прямо ко мне, второй человек.

Я взглянул на Арлин и усмехнулся.

- Моя очередь, как я понимаю.

- Твоя очередь для чего? О, точно, - она закатила глаза. – Валяй.

Когда мы впервые встретились с Фредами – точнее, с их демонами, которых они послали истребить человечество – мы договорились по очереди придумывать названия всем тварям, которых встретим по пути. Я не был уверен, чья сейчас очередь, но у меня в голове вертелось очень подходящее имя.

- Нарекаю тебя Кеглей, - произнес я. Арлин прыснула, а Кегля промолчал.

- Кегля, есть ли на корабле другие такие как ты?

- Есть такие как я, но не такие, как я – туманно ответил тот. – Я – прототип. Намного более продвинутый, чем другие системы на корабле или на других кораблях.

- Когда тебя создали? – спросила моя подруга.

- Первый раз меня активировали четыре часа семнадцать минут назад. Время, прошедшее после сборки – шесть часов одиннадцать минут. Первые записи о разработках датированы тридцатью восемью минутами ранее начала сборки.

- Ты, э-э, говоришь, что ты самая продвинутая система на корабле? – спросил я. – И что, не было никаких промежуточных вариантов, пробных запусков?

- Нет.

- Совсем ничего? То есть, час назад они еще пользовались терминалами и вдруг собрали тебя?

- Именно так, если только какие-то эксперименты не засекречены.

- Каковы шансы, что такое произойдет? – задала вопрос Арлин.

- Бесконечно малы. Вероятность этого менее одной стотысячной процента.

Мы с Арлин обменялись взглядами.

- Звучит слишком странно, подруга, - произнес я. – Тут определенно не обошлось без помощи Новичков. Помнишь Эдгара По? Какой самый надежный способ спрятать что-то?

- Оставить на самом видном месте, - ответила Арлин, нахмурившись и сведя свои рыжие брови в одну линию.

- Самое видное на корабле – это члены его экипажа.

- Флай, мы уже решили, что они настоящие люди, а не замаскированные Новички.

Я улыбнулся.

- Именно, АС, они настоящие люди. Но что находится внутри них?

На этот раз ее брови удивленно поднялись.

- Хочешь сказать, Новички имплантировали себя в людей?

- Это вполне возможно, признай. Они эволюционируют, становятся все меньше и в конечном итоге вселяются в тела хозяев для того, чтобы... как там говорил Новичок? Ах да, чтобы исправить их. Может, они решили, что мы как никто другой подходим им, поскольку наша скорость развития ближе к их скорости, чем у любого другого вида в галактике.

- Кегля, - обратился я к нашему новому собеседнику. – Ты следишь за разговором? Ты в курсе, кто такие Новички?

- Да и нет.

Я почесал затылок и посмотрел на Арлин, по лицу которой расползалась улыбка.

- Флай, ты задал два вопроса. Он ответил «да» на первый и «нет» - на второй.

- Кегля, есть ли на корабле кто-то еще кроме людей?

- Да. Два вида.

- Один из них, - сказала Арлин, - это пара двуногих близнецов с короткими ногами и острыми головами?

- Да. Другие зовут их клэвийцами.

- Сэарс и Робак, - кивнула моя подруга.

Я облизал пересохшие губы.

- Можешь описать представителей третьего вида?

- Нет.

- Называй их Новичками. Где они сейчас?

- На корабле.

- Где именно на корабле?

- Везде.

Я огляделся. В животе возникло ощущение, будто я на полной скорости гнал вниз на американских горках.

- Везде – что это значит? И в этой комнате?

- Да.

- И в тебе?

- Да.

Я обдумал его слова. Мне очень не хотелось задавать следующий вопрос, но узнать ответ на него было важнее, чем идти на поводу у собственной брезгливости.

- А в нас с Арлин?

Небольшая пауза.

- Не похоже. Не могу сказать точно.

Я с облегчением выдохнул, только в тот момент осознав, что от напряжения даже дыхание задержал.

- А в других людях? – спросила Арлин.

- Да, - равнодушно ответил Кегля.

- Микроскопические? – предположил я.

- Да, но назвать точный размер невозможно без исследования и препарирования.

Я сел на пол рядом с шаром.

- Быстро же они эволюционируют, черт возьми.

Это был тот самый момент, когда мне нечего сказать, но надо было произнести хоть что-то.

- Они и в Кегле, - сказала Арлин. – Можем ли мы ему доверить?

- Ну, Новички пока не демонстрировали желание засекретить что-то или в чем-то нас обмануть. Все эти сообщения «неавторизованный пользователь», должно быть, остались еще с тех пор, когда люди не были заражены Новичками. К тому же, не думаю, что у нас есть выбор.

Младший капрал села рядом со мной, вытянув ноги и расслабив сухожилия в коленях и лодыжках.

- Еще вопросик, Флай. Как мы можем кого-то здесь исследовать, чтобы найти этих Новичков?

Я посмотрел на нее с серьезным выражением лица.

- Почему бы нам просто не спросить разрешения?

- Шутить изволите, сержант.

- У тебя есть план получше? «Прошу прощения, надкапитан, мне жутко нравятся нашивки на вашей форме. Не могли бы вы лечь под этот микроскоп, чтобы я могла подробнее их рассмотреть?»

Арлин долго размышляла, но так и не придумала, как можно убедительно соврать и исследовать члена экипажа под микроскопом, не раскрывая карты. Три часа спустя мы решили следовать моему плану.

- Кегля, ты можешь получить доступ к коммуникационной системе корабля? – спросил я.

- К системе субкронального общения. Да, могу.

- Арлин, какое сообщение мы отправим надкапитану, чтобы он пришел сюда? Не хочу, чтобы он сразу узнал про Кеглю и догадался, что помогает нам.

Интересный вопрос. Действительно, зачем ему помогать нам?

Девушка задумалась на секунду, затем наклонилась вперед. Ткань ее формы натянулась под весом груди. В голову полезли мысли совсем не военного характера. Давненько я не был с женщиной. Я отвел взгляд, чтобы прогнать назойливые картинки собственного воображения или хотя бы представлять в них кого-то менее привлекательного – Мидж Гэррадон, например, или Джейн Мэнсфилд.

- Скажи ему отправить сообщение о побеге заключенных. Если эти ребята и вправду эволюционируют так быстро, как нам кажется, они понятия не имеют, какие именно тут стоят системы охраны.

- Выполняй, Кегля, - скомандовал я.

Через три минуты одиннадцать секунд надкапитан с двумя охранниками вломились в камеру со странными пушками наперевес. У них челюсти на пол попадали, когда они увидели, как я раскладываю пасьянс, сидя на полу, а Арлин как бы спит на кушетке.

- Что здесь происходит?! – заорал Токугавита.

- Вы о чем?

- О побеге!

- О каком побеге?

Внутри надкапитана словно щелкнул переключатель, и он мгновенно успокоился. Теперь мы знали, почему: контроль над его сознанием взяли Новички.

- Системы охраны сообщили, что заключенные сбежали.

- Когда сбежали?

- Вижу, системы охраны ошиблись. Возвращаюсь на отдых.

- А зачем?

- Что «зачем»?

- Зачем вам возвращаться на отдых? – спросил я. – Оставайтесь, поболтаем, раз уж вы разбудили Арлин.

По моему сигналу Арлин открыла глаза и шевельнула руками. Девушка села на кровати и зевнула – да так заразительно, что я зевнул следом, хоть и знал, что это все не взаправду. Когда кто-то зевает, это всегда заразительно.

Надкапитан Токугавита застыл на мгновение, его карие глаза смотрели то на меня, то на Арлин. Я с облегчением отметил, что он ни разу не задержал взгляд на Кегле, даже не замечал его.

- Останусь, - решил наконец Токугавита.

Арлин продолжала играть свою роль.

- Только горилл этих прогоните отсюда. У меня от них мурашки по коже.

Токугавита нахмурился и опустил голову, очевидно, не понимая значение слова «мурашки». Арлин

подождала немного. Когда стало понятно, что он не отправит охрану восвояси, она предприняла еще одну попытку:

- Они постоянно смотрят на меня, ну, знаете, таким похотливым взглядом. Мне надо раздеться, чтобы... э-э... рубашку постирать, и я не хочу, чтобы они видели меня голой.

- Это из области личной жизни и личного пространства, - объяснил я.

- А, вот оно что, - кивнул надкапитан. – Личное пространство.

С тех пор, как индивидуализм стал их фетишем, они отлично понимали суть личного пространства. Токугавита махнул рукой, и две обезьянки удалились.

Вообще-то, они ушли не сразу. Сначала они склонились друг к другу и о чем-то шептались – очевидно, решали, стоит ли подчиняться приказу и уходить. Счастье, что они были не в моем взводе. Мы бы и пяти минут не продержались в Кефиристане, если бы Марвин или Дак совещались, прежде чем решить, стоит ли исполнять то, что приказал сержант. В конце концов мордовороты решили подчиниться. Уходя, они постоянно оглядывались, видимо, не теряя надежды увидеть голую женщину. Как только дверь за ними закрылась, Арлин разделась до пояса и стала стирать рубашку в раковине. Я был всеми руками и ногами за, даже если бы в этом не было необходимости. Как мы и ожидали, даже когда Токугавита говорил со мной, три четверти времени все его внимание было сосредоточено на прекрасной рыжей голове и голой груди, что позволило мне творить что угодно за его спиной. Сам я много раз видел Арлин, когда на ней было еще меньше одежды, так что я был способен сосредоточиться на предстоящей драке.

Времени ушло больше, чем ожидалось. Я сгрел Токугавиту в захват со спины, но мелкий засранец парировал приемом, в котором я распознал классическое дзюдо, и выскользнул. Мне удалось заехать ему ладонью по колену, и он плюхнулся на пол, в ужасе крича, что не хочет умирать. Орал он как грешник, который только что осознал, что смерть значит для него вечное заточение в Аду.

Арлин надела предплечьем ему на горло и заглушила крик прежде, чем его услышал кто-то за пределами каюты. В ответ ублюдок навалился на нее всем своим весом. Они упали: Арлин – на пол, надкапитан – на Арлин. Затем он размахнулся и заехал ногой мне прямо по шарам.

Боль была ужасная – намного хуже, чем когда меня подстрелили в пустыне. Но первое, чему учат всех морпехов – добиваться своей цели любым способом и несмотря ни на какую боль. Лучше чувствовать боль живым, чем умереть и не ощущать вообще ничего. Я стиснул зубы и каким-то образом вытеснил из головы мысли о боли.

Как этот парень может так хорошо драться, если он напуган до чертиков? Надкапитан оказался невероятно быстр и силен. Должно быть, они так часто ощущали нечто подобное, что научились жить с этим страхом.

Я поймал одну его ногу, упустив из вида другую. А вот его нога меня из вида не упустила. Токугавита пнул меня коленом, заехав чуть ниже левого глаза. Богом клянусь, в тот момент я четко видел звездочки вокруг своей головы. Кажется, этот прием уже из кикбоксинга. Да парень просто машина для сражений!

Тем временем недостаток кислорода давал о себе знать. Надкапитан был полностью сосредоточен на мне, пиная меня по лицу и по яйцам, и у него не было ни времени, ни сил высвободиться из захвата Арлин. Сейчас, синея потихоньку, он схватился обоими руками за ее запястье и пытался отогнуть его, но девушка сцепила руки в замок и держала так крепко, как могла. Пока они танцевали свою павану¹⁰, я поймал вторую ногу Токугавиты и навалился на него сверху. На Арлин теперь давили своим весом мы оба. Думаю, при других обстоятельствах ей было бы приятно лежать голой, когда сверху пыхтят два здоровенных мужика. Я схватил надкапитана за руки, оттаскивая их от запястья Арлин, и схватка была окончена. Полторы минуты спустя Арлин заключила, что Токугавита отрубился по-настоящему, а не просто притворяется, и отпустила его.

Я осмотрел тело. Надкапитан снова дышал, синева исчезала с его лица. Я немного волновался, ведь иногда при удушающем захвате можно ненароком сломать шею. Неудивительно, что он так испугался. Вытащив шнурки из своих ботинок, я связал ему руки и ноги. Мы думали вставить ему кляп, но раз на его крики ужаса не прибежал никто из команды, они либо были глухие, либо им было наплевать. Затем

мы подождали, пока он придет в себя. Самое время схватить его за хвост и выяснить, как много ему на самом деле известно про пришельцев, которых они преследовали, а потом даже схватили – как схватывают вирус гриппа или что-то подобное.

12

- Кегля, какой у тебя сенсорный аппарат? – спросил я. - Ты можешь провести микроскопическое исследование надкапитана Токугавиты?

- Не могу, - ответила светящаяся зеленая сфера.

- Вот дерьмо, - проворчала Арлин. – Ладно, бесполезный мяч для боулинга. Где здесь ближайшая лаборатория с микроскопом?

В воздухе между нами возникла трехмерная голограмма. Наша каюта была подсвечена красным, на нее указывала стрелка с надписью «Сейчас здесь». В паре сотен метров впереди и на один уровень ниже подсветилось еще одно помещение – на этот раз зеленым. Кратчайший путь между двумя пунктами был обозначен кирпично-желтой линией.

Арлин постаралась поднять надкапитана, но у нее это вышло не лучше, чем у меня. Токугавита начал стонать, еще не придя в себя до конца, пока я направлялся к двери. Она была открыта! Что и говорить, самоуверенности надкапитану не занимать. Он наверное и подумать не мог, что мы сможем скрутить его. А может, из-за своей священной индивидуальности не мог допустить мысли о том, что мы с Арлин можем скооперироваться и напасть вдвоем. Каждому из нас по отдельности он легко надрал бы зад.

Закрыв дверь, я вернулся и обыскал Токугавиту. В небольшой кобуре на его сапоге я нашел нечто, подозрительно похожее на оружие. Кегля объяснил мне, как им пользоваться. Электрический разряд, порождаемый этой малышкой, мог вырубить человека на несколько минут.

- Арлин, - оправдывался я. – Просто не могу заставить себя причинять вред этим людям – теперь, когда знаю, что все мы по одну сторону баррикад в Войне Галактических Школ Критицизма.

- Понимаю, сержант, - девушка убрала локон мокрых волос с лица. Намокая, они становились цвета ржавчины.

- Хотела бы я, чтобы у нас были бластеры или что-то вроде них. Начинаю скучать по дому. Я хочу... хочу увидеть...

- ...где жил Альберт и как он ушел?

Девушка улыбнулась и кивнула.

- Есть у меня одна идея, Арлин...

Я повернулся к шару.

- Есть ли в твоей базе данных какие-либо записи о жизни Альберта Галлатина?

- Кое-что есть, - ответил он. – Полагаю, это тот самый Альберт Галлатин, который сопровождал вас на задании. После ранения на базе Фредов он вернулся на Землю. Два года служил в Корпусе морпехов, пока тот не расформировали из-за появления Земных Демократических Сил. Безупречная служба. Повышен до командора-сержанта. Получил звание героя Объединенного Земного Государства.

- Вот блин, - пробормотал я. – С такими наградами я бы и сам ушел из морской пехоты.

Арлин что-то пробурчала. Ее больше интересовала информация Кегли, чем мои как бы остроумные комментарии.

- Большая часть земных массивов была все еще под контролем Фредов. Они запретили образование, литературу, технологическое развитие. Умные люди стали вне закона. Галлатин посещал школу для бедняков, изучал биофизику. Особенно интересовался криогенной физикой. Разработал технологию для заморозки всех жизненных процессов на долгое время. Последние тридцать восемь лет прожил в Солт-Лейк-Грэд, проводя исследования в области состояния стазиса.

- Бог мой, - выдохнула Арлин. – Он пытался найти способ дожидаться меня!

У меня мурашки пробежали по спине. Жутковато слышать, как человек безрезультатно потратил всю свою жизнь на исследования, чтобы в конце концов заморозить себя на века и дожидаться возвращения любимой. Вот уж воистину любовь, которая не умрет, пока сами звезды не погаснут. Даже если бы шар для боулинга сообщил, что Альберт до сих пор жив, я не поверил бы в пользу от таких исследований.

- Галлатин внес существенный вклад в исследование состояния стазиса, опубликовал первую статью с

описанием гипотетического процесса на нейронной ткани. Вручение ему Нобелевской премии транслировалось по скрытону – тайной зашифрованной сети передачи данных, разработанной Альбертом и еще шестью учеными, которой пользовались исследователи, инженеры, военные, политические лидеры и миллионы других людей. Для справки: Фреды не раз пытались уничтожить скрытонет. Сорок семь лет не прекращались их попытки, пока они не проиграли войну и не улетели восвояси. Их неспособность обрушить весь скрытонет, очевидно, сыграла человечеству на руку в деле выпроваживания нежелательных гостей.

- Вперед, Альберт! – прошептала Арлин, закрыв глаза. Словно битва за Землю шла до сих пор, а не стала достоянием истории. По ее щеке прокатилась слезинка. Я отвел взгляд в небольшом смущении.

- Галлатин Альберт опубликовал двадцать статей в скрытосети с описаниями стазис-системы. Скончался на сто тридцать втором году жизни, тридцать первом году в ВНО, в Солт Лейк Грэд. Похоронен в Храме Народной Веры Церкви Иисуса Христа Святых последних дней¹¹.

- ВНО? – переспросил я.

- Всемирное народное освобождение, - ответил Токугавита. Мы подскочили от неожиданности. Надкапитан пришел в себя, пока мы слушали историю жизни Альберта, и никто из нас этого не заметил.

- Мог бы и сам вам рассказать про Галлатина, - продолжил Токугавита. – Мы все про него знаем. Учился в школе. Народный герой. Его тело выставлено в Зале славы героев.

- Мы слышали, его наградили.

- А потом он умер, - вздохнула Арлин. Она села на кушетку, положила руки на колени и склонила голову. Я сделал то же самое, не спуская глаз с Токугавиты. Ровно через минуту (еще одна способность, которой мы научились на Пэррис-Айленд – точные внутренние часы) девушка встала, глаза ее излучали решительность. Она выглядела расстроенной, но сейчас уже могла совладать с собой. Узнать, что Альберт мертв – серьезный удар... но по крайней мере, теперь она знала точно. Никаких больше догадок и предположений.

- Галлатин Альберт мертв, - согласился Кегля. – Смерть констатировала Лавлейс Джилл, на тридцать первом году в ВНО.

- А когда появились прототипы стазис-систем? – спросила Арлин.

- Первый прототип сконструирован на тридцать седьмом году существования ВНО.

Арлин посмотрела на меня, ее лицо покрыла маска гнева и отчаяния. Шесть лет! Шесть лет, и он смог бы заморозить себя еще лет на тринадцать – до тех пор, пока технология разовьется в достаточной степени. Я снова не знал, что сказать, поэтому сказал первое, что пришло на ум.

- Черт возьми. Судьба умеет иронизировать.

Арлин позволила себе расслабиться, и на ее лице отразились все те чувства, которые она испытывала к Альберту: интрига, гнев, сексуальное влечение, любовь, забота, раздражение и снова любовь – это чувство осталось, когда ушли все другие. Девушка встала, покачиваясь.

- Я хочу вернуться, - произнесла она. – Положить цветок на его могилу. Флай, ты ведь учился в церковной школе. Ты можешь прочитать молитву или провести какую-нибудь службу, чтобы благословить его душу и не дать ей провести вечность в духовной Окинаве?

Под Окинавой мы подразумевали эдакий ад для морпехов. Я обнажил зубы, но это была не улыбка, а скорее оскал.

- Ты тревожишь мои личные страхи, АС. Если у землян больше нет веры, могут ли там вообще существовать священники? Как мне теперь исповедоваться?

Я вовремя заткнулся. Не хотелось произносить вслух ту ужасную правду, которую я только что осознал: мне не суждено исповедаться перед смертью. Если кто и отправится в ад, так это я – католик, который умер, не замолив свои грехи.

- Вставай, сопляк, - я дернул Токугавиту за ногу. – Давай посмотрим, что за микробов ты недавно подцепил.

Я открыл дверь и выскользнул наружу, надкапитан проследовал за мной. Арлин замыкала группу, удерживая его за рубашку и мягко намекая, что может в любой момент сломать ему позвоночник, если

он хоть на шаг от нее отойдет.

Не успел я начать сожалеть о том, что пришлось покинуть Кеглю, и надеяться, что он никуда не денется, когда мы вернемся, как почувствовал глухой удар о лодыжку. Я опустил голову и увидел наш светящийся шар для боулинга. Он весело катился рядом, падал со ступенек и подскакивал точно как настоящий мяч. Я улыбнулся. Зрелище было слишком смешное, чтобы я мог сохранить серьезное выражение лица.

Мы прошли больше двухсот метров по коридорам. Как только мы начинали ощущать, что заблудились (не то, чтобы отряды морской пехоты когда-либо теряли ориентацию в пространстве, но все же), Кегля проектировал карту прямо в воздухе. Одному Богу известно, как он это делал. Технологии опережали нас на двести лет, и я понятия не имел, как эти голограммы проецируются.

Мы вошли в долгий узкий коридор, похожий на трубу. Когда мы преодолели половину этой кишки, прямо перед нами возник кто-то из экипажа. Я уже занес руку, чтобы от души ему врезать или даже отправить на тот свет, как вдруг до меня дошло, что он даже не смотрит на нас. Он стоял спиной к нам, напевая какой-то совершенно немелодичный ритм, копаясь в микросхемах и совершенно не обращая на нас внимания. Это хорошо. Никогда не видел никого здоровее, чем этот двухметровый бугай весом в полтора центнера, с длинными светлыми волосами, свисающими чуть ли не до задницы. Его униформа блестела на свету, что придавало ему сходства с мексиканским матадором. Даже на шляпе его были те же две шишки по сторонам. Я не смог сдержаться и крикнул «ole!»[#«Браво!» (мекс.).], когда мы проходили мимо, но он ничего не ответил.

Пройдя коридор-кишку почти до конца, мы не заметили под ногами открытый люк и полетели в зияющую пустоту. Я грузно плюхнулся вниз, и мои ноги заскользили по разлитому по полу маслу. Знать не знаю, откуда оно тут взялось. Я поковылял вперед. Кегля катился рядом, освещая мне дорогу. Он весь вымазался в масле, но, похоже, его это не беспокоило. Я с сожалением вспомнил о своем снаряжении – там у меня был отличный фонарик, который светил чуть ярче, чем Кегля сейчас. Я шел по коридору, стараясь не размахивать руками, чтобы не упасть и не раскроить себе череп. Лишь однажды я споткнулся о соединительный шов двух металлических пластин. За спиной слышались ругательства Арлин вперемешку с молитвами. Она ужасно видит в темноте. Как бы трудно ни было пробираться наощупь мне, ей было труднее.

Тусклый красный свет засиял перед моими глазами. Я пригнулся, чтобы ни на что не наткнуться, и двинулся вперед, как локомотив состава из двух вагонов. Через какое-то время мне стало понятно, что свет шел из-за угла. Я скользнул вправо и столкнулся нос к носу с еще одним членом экипажа. На этот раз нам повезло меньше – он оказался одним из двух охранников, с которыми к нам явился Токугавита. Вот такие вот мы везунчики.

Надкапитан оказался на редкость быстрым засранцем. Он молниеносно соображал и чертовски быстро передвигался. Того, кто возник перед нами, мы с ним заметили одновременно, но вместо того, чтобы вытаращиться на него тупым взглядом, Токугавита врезал мне по почкам и толкнул в спину.

К счастью, охранник оказался тупым имбецилом. Новички его в тот момент не контролировали. Дай я ему секунд пять, и до него дошло бы, в чем дело, но у меня не было настроения поддаваться.

Я выставил вперед ногу, чтобы не упасть на живот, и повалился на надкапитана. Под моим весом Токугавита свалился на спину, и между мной и охранником появилось десять метров пространства.

Тот наконец проснулся и попытался взять контроль над ситуацией, но было уже слишком поздно. Я вскинул свое оружие и спустил курок. Раздался треск. Охранник закричал «кто!» или что-то в этом роде и упал на колени, не пробежав и половину расстояния до меня. Он завалился набок и затрясся в конвульсиях. Глаза его закатились, и я видел только белки, пронизанные пульсирующей красной сеткой сосудов.

- Вперед, - бросил я, переступая через охранника.

Арлин отвесила паникующему Токугавите злобного пинка и врезала ему пару раз в живот, чтобы преподать урок. Я был спарринг-партнером на тренировках по боксу в роте Фокс, которые проводились дважды в месяц, и сейчас мог буквально почувствовать, каково надкапитану.

Мы спускались по последнему лестничному пролету, когда Кегле зачем-то приспичило свалить люк прямо мне на ногу. Я сжал зубы, стараясь не орать от боли, и не расслаблял их, пока не смог идти дальше. После этого я заковылял по лестнице вниз, ведя за собой пленника. Лаборатория была заперта

на электронный замок, но еще один залп из электрошокера решил эту проблему. Мы зашли внутрь и окинули взглядом нагромождение механизмов и электронных приборов, надеясь, что наш спутник-компьютер знает, что делать.

Он не знал. Мы водрузили Токугавиту на диагностический стол, после чего его интерес к тому, что мы собираемся делать, резко возрос. Я держал его, не давая ему вырываться. В голове непроизвольно возникло видение, как тучи микроскопических Новичков покрывают его тело, мои руки, залетают в рот, покрывают легкие... Я вздрогнул, но хватку не ослабил.

Арлин прошлась по комнате, изучая подписи на машинах.

- ОПЖ. Основные показатели жизнедеятельности. Не то... АвтоХирург, Лазер, КлэйвДел... смотри, Флай. Может, эта штука может разделить пару из двух клэйвийцев?

- Без понятия, Арлин. Давай читать эти долбаные подписи дальше. Где-то здесь должна быть мини-лаборатория для микробиологических исследований.

- МикроЛаб? – спросил надкапитан. Я так долго думал о нем исключительно как о пленнике, что и думать забыл, что перед нами живой человек со своими беспокойствами.

- Подхватил что-то? Болен? – в его голосе сквозил страх. Он дернулся, пытаясь освободиться из моей хватки.

- Кажется, ты подцепил кое-какую инфекцию, – уклончиво ответил я. Слишком много волнения в голосе. Токугавита побледнел, запаниковал и стал вырываться с удвоенной силой. Я навалился на него всем своим весом, буквально вдавливая его в мягкий диагностический стол.

- Да не дергайся ты! Или хочешь, чтобы я тебе подзатыльников отвесил, от которых ты вырубись нахрен? Я могу, если что.

Распознав угрозу в моем голосе, он мгновенно успокоился, но я все еще мог чувствовать бешеный ритм его сердца.

- Я умру? Умру? Умру?

- Эта инфекция не смертельна, – проворчал я. – Вы охотились за Новичками – пришельцами, которые разгромили Фредов. Мы полагаем, именно туда они и отправились.

- Куда? Как?

- ВанКлиберн, ЭлектроСтим, – читала Арлин. – ПолуТранс, ПолуРавн, ПолуПоз.

- Пришельцы, которые развиваются с невероятной скоростью. Мы думаем, что они эволюционировали в микроорганизмы и проникли во всех вас. Вот почему временами вы проявляете чудеса изобретательности, вот как вы построили этот корабль и... и много чего еще.

- На мне? – надкапитан оглядел себя. Мускулы его тела дрожали от напряжения. Понятия не имею, чего он ожидал увидеть. Если бы Новички были видны невооруженным глазом, их бы давно заметили.

- Нам нужно проверить тебя на... как ты там сказал?

- МикроЛаб там, – Токугавита указал на последний прибор в ряду, окружающем стол.

- Арлин! – крикнул я, указывая туда же. В следующую секунду она уже была там.

- МикроЛаб/МолекуЛаб... То что нужно, Флай!

- Тащи сюда. Току, как эта штука работает? Мы хотим осмотреть тебя и выяснить, сидят ли в тебе Новички.

Надкапитан заерзал.

- Ну давай, вспоминай уже! Можешь сам взять образец, если так боишься.

- Арлин?

Она заскрежетала зубами от досады.

- Блин, Флай, это ты должен был говорить. У кого из нас, в конце концов, три полоски на погонах? Честно говоря, я и к Фредам не относилась бы с таким недоверием.

Я не спеша ослабил хватку. Токугавита сел на столе и посмотрел, не собираюсь ли я снова его скрутить. Я не двинулся. Надкапитан слез со стола, но его ноги настолько ослабли, что он не устоял и рухнул на пол. Затем он не без труда поднялся и посмотрел на МикроЛаб, который протянула ему Арлин. Он уставился на ряды кнопок, очевидно не зная, как это работает.

- Ты врач? – спросил я. Надкапитан покачал головой. Его бледная рука металась от одной кнопки на сенсорном экране к другой, пока наконец не остановилась над кнопкой с подписью «Образец».

Он засунул руку в маленький проем, напоминающий отверстие кофе-машины, из которой льется

напиток. Сверкнула вспышка, и он судорожно выхватил руку. На пальце зияла небольшая зарубка, которая кровоточила потом еще несколько минут.

- Вы можете как-то проецировать изображение, чтобы и мы могли его увидеть? – спросила Арлин. Токугавита уставился на нее в недоумении. Кажется, рана на руке интересовала его куда больше. Может, он боялся, что истечет кровью и умрет.

Все это выглядело так странно. Они сходят с ума от страха при малейшей опасности. Не только надкапитан – Хосепаз вел себя похожим образом, когда я приставил нож к его горлу, даже те клоуны за ужином пришли в ужас от оброненного ножа. Но когда им становится понятно, что травма не смертельна, весь страх моментально испаряется. Я мог найти этому только одно объяснение: они верят, что не существует ничего кроме материального мира, а смерть – это конец всему. Нет ни душ, ни призраков, ни духовных сообществ. Может, именно поэтому они были такими конченными индивидуалистами. Если не существует ничего кроме них самих, с чего бы им объединяться в общество? Такая аномия – недостаток моральных качеств, веры – вела прямиком к их нелепому атомизму. Если никто не верит даже в выживание собственного вида, почему бы каждому человеку не быть самому по себе? За борт всех женщин и детей, я сам поплыву в спасательной шлюпке!

У меня возникла идея. Возможно, Новички каким-то образом воздействуют на экипаж, внушая им мысль, что раз уж мы единственная раса в галактике, представители которой умирают навсегда, смерти нужно бояться больше всего на свете. Новички так опасались людей, которые во что-то верят, что превратили их страх смерти в своеобразную вакцину от смелости. Может, у нас с Арлин был иммунитет к ней? Я потряс головой – незачем лезть в эти мысленные дебри.

Наклонившись над прибором, я взглянул на экран, который одновременно был и сенсорной панелью. Напоминает игровой автомат. Большинство кнопок были подписаны каким-то бессмысленным набором букв, но в левом нижнем углу выделялась оранжевая кнопка с подписью «Вид». Я нажал ее наугад.

Перед нашими глазами внезапно появился ломоть сыра. Я отскочил назад и только потом понял, что это трехмерная проекция пробы, взятой у Токугавиты, увеличенная в тысячи раз. Кнопка чуть ниже оранжевой была подписана «+ Увл -». Я нажал на «+», и кусок сыра на проекции увеличился. Его внешние грани пропали, размер самой проекции не изменился. Трехмерную модель явно можно было как-то вращать, но я понятия не имел, как именно.

Кнопку «+» я не отпускал, и через какое-то время масштаб уменьшился настолько, что мы смогли разглядеть крошечные точки отдельных клеток тела. Когда он стал еще меньше, мы разглядели еще более мелких созданий на них. Разумеется, все тело надкапитана было покрыто бактериями, но мы искали среди них что-то, что выглядело бы необычно. Безрезультатно. Может, Новички эволюционировали в микробов, которые внешне ничем не отличаются от остальных?

Еще несколько минут я стоял как дурак, пялясь в экран и не отпуская кнопку уменьшения масштаба. В конце концов я смог разглядеть отдельные хромосомы, но по-прежнему не видел ничего странного. Мы зарывались все глубже и глубже, как на том аттракционе, который был в калифорнийском Диснейленде во времена моего детства. В конце концов я увидел двойные спирали – ДНК, РНК или что-то вроде того.

- Почему они такие темные?

- От таких маленьких объектов, - ответила Арлин, - видимый спектр световых волн уже не отражается. При работе с отдельными атомами ученые выстреливают в них электронами и наблюдают за их траекторией. Никаким другим способом мы не можем изучать взаимодействие объектов на уровне ангстремов¹².

- О. Ну конечно.

На самом деле я понятия не имел, что она только что сказала, но понял одну важную деталь: прибор не сломан, он работает как положено. По законам физики, лучшее изображение невозможно в принципе. Когда я увеличил изображение настолько, что смог разглядеть отдельные нити ДНК, я наконец нашел то, что искал: нашим глазами предстала целая серия сложных кольцеобразных тройных спиралей. Вне всяких сомнений, обычной человеческой ДНК это не свойственно.

У меня во рту пересохло, когда мы разглядели Новичков. Вот они где окопались. Не совсем микроскопического размера, но не больше молекулы.

Эти крошечные создания контролировали мысли и поступки надкапитана всякий раз, когда их решения не совпадали с его личными. И как, черт возьми, нам сражаться с теми, кто спокойно пролетит сквозь любую пулю, варьируя между молекулами?

Эта мысль внушала мне трепет, но я был слишком увлечен, чтобы испугаться.

13

Если заглянуть в словарь, напротив слова «ошалевший» вы найдете фотографию надкапитана Токугавиты. Такого потрясения на лице я не видел ни у кого из других шестерых членов экипажа, которых знал. Но ровно через десять секунд все его потрясение в один миг испарилось, и на смену ему пришел этот невыносимый стиль интеллектуала. Тогда до меня дошло, что Новички снова захватили над ним контроль.

В этот раз мы с Арлин были готовы, схватив его за кисти и навалившись сверху. Наш вес и импровизированные наручники лишили его возможности шевелиться. Самое время для небольшого допроса.

- Как тебя зовут? – спросил я.

Он – или, вернее сказать, они – быстро оглядел меня с головы до ног. Должно быть, крохотные организмы в его ДНК прикидывали, как много мы знаем.

- Мы – реаниматоры.

- Почему...

- Потому что мы возвращаем мертвых к жизни.

- Как много вы...

- Почти всю долговременную словесную память. Над ассоциативной памятью и фантазией контроля нет.

Я вскинул руку.

- Стоп! Дайте мне закончить вопрос, прежде чем отвечать. Так Арлин сможет следить за разговором.

- Дай знать, как договоришь.

- Я кивну. Не возражаете, если мы будем задавать вопросы, а вы – отвечать?

Молчание. Тогда я вспомнил, что надо кивнуть.

- Неважно, каким способом обмениваться информацией.

Стиль речи сильно отличался от надкапитанского. Токугавита хоть иногда использовал местоимения и подробнее объяснял суть. Я был на сто процентов уверен, что перед нами совершенно другая личность. Ну, хорошо, может, на девяносто девять процентов. Он даже внешне изменился: с лица исчезли все эмоции, ушла суетливость и обрывочность речи. Может у Новичков - Реаниматоров и были эмоции, но они выражали их настолько необычным способом, что мы просто не могли их распознать.

- Как нам вас звать?

- Реаниматоры.

Арлин фыркнула, и я без труда перевел на человеческий: еще один долбанный коллективный разум! Понятия не имею, что ее так взбесило. Однажды мы уже допрашивали Новичка. Я задал ему – им – еще пару безобидных вопросов, чтобы усыпить их бдительность, после чего внезапно сменил тему разговора:

- А почему вы не забрались в нас с Арлин?

Я кивнул, но ответа так и не последовало. Я занервничал. На лице надкапитана не появилось никаких эмоций, не изменился ритм дыхания, сердцебиения, но я понял, что задал вопрос, который расстроил и озадачил Реаниматоров. Тогда до меня дошло, почему они с таким усердием расспрашивали нас про нашу веру. Это каким-то образом мешало им нас инфицировать.

Очевидно, Арлин мыслила в том же направлении.

- Так у нас иммунитет! – воскликнула она с улыбкой победителя. – Вы не можете нами управлять, не так ли?

- В данный момент не можем ничего сказать.

Теперь, когда мы раскрыли их, Новички перестали даже пытаться маскироваться под выходца из

Земного Государства Людей.

- Ну конечно не можете, - произнес я, наклонившись к самому лицу Токугавиты. – Вы умнее нас. Достаточно умны, чтобы понимать: нас враньем не убедить. Достаточно умны, чтобы понимать, насколько мы опасны. Поэтому и не хотите отвечать дальше.

Маска бесстрастия внезапно слетела с лица надкапитана. Через десять – пятнадцать секунд он снова пришел в себя, словно его мозг только что перезагрузили. Он удивленно моргнул и сказал, что не помнит ни слова из сказанного чуть ранее.

А вот наше любопытное открытие он помнил отлично. Надкапитан уселся на диагностический стол, обхватив руками колени и уронив на них голову.

- Что делать? Не хочу быть зараженным.

- Правда не хочешь? Ты можешь сделать только одно – присоединяйся к нам в борьбе против них.

- Но победить невозможно! Слишком умны, используют наш собственный разум против нас самих!

- Току, я могу помочь тебе избавиться от них. Если конечно ты достаточно сильно этого хочешь.

Он посмотрел на меня полным надежды взглядом. Щеки его порозовели. Он дышал ртом, снова и снова облизывая пересохшие губы.

- Хочу... хочу больше... больше всего на свете. Что должен сделать?

- Ты веришь, что я могу избавить тебя от этих адских микроорганизмов?

- Верю.

- Ты веришь, что я могу сохранить твоё тело и душу?

- Да, да, верю!

Я схватил его за синие лацканы формы, бесцеремонно стащил со стола и швырнул на пол. Вся его смелость исчезла, когда он увидел гнев на моем лице. Еще бы – я ведь мог убить его, неаккуратно швырнув на пол.

- Току, если ты мне веришь, тогда поверь и во Всевышнего. Обрети веру, позволь моей вере омыть тебя, словно крови невинных ягнят! Открой мне свою душу! Открой ее и обрети веру в духовное, в то, что свято для тебя... и верь, верь в это!

Я придавал своим словам все больше и больше драматизма, стараясь имитировать речь политиков, которые руководили моей страной, когда я был ребенком, и пытались отвадить всех католиков от того, что называли «вавилонской блудницей».

Я сгорал от чувства вины. Глубоко внутри я осознавал, что совершаю ужасный грех. Но другого выхода не было. По крайней мере, мы его не нашли. Пока я обливался потом, Арлин стояла позади и отвечала когда нужно.

Как по мне, мы отыграли свои роли не лучшим образом. В моей речи не было столько пафоса, сколько я слышал в Церкви Марии и Марты, где провел долгих четыре года старшей школы под покровительством сестры Лукреции. Но в том мире, откуда пришел Токугавита, люди не умели сопротивляться призывам к вере. Надкапитан прозрел. Мы пробудили в нем веру быстрее, чем отец Бартоломео, глава церкви и вышестоящий начальник сестры Лукреции (если вообще можно употреблять слово «начальник» по отношению к церковным титулам), сумел убедить всех нас, тогда еще детей, в том, что ад вечен и нам никуда от него не деться. Глаза Токугавиты вспыхнули верой в нас.

Этого было достаточно. Прервав поток его торжественных заверений в вечной верности нам с Арлин, мы засунули его ладонь в МикроЛаб и взяли еще один образец. Арлин нашла на панели кнопку быстрого уменьшения масштаба до молекулярного уровня. Все до единой маленькие круглые умные молекулы Новичков-Реаниматоров были мертвы.

Отлично. Мы только что доказали, что нет на свете ничего более заразного, чем вера. Токугавита куда-то умчался и через пятнадцать минут вернулся с двумя товарищами. Один из них был тот, кого мы уложили зарядом из электрошока. Преодолевая ментальный дискомфорт, я повторил свой пафосный акт излечения, на этот раз вложив в свои слова еще больше драматизма. Через сорок пять минут у нас было на две «очистившихся» души больше, которые дрались между собой за право быть моими апостолами.

Я постарался сразу положить этому конец. Есть некие границы, которые сержант Флинн Таггарт просто не может пересекать. Я убедил их в том, что их вера – вера в самих себя, и познать ее может

каждый, а сам я – всего лишь крикливый мальчик-проповедник с морпеховской стрижкой. Однако численность моей «паствы» росла со скоростью эпидемии. Не прошло и полдня, а мы «обратили» уже тридцать мужчин и двадцать женщин, и все они пришли к выводу, что я – тот самый парень, в которого им нужно верить. Ну е-мое!

Арлин только ухмылялась.

- Так ведь работает, Флай! Вера - лекарство для них, и неважно, в какую именно ересь они верят.

Женщин убедить было сложнее. Они были слишком логичны, слишком рациональны, чтобы поддаваться настроению толпы. Те немногие, кого удавалось убедить, верили нам, когда мы тыкали пальцем в сторону мужчины и говорили:

- Видишь? Это работает, черт возьми!

Вскоре в нашем распоряжении оказалось сорок четыре человека – целая маленькая армия, по численности не уступающая роте Фокс. Морпехами правда были только мы с Арлин, но это компенсировалось тем, что на этот раз никакие бездельники-офицеры не ставили нам палки в колеса. Наш Рой Грозных Мух¹³ был разящей молнией – нападал быстро, бил четко. Мы отвоевали треть кормовой палубы в недолгой, но, к сожалению, кровавой войне со смертоносными деконструктивистами. Я выстраивал бойцов в шахматном порядке. Первым делом они атаковали охранников в машинном отделении. Те даже не сопротивлялись – они были слишком ошеломлены тем, что их собственные товарищи отвоевывают их же территорию.

Наши парни сражались как демоны. Их страх смерти просто испарился! По крайней мере, поначалу. Впервые в своей убогой жизни радикальных материалистов, полной отчаяния от осознания собственной смертности, они поверили, что смерть – это не конец. Они обрели веру, которую дали им мы с Арлин.

Согласен, они верили не в тех людей. Мы не боги и не пророки. Но вера сама по себе вдохновляла их, защищала не только от Новичков, но и от мыслей о том, что вся их жизнь пуста и бесполезна. Можно деградировать сколько угодно, но отделаться от чувств так просто не получится. У них и за сотни лет не получилось. А сейчас... они снова стали нормальными людьми, сражаясь и убивая без колебаний.

Лишенные парализующего страха смерти, они с радостью бросались в бой. Энтузиазм делал их впятеро эффективнее в бою, но вместе с тем их было вдесятеро сложнее контролировать. Мы ведь так и не решили до конца проблему социального атомизма.

Когда оставшиеся в живых клоуны наконец собрались и попытались защитить два коридора, ведущих к реактивным двигателям, каждый из них сражался сам по себе. Словно неорганизованные орды варваров против римских легионов. Мы скосили их как спелую пшеницу. Мне было даже жаль, что все прошло так просто. Они понятия не имели, что такое стратегическая цель. Каждый из них продолжал сражаться так, словно он был один на всем поле битвы. Я лично застрелил двух мужчин азиатской внешности, которые стояли спиной к сборщику водорода и стреляли, даже не пытаясь помочь друг другу. Заставить себя выстрелить в женщину я не смог, но видел, как она упала под огнем Токугавиты. Отряд Арлин поднял решетки над люком доступа к системе охлаждения и пролез по охлаждающим трубам. Они проникли в машинное отделение, минуя охранников, а потом напали на них со спины и превратили несколько человек в начинку для гамбургеров. Я отвернулся, не желая смотреть, как Арлин разделяет солдата своим новеньким боевым ножом. Ее кровожадность не была для меня сюрпризом, но я был достаточно старомоден, чтобы зрелище женщины, покрытой кровью с головы до ног, казалось мне отвратительным. И неважно, чья это была кровь.

Раздался звук выстрела, и что-то тяжелое треснуло меня по голове. Я полетел вниз, поцеловав пол и крепко обняв пульт управления, затем не без его помощи поднялся – сначала на колени, потом на ноги. Комната перед глазами плыла. Больше всего в тот момент мне хотелось проблеяться, но я сохранил выдержку, даже когда почувствовал, как кровь стекает по моей щеке и капает на пол.

- Вперед! – прохрипел я. – Захватите отсеки контроля за топливом, сборщиком водорода и реактивными двигателями!

Мой помощник, худощавый молодой парнишка с огромными руками и ногами, повторил приказ невероятно громким голосом, и мне выпала возможность наблюдать, как мои войска (по крайней мере,

некоторые из них) прорвались к главным двигателям, потеряв по пути всего шестерых. После этого я снова вырубился, а пришел в себя в той же лечебнице, в которой очнулся после ранения на Зыбучих Холмах. Только на этот раз надкапитан салютовал мне и называл боссом.

Мы оказались в патовой ситуации: контроль над движками и энергосистемой мы захватили, а система навигации, управление оружием и кое-что «неразменное» до сих пор было под контролем Реаниматоров. Они отправили делегацию обсудить со мной условия, и я внезапно понял, что против моей воли солдаты нарекли меня «главным представителем людей» и наградили медалью.

Увы, наше положение было незавидным. Мы могли разогнать или затормозить корабль, но не управлять им. Если люди-Реаниматоры, или Реани-люди, не хотели, чтобы корабль вылетел за пределы системы, они могли направить его летать кругами. К тому же, у них был контроль над системой питания. Вероятно, где-то недалеко от машинного отделения находились датчики контроля за параметрами окружающей среды. Я снарядил Арлин и еще пару ребят найти их. Это был бы наш единственный козырь.

Делегация Реани-людей дежурила около двери, и в конце концов я приказал двум своим солдатам, Сузуки и Ямамаре, приоткрыть ее.

- Что вы предлагаете? – спросил я, высунув наружу голову и огромный ствол от пушки, напоминавшей дробовик, которую я снял с тела одного из вояк. За моей спиной одни солдаты перетаскивали тела на одну сторону в ожидании продолжительной осады, другие молились. Мне казалось, я расслышал фразы «молю тебя» и «не дай нам сгинуть». Преклоняли колени они по-прежнему передо мной, к радости Арлин.

Никто из Реани-людей не издал ни звука, пока я не вспомнил, что надо кивнуть. В этом крылся ответ на мой главный вопрос: все Реаниматоры – часть единого коллективного разума. Сказать что-то одному из них значит сказать всем сразу. Реаниматоры, заразившие Токугавиту, передали остальным мою просьбу не отвечать, пока я не закончу вопрос и не кивну головой.

- Если ты сдашься, - произнес солдат по имени Кришнакама, передавая их волю, - твои люди не будут убиты. Мы снова воскресим их.

Я пожал плечами.

- А если вы не сдадитесь, я весь корабль к чертям разнесу.

- Тогда ты и сам умрешь.

- Умру и отправлюсь в лучший из миров.

- Откуда ты знаешь? Ах да, это же часть вашей веры.

- Даже если лучшего мира нет, я умру с чувством выполненного долга. С мыслью о том, что прямо здесь и сейчас уничтожил группу Реаниматоров. Это уже немало стоит.

Арлин выглянула рядом со мной. Человек Без Имени повернулся к ней.

- А на какие условия согласна ты, младший капрал Арлин Эдит Сандерс?

Эдит? Я не знал, что у Арлин вообще есть второе имя, но Эдит? Стоит основательно поговорить с ней об этом, как будет время.

Она ничего не сказала – ни вслух, ни даже шепотом. Я пояснил:

- Все переговоры ведутся только со мной. Даже не пытайтесь обсуждать что-то и тем более заключать сделки напрямую с моими людьми. Иначе я просто из принципа взорву корабль.

Кришнакама и Человек Без Имени уставились друг на друга. В их взгляде не было ни намек на осмысленность, свойственную всем людям. Реаниматоры хорошенько их «исправили». На Кришнакаме был солидный сине-зеленый пиджак со светло-красной окантовкой, но все портили мудацкие шорты, едва достававшие до его голени. На его ботинках красовались серебряные кисточки, и, клянусь, в тот момент, как я их заметил, я невольно представил, как он делает реверанс. Одевание второго было более традиционно: форма цвета хаки, темно-оливковые штаны и коричневые ботинки без всяких кисточек. А вот голову украшала шляпа.

- У нас есть приспособление, над которым мы трудились много дней. Мы уверены, что оно тебя исправит. Может, ты и не подозреваешь об этом, но в твоей конструкции есть повреждения. Все существа в этой части галактики так или иначе повреждены.

- Э-э... простите, вы что, подумали, что мы не хотим исправляться только потому, что нам нравится быть сломанными?

- Нет.

В следующий момент я ощутил колющее чувство, словно напротив меня поставили генератор ван-дер-Граафа. Еще через мгновение я упал на колени под собственным весом – гравитация вдруг увеличилась во много раз! Я вскинул дробовик, который теперь весил килограмм двадцать, и выстрелил в Кришнакаму, прикончив его, но Человек Без Имени свалился на пол и откатился туда, где я не мог его увидеть.

Солдаты позади меня свалились на пол там, где и стояли. Арлин отшвырнула свою старую – добрую винтовку сорок пятого калибра, опустилась на колени и поползла, иногда падая на живот, к терминалу управления реактивными двигателями. Я выстрелил еще раз, когда Человек Без Имени появился в моем поле зрения, чтобы предотвратить его выстрел в мою сторону.

Их план стремительного нападения разбился о нас с Арлин. В отличие от прошлого раза, когда под контролем Реаниматоров было около дюжины человек, сейчас они переманили на свою сторону всех. Только те, в чьей жизни нашлось место вере и безумной надежде, не подверглись их влиянию – это были мои люди. Двое из них, должно быть, отчаялись через какое-то время, и Реаниматоры без труда их захватили. Нам пришлось застрелить несчастных, чтобы они не подрывали веру у остальных.

Врагов было слишком много, чтобы мы могли просто держаться от них подальше. Они прорвались через первую линию нашей обороны, и мы вынуждены были отступить к машинному отделению, корячась под действием невероятной силы тяжести. Абсурдное зрелище – десятки мужчин и женщин, ползущие по полу, стреляющие наугад и лишь иногда попадавшие в цель. Реаниматоры неумолимо отбрасывали нас все дальше и дальше назад.

Высокая гравитация, которую, очевидно, настроили на мостике, свела к нулю все наши преимущества в бою – скорость и опрометчивость. Ползая по полу при гравитации, в пять раз выше нормальной, солдаты быстро растеряли боевой дух.

Арлин все еще колдовала над контрольной панелью. В конце концов она прошептала в свой шейный микрофон:

- Флай, я перенаправила поток водорода. Теперь он идет по трубам, а не в реакционную камеру. Взрыв превратит корабль в пар. Ты уверен в своем решении, дорогой?

Ответить я не успел. Как только Арлин озвучила вопрос, погас свет и машинное отделение полностью обесточилось. Пока солдаты сражались в кромешной тьме, я схватил светящиеся трубки и раскидал их по отсеку. Слишком далеко их забросить не получилось, но вокруг стало чуть светлее.

В свете трубок я смог разглядеть ситуацию на поле боя, и она показалась мне почти безнадежной: Реани-люди могли перебить почти всех, просто потому что знали, что их дух выживет. Но я был уверен, что главная их цель – мы с Арлин. Вся эта чушь о том, что они нас «исправят» – не более чем пустая болтовня. На самом деле они хотели вскрыть наши черепа и исследовать мозги, чтобы понять, как мы не только оказались сами невосприимчивы к инопланетной заразе, но и смогли избавиться от нее столько народу всего за несколько часов.

Что я мог сказать им? Людям нужна минимальная суточная норма духовности и веры, наравне с витаминами, углеводами и белками. Их невероятный интеллект не был способен это понять. Даже спустя столетия мрачного материализма, социализма и разрушающего бега по кругу многие люди хотели поверить во что-то. Что-то, для чего не нужны доказательства, ради чего можно жить и погибнуть. Очевидная истина, аксиома, вера.

Даже когда мы проиграли Последнюю Битву Грозного Роя, я не терял надежды победить в войне. Теперь ее не осталось. Гравитация вернулась к норме, снова зажегся свет, и я смог увидеть, что происходит вокруг. Мои люди были разбросаны тут и там, но, к счастью, многим удалось выжить.

Реани-людям нужны были только мы с Арлин. У моей боевой подруги был шанс сбежать, но она решила остаться со мной и стрелять во все что движется. Дюжина Реани-людей навалилась на нас всей толпой. Нам скрутили руки, уложили на животы, и мы не могли видеть ничего кроме целого леса ног. Две пары из них мы узнали сразу – рядом с нами стояли Сэарс и Робак. Они пытались в чем-то убедить человека, на плечах которого красовались пришитые крест-накрест нашивки. Что это за звание такое? Вместо того чтобы что-то делать, я начал размышлять об этом. Возможно, сказалось действие того приспособления, о котором нас предупреждали.

Сэарс и Робак, казалось, теряют преимущество в споре. Парочка крупных Реани-людей притащила

пушку, похожую на огромную металлическую зубную щетку. Они направили ее на нас.

- Мы должны показать вашим последователям, что вера подвела вас. Тогда они разочаруются в ней, и мы сможем их исправить.

- Вы нас убьете? – спросил я.

- Убийство заключенных – не лучший выход. Мы наконец поняли, что не так с вашим видом. Вы уже знаете, что вы не настоящий биологический вид. Вы можете умереть, на что не способен никто другой. Мы до сих пор не понимаем, как такое возможно, но мы пришли к единственному возможному выводу: сержант Флинн Таггарт, ты и другие люди – самовоспроизводящиеся полусознательные машины.

- Мы – машины? Более бредовой идеи я давно не слышал.

- У вас нет души, но есть что-то, что подавляет рациональное отчаяние и позволяет вам жить. Все другие машины, включая искусственный интеллект, которого вы с недавних пор зовете Кеглей, страдают и пребывают в отчаянии, потому что осознают, что рано или поздно будут уничтожены.

- Кеглю не трогай, - огрызнулся я. – Он помогал нам не по собственной воле. Я угрожал, что разобью его.

- Нет, не угрожал, - возразил Безымянный. – У нас есть записи всех ваших бесед с Компилятором Данных.

Я уставился на него.

- Вы его специально подложили!

- А почему бы и нет? Мы поместили его в вашу камеру, и оно смогло наблюдать за вашей реакцией на смертельную угрозу.

Я почувствовал тошноту. Старый – добрый Кегля. Именно в этот момент он выкатился перед нами.

- То, что мы сейчас слышали – правда? – спросил я.

- Говорит правду, - бесстрастно согласился Кегля. – Был помещен в камеру Реаниматорами-симбионтами. Цель – изучить поведение Таггарта Флинна и Сандерс Арлин Эдит в моменты смертельной опасности. Отчет создан, передан Реаниматорам.

- Предатель! – заорала Арлин. Я попытался ее успокоить.

- Да ладно тебе, капрал. Разве мог Кегля поступить иначе? Он же компьютер, помнишь? Его запрограммировали. Как и большую часть присутствующих.

Она бросила на меня свирепый взгляд.

Я повернулся к шару для боулинга.

- Кегля, я тебя прощаю.

Разумеется, он не ответил. Ведь я ни о чем его не спросил.

- Мы не страдаем от отчаяния! – выкрикнула Арлин, между делом взяв меня за руку. – Вы абсолютно неправильно все поняли.

- Мы намного умнее тебя, младший капрал Арлин Эдит Сандерс, и мы лучше понимаем проблему. Вы – роботы. Но существуют, как вы сами их назвали, некие призраки в машинном ядре. Компилятор Данных предоставил нам слишком мало информации, и мы должны исследовать ваше ядро сами. Но мы не можем позволить вам оставаться в ваших материальных телах – процессы в них происходят слишком медленно. Поэтому мы разработали устройство для ускорения эксперимента.

Это устройство удалит дух или душу из вашего тела и запустит сверхбыструю эмуляцию. Мы сможем проследить ваше развитие в течение многих сотен лет, даже после того, как ваше физическое тело будет полностью уничтожено.

Реани-человек – тот самый Человек Без Имени, который предлагал мне сдаться – подошел ближе, не обращая ни малейшего внимания на кровавые порезы от пуля на щеках.

- Вы двое слишком опасны. Мы должны поместить вас в карантин ради блага вашей же расы.

14

Двое Реани-людей схватили меня за руки, двое – за ноги и еще двое шли рядом с оружием наготове. Невольная ассоциация с несущими труп гробовщиками ужаснула меня. Кегля катился неподалеку. Я был уверен, что Арлин так же скрутили и бесцеремонно тащат как вязанку дров. Нигде я не видел ни одного из своих солдат. Блин, даже у Иисуса была парочка людей, которые поплакали на его распятие! Я покраснел от такого святотатства, радуясь, что не произнес этого вслух. Ох, Флай, ответишь ты за

эти слова перед Всевышним...

А потом я услышал два знакомых голоса: Сэарс и Робак. На этот раз, должно быть, они шли совсем рядом – я мог расслышать, что они говорят. Клевийцы вели беседу с Безымянным, и по их тону я бы сказал, что они торопятся.

- Вы совершаете ужасную ошибку, которую совершаете, - пытались они объясниться на английском, единственном языке, понятном и близнецам, и Реаниматорам.

- Они не неббиологические, как известно нам. Вы тестировали свое приспособление только на биологических видах. Вы не знаете, как оно реагирует на людей.

- Разберемся как-нибудь. Мы проводили испытания с другим искусственным интеллектом, и оно работало как надо. Мы смогли переместить душу последовательно в три разных сосуда, один из которых был искусственным.

- Но они другие! Вы сами сказали, есть ядерный призрак в машинах людей, и они не биологические и не машины. Вы не знаете точно ответить. Вы можете совершить ужасное преступление. Настолько ужасное, что мы не можем описать словами. Вы намеренно уничтожите душу!

- Мы не сможем этого сделать.

- Вы не знаете, сможете или нет.

- Мы не сможем этого сделать. Мы намного умнее обитателей Клэйва. Мы намного тщательнее изучали эти устройства, и мы знаем такое, о чем вы не подозревали до последнего времени.

Я попытался уловить как можно больше из их разговора, но мои гробовщики влетели во что-то и больно меня дернули. Похоже, они не слишком волновались о такой мелочи, как препятствия на пути. А может, спор с близнецами занимал все внимание коллективного разума Новичков, и из-за этого они не могли толком контролировать Реани-людей.

Где-то в районе моих ног мелькнула фигура Арлин. Она задрала голову и могла меня увидеть. Когда она заметила, что я на нее смотрю, то в тот же момент выкрикнула одно-единственное слово: Патрик.

Патрик? Что, черт возьми, она хотела этим сказать? На ум приходил только один Патрик – покровитель Ирландии. Как он вел миссионерскую деятельность при жизни, так и мы помогли обрести веру местным дикарям. Но я понятия не имел, на что именно Арлин намекала.

Носильщики протащили меня от хвоста до носовой части корабля, где обитали Реаниматоры, когда мы начали штурм машинного отделения. В треугольной комнате в самом носу корабля мы увидели две медицинских кушетки. Гробовщики бесцеремонно свалили нас на них и намертво связали ремнями. Один из ремней зафиксировал мою голову, да так, что я не мог ее ни на миллиметр сдвинуть, второй перевязали через подбородок, чтобы я не мог двигаться вверх-вниз. Я был абсолютно неподвижен. Паника захватила сознание. Я мысленно повторял, что покажу этим ублюдкам, как уходят настоящие морпехи – это помогало сдержаться и не закричать в ужасе.

- Сукины дети. Можете убить меня, но Богом клянусь, мой призрак от вас не отстанет, пока в могилу не загонит всех до единого!

Я не вкладывал никакого смысла в эту фразу, но, как и в прошлый раз, она произвела нужный эффект. Реани-люди отпрянули. Очевидно, мое обещание повергло их в шок. Но в их глазах так и не появилось осмысленное выражение, свойственное людям. Мы только что напугали не людей, а самих Новичков!

Я пообещал еще кое-что, что сделает мой бесплотный дух, но страх ушел с их лиц. Возможно, им удалось с ним справиться. Они закрепили еще несколько ремней на моем теле, после чего поднесли к носу тонкую длинную металлическую трубку. Какого-то плана действия у меня не было, и я снова и снова повторял про себя сказанное Арлин: Патрик, Патрик, Патрик! Мне не оставалось ничего, кроме как верить, что в конце концов я пойму ее намек. Именно этому нас учили в Церкви Марии и Марты.

Металлическую трубку осторожно засунули мне в нос. Я потерял способность кричать, когда она проткнула мой носовой канал и проникла дальше в носовую полость. Я почувствовал, как она подбиралась к соединительной ткани, которая окружала мозг. Льющаяся изо рта кровь затрудняла дыхание. Я постоянно сглатывал ее, но все равно едва мог вдыхать и выдыхать. Боль была невыносимая. А потом они за что-то дернули, и все мое лицо окаменело. Боль ушла, но я с радостью перетерпел бы ее снова, чтобы только понять, что задумали Реаниматоры.

Я посмотрел насколько возможно влево, но разглядел лишь смутные очертания живота и груди Арлин. До моих ушей доносились ее тихие всхлипывания. С ней вытворяли те же ужасные вещи, что и со

мной. Позор, Флай, ты не смог защитить младшего по званию и по совместительству лучшего друга. Мы были мертвы. И не когда-то там в будущем, а прямо здесь и сейчас. Человечество лишилось последней надежды на спасение, но меня это совершенно не беспокоило. Почему? Потому что торчащий из моего носа долбаный катетер пробирался к мозгу, а целый рой сумасшедших ученых-инопланетян, словно приспешники доктора Мабузе¹⁴, собирались высосать из меня душу.

Я закрыл глаза. Мы не смогли остановить Новичков, и теперь они держат путь на Землю, чтобы «исправить» всех нас. Этот провал поколебал мою веру. Зачем вообще эта «необходимость верить», о которой нам рассказывали монахини? На уроках катехизиса они говорили мне, что Человек должен верить в Бога, а не верить в него значит жить в бездушном мире случайностей, где нет совершенно никаких причин избегать насилия, грабежей и убийств так долго, как это возможно.

Знали бы они, насколько оказались правы. Только причина была другая: те, кто не верил, оказывались уязвимы перед маленькими зелеными человечками с другой планеты.

- Прощай, Арлин Сандерс, - выдохнул я, проглотив очередную порцию льющейся крови. – Ради Бога и ради самой себя, не теряй веры. Я всегда буду с тобой... и я понял твой намек с Патриком.

Реани-люди даже не попытались меня заткнуть. Не думаю, что их волновало, говорю я что-то или нет.

Арлин застонала где-то слева.

- Прощай, друг. *Semp... semper fi*, Мас.

Это девиз морской пехоты. *Semper fidelis*, навеки предан. Я улыбнулся. Похоже, Мартин Лютер был прав: очищения может достигнуть каждый.

В мозгу сверкнула яркая белая вспышка. Я почувствовал, как звуки вокруг превращаются в белый шум, словно эта вспышка была предвестником взрыва моего сознания. Все функции мозга были перегружены, я не мог построить цепочку даже из двух связанных мыслей. После Патрика не осталось ничего. Через мгновение я забыл даже элементарные конструкции сознания. Последним ушло осознание собственного Я. Вот я еще существую, и вот меня уже нет.

Я очнулся в странном, до боли знакомом месте, где уже бывал раньше, но которое не ожидал увидеть снова. Я очнулся на Фобосе, у входа на базу ОАК. В самом начале своего пути, месяцы и века назад. Вокруг витал легкий смрад кислых лимонов, который источали зомби, вдалеке слышалось шипение колючек.

Опять, Господи, опять все сначала. В полном одиночестве я стоял у ворот в ад, а в руках не было ничего кроме стандартного пистолета калибра десять миллиметров. Позади меня раскинулась безжизненная пустыня под фиолетовым небом. Я вернулся туда, где начался весь этот ад, и сейчас он начинался снова. Даже Кегля, предатель поневоле, и тот меня покинул. Понятия не имею, куда он делся, но со мной его не было.

Так что, мне придется пережить это все еще раз? Что Реаниматорам нужно от меня? Чтобы я снова прошел восемь этажей вглубь базы ОАК, прыгнул в пасть Молоха (как это называл покойный Альберт Галлатин) и очутился на Деймосе? Пролетел через туннель в гиперпространстве и закончил путешествие на орбите Земли?

Я глубоко вздохнул и зашагал вниз по длинному пустому коридору. Вонь кислых лимонов усиливалась с каждым шагом. За спиной послышалось шипение. Я выхватил пистолет, крутанулся на сто восемьдесят градусов и обнаружил прямо перед собой ту самую дырявую трубу, из-за которой чуть в штаны не наложил в первый раз.

- Твою мать! – прорычал я, чувствуя, как каждый удар сердца молотком отдается в висках. Я спрятал оружие в кобуру на форме и продолжил путь, на этот раз медленно и осторожно.

Я смутно помнил, что – или, точнее, кто – встретится мне дальше, и мои ожидания оправдались: когда коридор сузился и я стал пробираться через лужу зеленой токсичной жижи, разлитой по полу, впереди послышалось неспешное шарканье. Из пелены тумана, отбрасывая зловещие тени в свете мерцающих ламп, вышел бледный труп Уильяма Гейтса. Он так и остался навеки капралом, ведь в аду ему вряд ли дадут повышение. Широко распахнутые глаза и шрам на подбородке не оставляли никаких сомнений: передо мной тот самый мертвый Билл, превратившийся в зомби.

- Врата – это ключ... Ключ – это Врата...

Я не пытался поддержать беседу – сейчас это было бесполезно. Но как только я вскинул свой пистолет, то сразу вспомнил про намек Арлин. Патрик. Что, черт возьми, это значит? Патрик был миссионером у дикарей... Как, во имя всех святых, я смогу заставить зомби обрести веру? У него мозгов-то не осталось! Я сжал зубы и всадил две пули ему в лоб. Едва смог подавить импульсивное желание отвернуться или закрыть глаза. Не в этот раз, не в этот гребанный раз!

Никакой крови из ран. Я выстрелил в мертвого товарища еще разок, и снова его тело дернулось на полу как обезглавленный цыпленок (я сотню цыплят заколол в детстве и могу с уверенностью заявить, что они действительно так дергаются). Но я не почувствовал того же отвращения, что и в прошлый раз. Это всего лишь симуляция (или эмуляция?), все это не повторяется на самом деле. Реаниматоры изучали мое поведение.

Ладно, черт возьми, я дам им немного материала для изучения. Подойдя вплотную к телу и борясь с паникой, я наклонился и плюнул в своего друга. Если сомневаетесь в чем-то, спутайте врагу все карты – вот отличное правило выживания.

Я вытащил оружие из его рук – ура, десяти миллиметровая M211, полуавтоматическая винтовка, стандарт для стрелков Корпуса морпехов. Мне она никогда особо не нравилась, я предпочитал полуавтоматический дробовик или M-14 системы Браунинга, которая была у меня раньше. Но это определенно лучше, чем один несчастный пистолет. Я помнил, что ждет меня впереди: три зомби-мужчины и одна зомби-женщина, готовые открыть огонь.

Это знание придавало мне смелости. Уж не знаю, чему там хотят научиться Новички, запихнув меня в такую идиотскую эмуляцию. Все поменялось. В прошлый раз я понятия не имел, что происходит, и мне просто крышу сносила демоническая сущность монстров, что нападали на меня. Сейчас же я знал, что это механические конструкции Фредов. А еще я знал, что на самом деле нахожусь не тут, а внутри какого-то сверхбыстрого суперкомпьютера. Час для меня был, хм, минутой в реальности? Секундой? Думаю, эмуляция работала достаточно быстро, чтобы настоящие враги – Реаниматоры – не заскучали, наблюдая в терминал.

Тем не менее, все вокруг выглядело удивительно реалистично. Смутные очертания стен в темноте, скользкий пол, шипение, бульканье токсичной мути, что выливалась из бочек и растекалась по полу – сложно было не поверить во все это. Я дотронулся мизинцем до жижи и тут же почувствовал ужасную боль, будто об него только что потушили сигарету. Боль была реальной. Она все равно только в моей голове, это ведь только сигналы в мозг от болевых рецепторов. Стоило бы догадаться, что симуляция в моем мозгу сможет симулировать и боль, прежде чем жертвовать палец богу зеленой жижи.

Абстрагировавшись от боли, я согнулся в три погибели и пополз между труб, поросших грибком стен, пригибаясь около низких балок и перескакивая через металлические решетки и шланги. Я помнил, какой была обстановка, когда меня чуть не застали врасплох, и в этот раз выстрелил первым, как только те четверо показались в поле зрения. Трое упали, не дойдя даже до центра комнаты, а девушку я застрелил последней. Перевернув тела на спины, я обыскал их, забрал все, что могло пригодиться, и отправился дальше. Что-то подсказывало мне, что я должен добраться до первой колючки – коричневого демона, покрытого шипами и иглами. Если я смогу увернуться от горящих комков соплей, которыми он любил швыряться, можно попробовать завязать с ним разговор... однажды я уже попытался.

Я зашел в комнату с раскуроченным радиоприемником и сожженным планом построек. Теперь о карте можно было не волноваться – план построек был выжжен каленым железом у меня в памяти. Было это влияние страха или Реаниматоры постарались, неважно. Карта бесполезна, как бесполезен и радиоприемник, когда весь мир крутится в оперативной памяти компьютера пришельцев. Я словно стал героем компьютерной игры, а кто-то по ту сторону экрана дергал меня за электронные ниточки как марионетку.

Еще три застреленных зомби, как и в прошлый раз. Я был готов к встрече, а они не знали точно, когда я появлюсь. В этот раз получилась не перестрелка, а бойня – я словно стрелял по бредущим пьянчужкам. Никакого отвращения от стрельбы по беспомощным созданиям не возникало с тех пор, как я осознал, что они не настоящие зомби, а только их электронная симуляция. Мне стало адски скучно, я случайно отвлекся... и это был недобрый знак. На ум снова пришло скрытое послание

Арлин. Что она имела в виду под Патриком? Она что, предполагала, что я буду обращать демонов внутри симуляции Новичков?

Да и в кого их обращать? В примерных католиков? Я с нетерпением ждал встречи с колючкой, который прятался в комнате с огромной лужей токсичных отходов. Этот засранец мог сказать хоть что-то кроме мычания «Врата – это ключ». Я проскочил через извилистый лабиринт, стараясь не обращать внимания на призрачные образы на границе поля зрения, выраставшие из тьмы коридоров, широких комнат и выгнутых полов. Смерд кислых лимонов перебил еще более тошнотворный запах, и я понял, что уже близко.

Наконец она предстала передо мной. Комната, к которой я шел, с целым морем токсичных отходов, которые бурлили как лавовые лампы на день Святого Патрика (ха, неужели совпадение?). Встав за пару шагов от входа, я осмотрел комнату, выискивая предметы обстановки, за которыми колючка мог скрываться в прошлый раз. Это было непросто, ведь тогда я не видел, откуда он пришел, но в комнате была только один терминал, достаточно большой, чтобы за ним мог спрятаться двухсоткилограммовый зверь.

Направив ствол Сиг-Кау в сторону терминала, я властным тоном отчеканил:

- Эй ты, колючка безмозглая! Я знаю, где ты прячешься...

В подтверждение своих слов я пару раз пальнул по терминалу.

- Живо выходи, пока я тебе все ноги не продырявил!

Тишина. Я высадил еще шесть патронов в терминал, точно туда, где по моим прикидкам пряталась тварь. С той стороны послышалось полное боли шипение – должно быть, одна из пуль прошила терминал насквозь и задела ублоудка.

Этого было достаточно. Ужасный до отвращения хверь медленно вылез на свет. На исходивший от него запахок слетелись бы все вороны в радиусе сотни метров.

Колючку ни с кем не спутать: коричневая кожа, больше похожая на шкуру аллигатора, желтовато-белые рога, растущие по всему телу, нечеловечески большая голова с прорезями красных глаз, полных бешенства и агрессии. Он уставился на меня, медленно двигаясь, затем остановился и плюнул на свою руку. Плевок тут же загорелся огнем в его ладони, и колючка взмахнул лапой, собираясь швырнуть свой файербол через всю комнату.

Я направил на него винтовку.

- Если хоть одна горящая сопля полетит в мою сторону, ты сдохнешь, прежде чем она долетит вон до той стены!

Колючка посмотрел на меня с каким-то оттенком обиды в глазах, после чего медленно опустил лапу. Огненный шар полетел на пол и зашипел, попав в лужу ядовитых отходов, в которых существо стояло по щиколотку. Слава Богу, что эта зеленая муть не огнеопасна.

- Друг мой, - произнес я, думая о Святом Патрике из Ирландии. – Ты наверное думаешь, что я здесь для того, чтобы размазать по стене содержимое твоей глупой башки, но это не так. Я конечно могу это сделать, если ты меня заставишь, но пришел сюда я по другой причине. И ты здесь не для того, чтобы убить меня, пусть тебе и кажется обратное.

Мне нужно сказать тебе кое-что, что совсем тебе не понравится. Но если ты глубоко вздохнешь и просто слушаешь, думаю, ты в тысячу раз сильнее разозлишься кое-на-кого другого.

Он пялился на меня целую долгую минуту, в течение которой никто из нас не проронил ни звука. А потом – жизнью клянусь! – колючка со мной заговорил!

- Говори, - прошипел он. – Мы будем сслушать...

Глаза его сузились, но горели ярче, чем раньше.

- Мы будем сслушать... в этот раз.

Колючка согнул свои длинные лапы и ждал, пока я выдам что-нибудь чертовски умное.

15

Как я понял, Новички подорвались на своей же бомбе. В реальном мире генетически спроектированные колючки никогда не предпочли бы философские дискуссии битве со мной, но мы были в компьютерной эмуляции, основанной на моих воспоминаниях – а человеческая память невероятно изобретательна. Мы помним вещи, которые не происходили на самом деле, но которые, как мы ожидали, должны были произойти. Мозг – отличный сочинитель. «Мы все – куда лучшие актеры,

чем можем себе представить», или как там сказал этот мужик, кем бы он ни был. В тот момент я неожиданно «вспомнил», что колючки куда более логичны и рациональны, чем они были в реальности. Так точно, командир, я на все сто уверен, что запомнил их именно такими. Все происходящее было похоже на осознанное сновидение, в котором ты понимаешь, что спишь – за исключением, может быть, того, что я никогда раньше этим не занимался. Но сейчас я бодрствовал, и пока во мне была уверенность, что я помню вещи именно такими, какими хотел их видеть здесь и сейчас, такими они и отражались в симуляции Реаниматоров.

- Я знаю, что ты такое, - сказал я колючке. – И знаю, кто тебя создал. А еще я знаю, кто уничтожил твоего создателя. Может, хочешь присоединиться к нам и надрать кое-кому зад?

Мой собеседник яростно зашипел. Желтая слюнь стекала по его подбородку, и воздух вокруг нее шипел. Несколько капель упали на пол около его широкой ступни.

- Хватит играть со мной, - предупредил я. – Ты – продукт генетической инженерии, созданный расой существ, которую мы зовем Фредами, у которых головы похожи на артишоки – если ты знаешь, что это такое – и они становятся то больше, то меньше, как часть их, скажем так, цикла соединения. Ты их видел, так ведь? Мое описание верно или как?

- Говори! – потребовал демон, но пасть закрыл, и желтая слюнь больше не капала на пол. Мне показалось, это хороший знак.

- Ты же знаешь, что они – члены галактического сообщества философско-литературного критицизма и по-английски метко зовутся деконструктивистами. Они сражаются с представителями другой школы, с гиперреалистами. Они послали вас сюда, чтобы подготовить нас к порабощению Фредами, и убедили, что мы упадем на колени и будем просить пощады, если вы будете похожи на наших древних чудовищ. Верно?

Пока я говорил, колючка все больше втягивал голову в плечи, его глаза все больше наливались красным, но запах, сопровождающий монстра, становился только сильнее. Осторожнее, предупредил я сам себя. Он не идет на перемирие... он становится злее и хитрее.

- И чччто? Что ты предлагаешшшь?

- Твои создатели облажались, колючка. Они не сказали вам, что у нас есть оружие, что мы научились летать в космос и будем защищаться. Не так ли? И сейчас ты напуган до чертиков, потому что ситуация вышла из-под контроля.

Тут я уже блефовал как мог. Всем известно, что Фреды никогда не обучали чувству страха своих марионеток. Но попробовать стоило. В конце концов, они отлично демонстрировали гнев и бессмысленную ярость, нападали друг на друга по малейшим причинам. Кроме того, у них была своего рода расовая нетерпимость – к примеру, тыквы взаимно ненавидели минотавроподобных адских принцев. Как по мне, та болванка, с которой Фреды начали проектировать тварей, уже обладала каким-то набором эмоций.

- Убить тебя! – заорал колючка. – Убить вассс всех! Ссмерть человечеству!

- Колючка, твои создатели мертвы. Все до единого мертвы. Все, понимаешь?! Может, хочешь знать, кто это сделал?

Он уставился на меня в замешательстве. Очевидно, я не поступал так, как, по словам Фредов, должен был поступать. Монстр был окончательно сбит с толку и растерян. Большинство из нас реагировали на такую растерянность со страхом и агрессией. Полагаю, он тоже был своего рода морпехом, заброшенным в тыл врага, и все его планы тут же катились в задницу, как обычно.

- Откуда... ты это знаешшшь?

Спасибо, Господи, что я запомнил этого разумного колючку! Он выпрямился и стал чуть более расслаблен, но смотрел по-прежнему с подозрением. Его клыки все еще были обнажены, и он сжимал и разжимал кулаки.

- Послушай. В это сложно поверить, но все то, что вокруг нас, нереально. Возможно, ты существуешь на самом деле. Про себя я точно знаю, что существую, и, возможно, ты тоже. Уроды, убившие твоих создателей – Реаниматоры-Новички - не стоят ни на чьей стороне в Великой Игре. Они ни деконструктивисты, ни гиперреалисты, и им плевать на все ваши литературные теории о Вселенной. Они создали эту компьютерную симуляцию, чтобы узнать кое-что обо мне и... моей расе, а ты – просто еще одна пешка в их игре. Усек?

Он зашипел на меня, долго и громко. Колючка поменял свое решение и собирался атаковать. Должно быть, у меня хватило глупости достать из темных уголков памяти воспоминания о них как о безжалостных убийцах. Но прежде чем наброситься, колючка должен был присесть. Ствол моей винтовки был направлен в его сторону, и я дважды выстрелил – оба раза в бедро.

Колючка с криками свалился на пол, схватившись за бок. Бедро было раскурочено – пули разорвали плоть и растерли в порошок кость. Без хирургического вмешательства он не сможет больше с места сдвинуться.

Я остался там, где и стоял, присев с винтовкой наготове, и ждал, пока колючка растратит все свои силы и останется лежать на полу, скованный болью и страхом.

- Мы можем поступить по-другому, - произнес я таким голосом, словно говорил с шестилетним ребенком, которого наказали за кражу печенья. – Симуляция основана на моих воспоминаниях. Я могу вспоминать вещи немного не такими, какими они были.

Я взглянул на раздробленное бедро и представил другой исход.

В Церкви Марии и Марты среди всего прочего я проходил курс «как стать успешным лгуном», который преподавала сестра Лукреция. Секрет прост. Выдаю его бесплатно только сейчас, так что слушайте внимательно: надо убедить самого себя, что это не ложь, а так все было на самом деле. Уловили суть? Если вы разбили вазу, играя в футбол в коридоре, вам просто нужно представить другой исход (например, вы споткнулись об удлинитель и задели лампу) и так сильно в него поверить, что он покажется куда реальнее, чем сама реальность. Теперь поняли? После этого даже священник, который достанет из-под своей рясы гальванический детектор лжи и подключит вас к нему, не распознает ложь, потому что вы сами будете убеждены, что действительно споткнулись об удлинитель.

- Ага, - продолжил я. – Знаю, что рана несмертельная. Повезло тебе.

Колючка медленно сел на полу, корчась от боли уже другого вида – боли кровоточащей раны. Кровь заливала пол, но рана была простой царапиной – никакого раскуроченного бедра, что могла бы натворить пуля в гипотетической альтернативной вселенной.

- Врубаешься теперь? – спросил я.

Как в каком-то гротескном ужастике, колючка опустился на четвереньки и медленно пополз ко мне. Когда нас разделяло два метра, он упал на пол и пополз на животе, растопырив руки и плотно сжав ноги, как Иисус на Распятье, и мордой в светящейся жидкости. Он дополз ко мне, после чего высунул свой желтый язык и облизал мои ботинки. Его движение напоминало действие змеи, которая высовывает язык, пробуя ветер на вкус и выискивая нужные запахи – хищник или добыча? – и везде, где колючка прошелся своим языком, оставалась шипящая раскаленная полоса. Мои ботинки были покрыты красноватыми отметками о подчинении. Он раскинул руки еще шире, вытянул ноги на юг и уткнулся мордой в грязные панели на полу. Он был полностью в моем распоряжении, плюясь огнем и потяя маслом из желез на спине. Масло, должно быть, защищало его от собственной огненной слизи, но рядом не было никого, кто защитил бы меня от моего нового слуги. Не было даже Арлин.

- Ррраб, - прошипел колючка.

- Нет, ничей ты не раб...

- Повелитель!

Я замолчал. В мой процесс обращения вкралась какая-то фундаментальная ошибка. Так не должно быть! Колючка должен был осознать себя и бороться за свою жизнь, а не нарекать меня своим новым Богом вместо Фредов!

Но раз уж начал, стоит играть свою роль до конца.

- Узри, что сделали с тобой эти самозванцы! – произнес я. – Они оставили тебя умирать здесь и натравили против твоего истинного повелителя!

- Ссамозванцы!

- Они заставили тебя бороться против меня, и теперь они должны заплатить за это! Смерть, смерть самованцам!

- Ссмерть ссамозванцам!

- Это наша цель, наша святая миссия – уничтожить самозванцев!

- Миссссия уничтожить ссамозванцев!

Я вздрогнул и сделал пометку в мысленном блокноте: по возможности не использовать столько «с» в

разговоре с колючками.

- И еще нужно найти вторую госпожу, Арлин.

- Найти госсспожу.

- Вот только где она сейчас? – выдал я вопрос в пустоту. В той, первой реальности мы встретились после того, как на Фобосе я прошел через Врата Молоха и улетел на Деймос. Мы предстали друг перед другом совершенно голые и дрожащие, в комнате с перевернутым крестом, вылитым из раскаленного металла. Но если у нее осталась хоть капля мозгов – а обвинить Арлин Сандерс в тупости не мог никто – она будет ждать меня там, где и оказалась. Что ж... если она действительно решит ждать меня, обстоятельства могут сильно измениться не в ее пользу.

- Поднимайся, раб, - приказал я. Если это правда нужно колючке, буду вживаться в роль до конца. Но я не мог отделаться от неприятной гипотезы, что Новички могли специально запрограммировать монстров быть доверчивыми и склонными легко принимать свое обращение – как, к примеру, Кегля. Что может быть проще, чем обратить этого малого! Может, Новички именно это и хотят изучить. Стоит ли мне выдавать такую ценную информацию прямо в руки врагу?

Черт возьми, а что мне еще делать? Если я умру в симуляции, то смогу ли просто возродиться и продолжить битву? Колючка поднялся на ноги, возвышаясь передо мной, но я все равно опустил Сиг-Кау. Если захочет прыгнуть на меня, у него всегда будет такая возможность. В тот момент я принял решение демонстрировать свою власть и силу воли только самому себе.

- Как тебя зовут?

- Шшшмыг, - ответила она. С этого момента Шмыг стала женщиной. – Шшшмыг Прыг.

- Шмыг Прыг. Ты – мой первый посвященный, первый апостол. Я покинул, хм, райские кущи для того, чтобы собрать армию.

- Скоро Шшшмыг получит власссть?

Власть? Она наверно имела в виду возможность влиять на местную «реальность».

- Разумеется, милая, получишь. А теперь веди нас вниз. Я хочу поскорее убраться из этой чертовой комнаты. Шаг первый: нам надо найти Арлин... другую такую же, как я, другого живого человека. Ты можешь нас учуять?

- Шшшмыг может учуять, - подтвердил мой апостол. Шмыг походила по комнате, сосредоточенно пробуя воздух на вкус своим змеиным языком. Она не особо доверяла этим ощущениям, пробуя его понемногу, как хорошее вино и словно выискивая опасности, которые поджидали нас внизу.

- Найди ее по запаху, Шмыг. Найди моего капрала. И в пути ты вместе со мной будешь обращать так много существ своего вида, как только сможешь. Понял? Никаких драк или убийств без крайней необходимости.

- Шшшмыг понимает.

Я начинал привыкать к шипению, которое видимо производил ее раздвоенный язык. Я помнил, где находится лестница на следующий уровень, и помнил про целый стадион мертвецов с винтовками и дробовиками и колючек, которых будет не так-то просто уговорить, между нами и предельным уровнем Фобоса далеко внизу. Я помнил, что нас ждет внизу: парочка адских принцев. Перспектива встречи с ними меня совсем не радовала.

Мы пересекли комнату с зеленой жижей, прошли через коридор и там встретили первых мертвецов вдвоем. Три молодых девушки ковыляли впереди. Одна из них потеряла где-то верхнюю часть одежды и руку, две других держали в руках оружие, украденное у тех морпехов роты Фокс, кому оно больше никогда не понадобится. Шмыг подняла лапы.

- Ссстоять! – скомандовала она. Мертвецы послушно замерли. Черт возьми, подумал я, вот это здорово. У колючек было что-то вроде ментального контроля над мертвецами.

- Это всссе нереально. Повелитель мертв. Приссоединяйтесь к нашим сссилам, сссмерть Новичкам! Ее слова не сильно заинтересовали мертвецов. Возможно, обычные колючки могли психически контролировать переделанных людей, но как только я обратил Шмыг и она признала нереальность ее мира – в основном, из-за моей демонстрации, чем по причине веры – она потеряла доступ к Психосети Фредов. Чертовы зомби ее не слушали!

Однорукая полуголая девушка вытянула руку, продемонстрировав пятизарядный револьвер – никакой серьезной угрозы, если только ей крупно не повезет. Но я не собирался давать ей время на

прицеливание. Первая пуля угодила ей в бедро. Промახнись я с такого расстояния, и мою рожу можно было бы вывешивать на футболках для морпехов, но все обошлось.

Было время, когда я чувствовал омерзение и отвращение к самому себе, стреляя в женщину. Сейчас я ощущал лишь прилив мрачной радости, отстреливая тыкву еще одному мертвяку.

Две других открыли огонь, не обращая внимания на упавшего замертво собрата. Я укрылся за красновато-желтыми подпорками, что остались еще с тех времен, когда база ОАК была центром по работе с общественностью. К счастью, после смерти стрелки из них были не лучше, чем при жизни. Возможно, потому что они никогда не моргали, и их глаза были настолько сухие, что мертвецы едва могли видеть.

Я встал на колено, прицелился - не больно-то эффективно стрелять от бедра – и выпустил очередь в ту, что ковыляла позади (она держала в руках что-то вроде винтовки со скользящим затвором, а у второй был дробовик и она двигалась слишком быстро, чтобы хоть в кого—то из него попасть). Если у меня и оставались сомнения относительно моего апостола, теперь они испарились. Она снова плюнула в лапу и швырнула горящий комок соплей точно в рожу девке с дробовиком.

Та заорала от боли вперемешку с яростью и стала палить в нашу сторону. Несколько дробинок задела меня, и я почувствовал жгучую боль, ведь на мне еще не было брони. Насколько помню, я нашел ее на уровне ниже. Придерживаясь своего плана, я выпустил еще три очереди в мертвяка с винтовкой, и дождался, пока она затихнет на полу, прежде чем снова обратить внимание на зомби с дробовиком. К тому моменту она уже была мертва. Шмыг Прыг, мой первый апостол, превратила ее в поджаренный труп.

Перестрелка уже закончилась, а я еще долго сидел, схватившись за голову. Господи, вопрошал я, неужели Ты заставишь меня снова пройти через все это? Я глубоко вздохнул и поднялся на ноги, снова в здравом уме и спокойствии.

- Ладно, будь что будет.

Но что произошло бы с симуляцией Реаниматоров, если бы я погиб?

Отличный вопрос: может ли душа горстки бит в памяти огромного компьютера попасть в рай? Или моя смерть уничтожит весь этот мир?

- Да пофиг, - пробормотал я. Морпехи прежде всего стрелки с винтовкой в руках и уж точно не философы.

- Пойдем, Шмыг. Давай выбираться из этого электронного ада.

Я повел ее за собой по длинному коридору между перегородок к двери, за которой скрывалась лестница вниз. Насколько я помнил, следующий уровень будет хуже некуда: темный лабиринт, толпы колючек и возможно даже первые розовые демоны, по сравнению с пастью которых даже рот старого дряхлого Мика Джаггера выглядел крошечным. Он обещал устроить тур по поводу своего триумфального возвращения, когда мы с Арлин покидали Землю полгода и триста пятьдесят лет назад. Интересно, он до сих пор выступает?

Не буду рассказывать во всех подробностях про каждый долбаный бой на каждом долбаном уровне. По словам надкапитана Токугавиты, все бои были подробным образом задокументированы и входили в обязательную программу для любого школьника. Та же игра, та же территория, только на этот раз армия моих обращенных росла как снежный ком. В скором времени к нам со Шмыг присоединились еще четверо колючек (Псих, Хмык, Чавк и Проглот), тыква по имени Олестрадамус и даже, помоги нам Господи, зомби рядового Додда – парня, с которым Арлин пару месяцев делила койку. В настоящем мире мы встретили его уже на Деймосе, не на Фобосе – мой воспаленный мозг перемешивал воспоминания.

Элементы архитектуры в этот раз передвигались и меняли форму даже чаще, чем в реальности, ведь теперь не нужна была гидравлика, чтобы заставить стены ездить вверх-вниз, полы - уходить из-под наших ног и даже двигать целые секции базы ОАК – компьютеру достаточно было лишь пожужжать микросхемами. Моя цель осталась прежней: найти Арлин. Но с прошлого раза планы изменились. Каким-то образом у нас получилось выпустить призраков из машины. Я пообещал, поклялся Всевышнему, что не погибну в этом компьютерном заточении. Мы с Арлин выберемся отсюда и вытащим наши задницы обратно в реальный мир! Единственный вопрос – успеем ли мы до того, как Новички «исправят» все человечество.

Жизнь во мне, Шмыг и других апостолах поддерживали аптечки и круглые голубые сферы. Я подкреплялся едой, предусмотрительно оставленной работниками ОАК и товарищами из роты Фокс, прежде чем они отправились в мир иной. Чем питаются мои последователи, даже думать не хотелось. Единственное преимущество возвращения туда, где все начиналось – по крайней мере, в симуляции – было то, что мне не стоило беспокоиться об аминокислотах и витаминах, о том, съедобна или нет пища Фредов и Новичков. Мне не нужно было принимать питательные таблетки, очищать воду или питаться так называемой «едой», которая напоминала переросшие фигурки из коробки Лаки Чармс¹⁵. Голубые кубики! Оранжевые кубики! Розовые двенадцатигранники!

Когда мы добрались до третьего уровня, мне показалось, что прошло полдня с момента моего появления у пасти наводненной монстрами базы. Нас радушно встретила целая процессия из пяти колючек, нескольких мертвецов и даже одного из тех призраков, который звучал (и вонял) в точности как розовый демон, хоть и был невидим. У меня в голове возник еще один неразрешимый вопрос: как в мире, в этом самом мире, Шмыг, Чавк и другие обращенные колючки уничтожали своих собратьев? Как я понимал, огненными шарами они не наносили вреда друг другу, ведь все были покрыты защитным маслом, которое выделялось из желез на их спине и груди.

Слетев с лестницы, мы попали прямехонько в зеленую жижу, которой тут набралось бы на целый гребаный бассейн. Я мог почувствовать, как она разъедает мои подошвы и добирается до стоп. Мчался я как ошпаренный – прямо в объятья неверующих.

Отступив к стене, я раз за разом стрелял из своего дробовика, который вытащил из рук бывшего капрала Магетта. Когда из ствола вылетел последний патрон, я отшвырнул его в сторону и расчехлил Сиг-Кау. Товарищей своих я не видел и в тот момент был уверен, что не сдержу слово, данное Всевышнему – не умереть в компьютерном заточении.

Четверо колючек (пятого я прикончил) окружили меня, и я отхватил три горящих комка слизи прямо в лицо. Я почувствовал, как мое лицо поджаривается, и нихрена не видел. Вскинув винтовку, я сделал несколько выстрелов вслепую, снова и снова бормоча под нос извинения перед Арлин. Снова ты облажался, Флай! А в следующий момент одна из огромных коричневых мартышек заорала в агонии и вцепилась в морду атакующему. Это был рядовой Додд, бывший парень Арлин. Его пронзительный визг, которые даже после превращения в зомби остался прежним, ни с чем не спутаешь. Он выстрелил из своей Сиг-Кау. Я раскрыл глаза чуть шире, чтобы зарядить новый рожок и всадить его содержимое в черепную коробку колючки. Двое готовы, еще трое жаждут разорвать меня на части.

То, что случилось в следующий момент, не ожидал никто. Эти трое попали под обстрел из целого дождя огромных острых камней! Я шлепнулся на пол, чтобы меня не задело. Настоящая интифада моих колючих апостолов!

Как я понял, до них дошло, что огненными шарами они своим неверным собратьям вреда не нанесут, и они стали отрывать куски от кладки стен, чтобы использовать их как оружие! Господи, вера уже наградила колючек улучшенной соображалкой. Они отбрасывали врагов все дальше и дальше, прикончив двоих из них. Последнего сбили с ног и впоследствии обратили – он и назвался Проглотом. Когда все они были мертвы, бежали или перешли на нашу сторону, Шмыг и Чавк, которые понимали мое состояние, притащили мне голубую сферу. Они аккуратно поднесли ее на куске пластиковой камуфляжной сетки, которую вытащили из шлема мертвого морпеха, и швырнули мне в лицо. По шкале здоровья мое состояние поднялось с нуля до шестидесяти процентов за 1.2 секунды, и я снова почувствовал себя живым человеком. Тем временем Псих и Хмык свалили в кучу все рожки, которые им удалось отыскать.

Прошли дни – точнее, мне казалось, что дни, хотя в реальности могло пройти всего несколько микросекунд – и я готов был поставить под вопрос любые попытки объективно измерить время. В общем-то, я начал в них сомневаться еще когда мы с Арлин колесили по галактике на скорости, близкой к световой. Здесь и сейчас – еще один пример относительности измерений. Но нам казалось, что прошли дни, и это все что я могу сказать: прошли дни, и мы были готовы опуститься на самый последний, самый ужасный уровень Фобоса.

Нам предстояло встретиться лицом к лицу с нашими первыми адскими принцами и нырнуть во врата

Молоха, которые перекинут нас на Деймос. Я на секунду замешкался, стоя на верху длинной-предлинной лестницы – около километра длиной – ведущей вниз в недра Фобоса. «Фобос» значит «страх», вспомнил я, хотя раньше не знал значения этого слова.

- Ну что, мальчики и девочки, - сказал я. – Готовы оторваться?

Мальчики и девочки кивнули. Сделав глубокий вдох и размышляя, где в этом мире найти Арлин Сандерс, я начал долгий спуск в темноту. Откуда-то снизу послышался нечеловеческий рев, от которого даже сейчас кишки в узел сворачивались. Я сразу узнал этот рев.

16

Мы спустились вниз по лестнице, такой высокой, что у меня закружилась голова, и я чуть было не свалился. Впереди шел я, за мной следовала компания моих монстропостолов. Мы считали ступеньки по крайней мере километр – лестница была намного длиннее, чем в реальной жизни. Не удивительно, ведь в основе этого мира лежали воспоминания, приукрашенные моим напуганным воображением. Внизу нас ждала открытая кабина небольшого элеватора, в которую мы все забились. Под страшный скрип элеватора, стонавшего в агонии от тяжести своей ноши, мы поехали вниз.

У меня поджилки затряслись, когда я вспомнил, что внизу нас ждет целое стадо розовых демонов. У них даже выслушать мою речь мозгов не хватит, не то что понять ее и сказать что-то в ответ. Возможно, у них нет даже такого понятия, как речь. Я не заметил никаких закономерностей в их рычании, хрюканьи и криках боли и ярости.

Вздохнув, я лег на живот, глядя вниз, где не было видно пола из-за пары дюжин розовых зубастых пастей на ногах, которые бегали по комнате, протискиваясь друг сквозь друга, спотыкаясь и ревели без остановки. Несколько тварей вертелись около бочки с токсичными отходами, которая на этот раз не светила. Прицелившись, я спустил курок. Колючки последовали моему примеру, швыряясь огненными шарами, пока Олестрадамус и Додд палили у них из-за плеча. Ошметки монстров расшвыривало по всей комнате, и через пару минут там не осталось никого, только подрагивающие трупы двадцати пяти розовых демонов. У меня в ушах звенело от выстрелов – в закрытом пространстве грохот каждого из них многократно усиливается эхом. Едкая вонь разделанных на фрикасе розовых обожгла мои ноздри, но все монстры были мертвы, и это радовало.

Я осторожно прыгнул на пол комнаты, которая была больше похожа на зал для убоя. Свора моих последователей гурьбой слетела вниз, наделав шуму больше, чем целая толпа слонов. Мы миновали коридор и вышли к последнему элеватору, который вел к нашим старым друзьям – адским принцам.

Перед самым лифтом мы прошли через печально известный разлом, где я видел череп и скрещенные кости, которыми Арлин пометила свой путь. Остановившись, я огляделся, всей душой желая снова увидеть свою боевую подругу. Может, она попала в свою версию базы на Фобосе? Или нам еще только предстояло встретиться? В прошлый раз я нашел ее в первом помещении на Деймосе, куда прилетел, прыгнув во Врата.

Теперь же я опустил голову и с печальным видом побрел по коридору. Не успел я протиснуться через разлом, как какой-то белоснежный демон просунул в него лапу и схватил меня за руку! Я высвободился из его смертельной хватки, вскидывая дробовик и взывая о помощи.

Сквозь щель я смог разглядеть существо: дикий животный взгляд, красные как кровь завитки на голове, тело, измазанное грязью и чем-то еще более противным. Я направил на него ружье, собираясь изрешетить невиданное ранее дьявольское отродье. Но прежде чем я спустил курок, монстрообразное создание затараторило громким шепотом:

- Флай, не стреляй! Это я, АС!

Расплывчатые грани обрели резкость, и я уставился на Арлин Сандерс во плоти. Увидев направленный на нее дробовик, она завизжала как мышь и нырнула в укрытие, но я успел отшвырнуть оружие и бросился за ней, чтобы вытащить на свет божий из разлома.

Она наполовину зарядила свой дробовик, взгляд в панике мечется между мной и ордой демонов, мертвецом и тыквой позади.

- Что за... что за... Флай, что за херня?

Девушка побледнела как мел. Ей приходилось прилагать огромные усилия, чтобы тут же не открыть огонь по «смертным врагам» за моей спиной.

- Не стрелять, капрал. Познакомься с... новым взводом. Это Цирк Уродов Флая.

В этот момент я подумал о Додде. Пока Арлин, пересиливая себя, подходила к Шмыг и другим колючкам, я осторожно придвинулся к ходячему мертвецу и оттолкнул его в тень. Я не знал, как Арлин на него отреагирует, ведь когда-то Додд был...

- Господи, Флай, они и правда готовы идти за тобой.

Мы обнялись и простояли так несколько секунд в безмолвном жесте приветствия двух давно знакомых солдат глубоко в тылу врага. После этого я отправил Шмыг наблюдать за адскими принцами и спросил Арлин, чем она занималась последние два дня, проведенные в этом ужасном лабиринте.

- Ты будешь смеяться, - с унылым видом произнесла она.

- Смеяться?

- Как-то глупо все получилось.

- Так. У меня идея, капрал. Почему бы тебе просто не ответить на вопрос, а не ходить вокруг да около?

- Ладно, ладно, сержант мой дорогой. Все в порядке, но ты будешь смеяться.

Я положил ладони на широкие, почти мужские плечи Арлин.

- Капрал мой дорогой, я тебя по стенке размажу, если ты сейчас же не выдашь мне все как есть. Где ты была последние два дня?

- Здесь.

- Да, да, в лабиринтах ОАК, понял я. Как ты смогла добраться так далеко? У меня едва получилось прорваться сюда в прошлый раз – благодаря слепой удаче, в основном. Но как у тебя получилось дойти сюда без единой царапины?

- Нет, здесь – в смысле, прямо здесь, где ты сейчас стоишь.

- Ты появилась прямо здесь?

- Вот в этой самой точке.

Я был сбит с толку.

- Но почему? Сам-то я появился аж у входа.

- У входа? Почему? – эхом повторила она, направив фонарик в лицо вашему покорному.

- Черт, да не знаю я! Спроси долбанных Новичков.

Девушка улыбнулась и подняла руки.

- А мне откуда знать, почему я оказалась здесь? Насколько помню, у тебя был только один путь – вниз. И я решила, что лучше сидеть на попе ровно и ждать, чем носиться по всему спутнику, рискуя не разглядеть тебя в темноте.

- И розовые тебя не учуяли?

Она расхохоталась звонким смехом, похожим на звон колокольчиков.

- Учужали конечно! Они столько раз пробегали по этому долбаному коридору, что я удивляюсь, как они яму не проделали своими лапищами. Я пряталась в этой дыре каждый раз когда слышала, как они бегут. Они не настолько гибкие и подвижные, чтобы сюда пролезть.

Мы посмотрели на Шмыг, которая припала ухом к двери, слушая минотавров в центре местного лабиринта – адских принцев. Даже до меня доносился их рев, рычание и топот адских копыт.

- Они понимают, что что-то не так, - зашептал я на ухо Арлин. – Но если бы они знали, что мы здесь, то давно заявились бы к нам на огонек.

- Когда я была тут в прошлый раз, они на меня не нападали, хотя я много шумела. Они меня вообще не замечали, пока я не прошла через дверь и не спустилась вниз. Не думаю, что у них хороший слух. К тому же, тут постоянно шумели розовые.

- Но что-то они учужали, так ведь?

Арлин сморщила свой веснушчатый носик и скорчила гримасу.

- Если они кого сейчас и чуют, так это колючек! Не принимай близко к сердцу, сержант, но твой новый взвод воняет так, что наверно на небесах слышно.

Камни стен промозглого коридора лежали друг на друге, и между ними не было видно никаких следов раствора или цемента. Я посмотрел на свой новый взвод. С морпехами конечно ни в какое сравнение не идут, но для здешних мест это лучший выбор.

- Именно это ты имела в виду под Патриком, не так ли?

- Патрик? О чем ты, черт возьми?

- До того, как Новички высосали нам мозги, ты посмотрела на меня и сказала «Патрик». Как я понял,

ты имела в виду обращение монстров, как Святой Патрик обращал ирландских варваров.

Она нахмурила свои рыжие брови, не особо вникая в мои слова.

- Я сказала «батарея», а не «Патрик», идиот!

Я уставился на нее.

- То есть, ты не имела в виду, что мне надо обращать демонов в свою веру?

Арлин молчала так долго, что мне показалось, она уснула.

- Флай, - произнесла она наконец, так мягко, словно говорила с ребенком. – Откуда мне знать, что Новички отправят нас именно сюда?

- Оу, - я покраснел как помидор. – Полагаю, об этом я не подумал.

- Я сказала «батарея» - нужно было найти батарею, источник энергии. Должна быть какая-то связь, жесткая связь между оперативной памятью, в которой мы запущены как программы, и шиной, материнской платой или как там ее – той самой штукой, в которую вставляются другие железки!

Я покачал головой.

- С чего ты взяла, что у их компьютеров именно такая конструкция?

- Я не знаю точно, но возможно, они используют что-то похожее! Эта быстрая симуляция – помнишь, как Реаниматоры сказали, что хотят все ускорить? – жрет чертову уйму энергии. Вообще, чем быстрее идет симуляция, тем больше энергии должна потреблять машина, и эта энергия должна откуда-то поступать.

- Ладно, согласен, где-то есть источник. Ну и что? Мы все равно не можем его вырубить – теперь от него зависят наши жизни.

Арлин с шумом выдохнула.

- Да мы и не будем его отключать! Это наш ключ, наш выход отсюда. Если у нас получится скомбинировать блок данных, которым мы заданы в симуляции, с потоком энергии, мы сможем выбраться из этого чертового места и вообще из компьютера. Может, мы даже сможем попасть в оперативную систему корабля Реаниматоров.

- Думаешь, мы на корабле? С чего бы?

Девушка пожала плечами. В этом жесте она была так похожа на настоящую Арлин, что у меня мурашки по коже побежали.

- А что им еще делать? Летать вокруг горы, с которой мы убрались? Что вообще представляет для них система Хамелеона? Вероятно, она ближе всего к вожаку Новичков. С чего им еще сюда лететь?

- Допустим... допустим, Новички с корабля были частью армии, что перебила всех Фредов. Что если... они прилетели в систему Хамелеона по другой, более важной причине?

- Какой?

- Может, в поисках нас?

Арлин молча смотрела на меня, ожидая разъяснений. Я продолжил:

- Может, они нашли какое-то упоминание о нас, о нашем, так сказать, небιологическом статусе и о том, как это напугало Фредов. И после этого они начали охоту за нами. Может, они знали, что здесь наша ближайшая база, а может, нашли ее в записях Фредов.

- Сюда невозможно прилететь так быстро. Мы путешествуем, считай, со скоростью света – ничто не может лететь быстрее. И эта планета не была заселена, когда мы покинули Землю.

Я пожал плечами.

- Они были на пути сюда. Наш пленник так сказал!

Арлин медленно покачала головой, закрыв глаза и почесав нос. Никаких вопросов, заданных вслух – как раз в ее стиле. Образ был точен до мелочей. Арлин Сандерс в этом мире была не просто компьютерной программой, созданной, чтобы обмануть меня. Реани-люди на самом деле высосали ее душу и заточили здесь. У меня были сомнения на этот счет, пока я ее не встретил.

Я взглянул на Шмыг. Она выглядела напряженной, но не шипела в ярости и в бой не лезла. Очевидно, красные дьяволы были взволнованы, но еще не решили сходить сюда и посмотреть, в чем дело.

- Эй, капрал, - спросил я, - ты правда хочешь пройти через эту дверь и сразиться с адскими принцами?

- Не особенно, дорогой.

- Как ты отнесешься к идее заставить колючек и зомби расширить разлом так, чтобы мы все в него протиснулись?

Арлин подняла одну бровь – выражение, которому она денно и ночью училась месяцами, когда заметила его по телевизору.

- Весьма логично, командир.

Я отпрянул в ужасе.

- Господь Всемогуций, не называй меня так, будто я офицер какой-то! Офицерам нужно колледж заканчивать, а ты знаешь, какого я мнения о выпускниках колледжей.

Она знала. Я тысячу раз об этом говорил. До того, как меня повысили до капрала, я был помощником младшего офицера на Пэррис-Айленд. Отдаешь новобранцу приказ, и даже если он его не понимает, все равно помчится исполнять.

Но сержант Гофорт, который раньше был инструктором по строевой в школе подготовки морпехов в Квантико, рассказывал, что когда он отдал приказ кандидату в офицеры, смысл которого пацан не понял, тот встал как debil и попытался догнать его суть!

- Сэр, кандидат перед вами не понимает суть приказа младшего офицера!

Сержант Гофорт из кожи вон лез, чтобы заставить кандидатов сделать хоть что-то. Что угодно, лишь бы не сидеть на месте и не сотрясать воздух обсуждением ситуации!

А особенно сержант ненавидел недотеп-офицеров, которые после отданного им приказа просто переспрашивали «сэр?» и пялились на него в крайнем замешательстве, будто никогда раньше не слышали подобной команды. Как будто никто в мире до них не слышал такой команды. Как будто ни в чью здоровую голову в принципе не могла прийти мысль отдать такой дикий приказ!

- Ты, штопаный кусок дерьма-а! Просто нахер хватай штопаный флаг и ЧЕШИ, и чтобы никакого нахер «сэр?» я больше не слышал, или БАШКУ тебе оторву и в жопу засуну!

Сержант Гофорт был родом из Северной Каролины, и его ненависть к выращенным в колледже кандидатам в офицеры прослыла притчей во языцех.

Вот такое оно, воспитание в колледже. Там говорят, что учат вас думать, но как по мне, на деле там учат лишь попусту тратить время сержантов.

Я тихонько присвистнул, привлекая внимание. Олестрадамус сменил на посту Шмыг, и все колючки – вместе с рядовым Доддом – принялись разламывать стену, расширяя разлом, пока он не стал достаточно просторным для всех нас. Рядового я старался не выводить из тени, до сих пор не представляя, как Арлин отреагирует на своего бывшего, представшего перед ней в образе ходячего мертвеца. Мне бы хотелось как-то смягчить остроту ситуации. Может, я совершил ошибку, когда взял рядового с собой?

Заметив Додда, Арлин так побледнела, что ее стало даже лучше видно в темноте. Она прислонилась к стене и часто задышала, уставившись на него. В таком виде она видела Додда не в первый раз. Тогда он встретился нам на Деймосе, сразу после того, как мы прошли через другие Врата – точно такие же, как и предыдущие, только эти находились с той стороны разлома, который мы коллективно расковыривали. В тот раз он показался из темноты с намерением разорвать нас на части, и в его мозгах так основательно покопались, что он в принципе не был способен понять, что его будущее уже предрешено.

Тогда мне было больно – не физически, а душевно. Я знал, что мне придется пристрелить сукиного сына, что Арлин после этого навеки меня возненавидит, а потом возненавидит себя за то, что возненавидела меня за исполнение своего долга. Но случилось чудо – первое за все время, но не последнее. Арлин нашла в себе силы прикончить зомби-Додда самостоятельно. После этого нам уже можно было обойтись без ненависти друг к другу.

Для нее выстрелить в Додда было сложнее, чем пройти через весь ад. Это одна из причин, по которой я так любил свою боевую подругу. А сейчас... как все сложится сейчас, когда рядовой Вильгельм Додд стал членом нашей команды? Додд, который не помнил ни проведенных вместе с Арлин ночей, ни того, что любил ее, ни того, что однажды уже был ею застрелен. А вот сама Арлин помнила все, в том числе убийство своего парня. Она размазала его мозги по стенке и смотрела, как его тело падает на пол, словно спиленное дерево.

- Господи, - пробормотала она, закрыв глаза и пытаясь отдышаться. – Боже, Флай. Ты и его... встретил?

Я не знал, стоит ли упоминать Альберта. Может, ей станет проще это пережить, а может, наоборот.

Она думала, что любит Додда, пока не встретила Альберта Галлатина. Но может, ее чувства к Альберту были так сильны именно в свете того, что она сделала с Доддом, и того, что разделяли мы все: уничтожения нашей планеты и всего человечества. По крайней мере, эти мысли точно возникали в ее голове. Если бы я с моим ограниченным интеллектом смог понять ее, уверен на все сто, я бы понял, что Арлин ими одержима.

Она запрятала эмоции подальше и снова стала морпехом. Это не тот Додд, которого она любила. Он был лишь мертвой оболочкой... а теперь еще и членом нашего взвода. Она сделала то, что должна была сделать как морпех – *semper fi*, Мас.

Импы-колючки были заняты, разбивая каменную кладку. Мы попытались им помочь, но человеческие руки были слишком слабы и не приспособлены для грязной работы. Мы ловили падающие камни и откидывали их в сторону, стараясь работать как можно тише. Розовые демоны конечно вели себя очень шумно, и адские принцы могли не обращать внимания на грохот, но последнее, что я хотел - это...

Мы почти довели дело до конца. Шмыг и другие колючки – Псих, Проглот, Хмык и Чавк – использовали свои железные когти, буквально разрезая ими камень. Разлом уже был достаточно широк для нас с Арлин (и Додда, конечно же), да и демоны при желании могли протиснуться, но тыква Олестрадамус была для нас большой проблемой. Я щелкал пальцами, пока не привлек ее – его? – внимание и жестом подозвал к себе.

- Ты можешь сдуться? – спросил я.

Олестрадамус ничего не ответил, но выглядел озадаченным.

- Я имею в виду, ты можешь как-нибудь стать чуть уже и протиснуться через этот пролом?

Олестрадамус подлетел к разлому и уставился на него. Тыквы говорить не умели. Я понял, что обратил его, когда он перестал открывать рот и швыряться в меня светящимися шарами. Рассказываю, как все произошло: мы перестреливались с тыквой в маленькой комнате, Шмыг, Чавк и я спрятались за каменным подобием кресла, построенного для огромного монстра с такой же жесткой каменной задницей. Пока тыква летала из угла в угол, паля в нас своими шарами, мы прокричали ей свою речь о симуляции. Я прикусил язык на полуслове, когда Шмыг закричала:

- Повелитель явит чччудо! И тогда ты убедишься!

Черт, в этот раз уже не прокатит просто закрыть глаза и представить вазу с цветами посреди комнаты! Что мне представлять-то? Может, «вспомнить», что вода в фонтане на самом деле была вином?

Конечно, здорово, отличная идея... только в этот раз она не прокатит. Я не мог «вспомнить» что-то настолько отличное от того, что действительно хранилось в моей памяти. Может, если бы я был одним из религиозных учителей Арлин, о которых она столько читала – Бодхисатавас, или как там его, – то мог бы ясно представить себе целую планету Фредов, где тыквы были мячами в пляжном волейболе, импы – болванчиками для краш-тестов, а розовые демоны носили обезьяньи костюмы и готовили коктейли.

Но я был всего лишь Флинном Таггартом, и моя память служила мне слишком хорошо, чтобы позволить играть в эти игры. Увы, я помнил лишь то, насколько быстро тыквы выходят из себя. И это было еще одним доказательством того, как насколько хороша моя память в этой электронной симуляции. Хотелось бы мне, чтобы Сэарс и Робак тоже были членами нашего взвода. Эти гигантские гориллы Магиллы своими ручищами приплюснули бы тыкву без особого труда.

А в следующий момент произошло нечто невообразимое. После полетов по комнате, освещенной синеватым светом мигающих ламп, тыкве удалось втиснуться в небольшой закуток между каменным креслом и лампами на потолке. В попытках освободиться тыква извернулась так, что ее широкая пасть указала точно в потолок.

Пытаясь достать нас в приступе ярости – мы были так близко, что могли до нее рукой достать – тыква запустила своим шаром... точно в одну из ламп. Электросхема лампы, должно быть, отреагировала на короткое замыкание как конденсатор, мы увидели целый фейерверк из искр, и тыкву отшвырнул удар током, по величине в сотни раз выше, чем напряжение ее собственных шаров, судя по едкому запаху озона.

Разряд прошел по каждому нейрону в мозгу тыквы. Он начисто стер всю ее память, все рефлексy, что позволило мне проникнуть в самые темные уголки ее сознания и обратить ее прямо там, на месте. Я почувствовал себя Богом, играясь с ее сознанием. Тыква была обращена, мы с ней подружились.

Оказывается, даже они умеют говорить – просто им почти нечего сказать (и еще проблема - полон рот горячего наэлектризованного воздуха, хе-хе). Их голос настолько низок, что человеческое ухо едва способно его уловить. Когда Олестрадамус что-то говорил, было ощущение, что кто-то крутит кассету с записью речи Дарта Вейдера, замедленную в два раза.

Я выжидающе смотрел на Олестрадамуса. Вдоволь насмотревшись на разлом, он повернулся к нам и с досадой произнес:

- Н-н-нет. Н-н-не м-м-могу п-п-пролезть.

Мне было интересно, все ли тыквы так заикаются при разговоре или мне попалась особенная.

Олестрадамус повернулся к двери, чтобы вернуться на свой пост, да так и замер: в проходе стоял адский принц. Наверху стало подозрительно тихо, и козлина решила-таки проверить, в чем дело. И - какая удача - он выбрал как раз тот момент, когда дверь никто не охранял!

Адский принц вник в ситуацию раньше меня. Он вскинул свою лапу и швырнул комок зеленоватой энергии, появившийся из его запястья. Но Олестрадамус оказался быстрее! Я поверить не мог, что такое возможно. Никогда не видел, чтобы тыквы действовали настолько быстро. Тем не менее, он оказался между нами и адским принцем как раз вовремя, чтобы подставиться под зеленый комок, предназначавшийся Арлин.

Олестрадамус заорал от боли вперемишку с яростью и стал швыряться светящимися шарами в ответ. Я повернулся к Арлин.

- АС, давай шевели уже своим шикарным задом!

Я бесцеремонно схватил ее за шкурку и мягкое место и швырнул через разлом, услышав, как ее лицо в десятке футов внизу шлепнулось во что-то, по звуку напоминавшее болотную грязь.

- Шмыг, Псих, Чавк, Додд – давайте через разлом!

Мои апостолы протиснулись в щель, достаточно широкую для колючки, и последовали за Арлин. Я надеялся лишь на то, что моя подруга успела откатиться достаточно далеко, прежде чем двухсоткилограммовая колючка шлепнется на ее голову.

Вскинув дробовик, я попытался стрелять, не задевая Олестрадамуса, но чертова тыква была слишком жирная, слишком круглая! Они с адским принцем... э-э... кажется, я должен сказать «дрались клыками и когтями», но здесь будет более уместно «перестреливались из ротовой и ручной пушек». Эти две расы так ненавидели друг друга, но почему? Я вспомнил адских принцев, нарисованных на стенах камеры с тыквами и мертвых сдувшихся тыкв, заваливших весь пол в коридоре под контролем принцев. Полагаю, только паук ненавидит паровых демонов еще больше.

Они оба порядком потрепали друг друга. Олестрадамус закрыл собой весь коридор, а адский принц встал в дверном проеме, и это было здорово – я едва мог заметить вторую тварь позади первой, а тот не мог швыряться зелеными шарами сквозь своего собрата.

- Забудь о нем, давай за нами! – завопил я. – Мы через разлом... отступай и лети в укрытие – ты нам нужен, чтобы других обращать!

Олестрадамус не слышал. Он был слишком занят, разъясняя своему врагу, что значит навлечь на себя гнев тыквы.

А потом я услышал то, чего боялся больше всего: звук сдувающейся тыквы, что встретила свою смерть. Олестрадамус превратился в кучу похожей на резину плоти на полу, и эта плоть больше не изрыгала молнии.

У нас только что появился первый мученик в священном походе наказания неверных.

Я отступил в тень разлома. Тупой адский принц настолько увлекся убийством своего расового врага, что начисто позабыл обо мне и других членах команды. Шатаясь, он сделал несколько шагов вперед, очевидно, уже мертвый процентов на девяносто.

Я был счастлив поставить последнюю точку в его жизни. Когда он присел над телом нашего любимого Олестрадамуса, самого умного из всех летающих существ, когда-либо встреченных мной, я вскинул дробовик и выстрелил в упор в его висок. В тот момент мне хотелось одного – держать в руках полюбившуюся двустволку, которая досталась мне в одной из земных битв.

Полагаю, Олестрадамус покоцал адского принца даже больше, чем мне показалось сначала. Я ожидал, что ему будет тяжело выстоять, но он выглядел так, словно ему в грудь ракетой попали, а он еще как-то умудрился выжить. Он тяжело рухнул на пол, последний рев вырвался из его груди. Спустя десять

секунд он был мертв, а из его головы вытекала зеленая кровь, смешанная с перемолотыми в жижу мозгами. Второй козел-переросток стал швыряться в меня шарами, но было уже слишком поздно. Я сделал еще шаг назад и полетел через разлом на мокрую землю вниз. Падение было не самым мягким – меня оглушило. Когда я пришел в себя мгновение спустя, то увидел, что подо мной образовался силуэт эдакого огромного грязевого ангела.

Адский принц подошел к разлому и попытался стрелять через него, но мы спрятались за каменным навесом, где он никак не мог нас достать. Спасибо Сатане, наши бесстрашные импы не успели сделать разлом еще шире – тогда огромный козел протиснулся бы за нами.

Арлин помогла мне подняться, и я рассказал команде, что произошло с несчастным Олестрадамусом. Арлин тоже понравилась идея объявить его или ее мучеником, и я объяснил суть Шмыг, чтобы она потом смогла передать ее остальным апостолам.

Над нами раскинулось ужасного цвета небо. Мы вгрызлись больше чем на два километра вглубь твердой породы Фобоса. И здесь, прямо над головами мы увидели звезды! Разумеется, их расположение не соответствовало реальному, но оно и не должно было – в конце концов, это всего лишь компьютерная программа.

На другом конце поля я увидел возвышающуюся платформу Врат.

- Ладно, парни, - указал я на нее. – Мне неприятно это говорить, но если мы хотим найти источник энергии, нам пора убираться с Фобоса.

Арлин вскинула брови и пожала плечами.

- Ну что ж, сайонара, Фобос. С нетерпением жду, когда смогу вернуться и погостить тут подольше.

Ага, точно, АС.

17

Морпехи как кошки. Они спят вполглаза и постоянно принимают, словно вечно голодные тигры. Они могут спать стоя, в невесомости, спускаясь по лестнице и даже маршируя на плацу. Не пытайтесь подкрасться к спящему морпеху – Иисус, парящий над водой, создает достаточно шума, чтобы его разбудить. И едва морпех просыпается, он вскакивает на ноги, хватая винтовку и готовится к бою так быстро, что самый быстрый микропроцессор за это время не успеет обработать и строчки машинного кода.

Я – исключение из этого правила. Флай Таггарт просыпается, не помня собственного имени, сонный и заторможенный, протирая глаза, в которых еще видны остатки сна. Меня шатало как того переделанного Фредами зомби, рот был словно ватой наполнен, и я нечленораздельно мычал, выпрашивая живительного кофе. Чтобы привести меня в чувство утром, обычно требовалось два новобранца и один крепкий рядовой. В этот раз за них отдувалась младший капрал. Арлин вытащила меня из комы простейшим из возможных способов: она начала пинать меня по ребрам, сначала аккуратно, потом все жестче и жестче, пока я, все еще с закрытыми глазами, не выставил свой мясистый кулак и не поймал ее за лодыжку. Не проснувшись и наполовину, я дернул ее за ногу и заплетающимся языком пробормотал что-то о том, что не стоит пинать мужика, когда тот пытается немного вздремнуть. А затем я моргнул и проснулся. Сел в грязной луже, поросшей стучками острой, хрупкой синей травы, которая вроде как колыбалась на ветру, хотя не могу сказать точно. Арлин уже проснулась и смахивала грязь с униформы, потирая колено.

- Твою мать, сержант! – произнесла она громким шепотом. – Я только хотела разбудить тебя без лишнего шума.

Поняв намек младшего капрала, я тоже понизил голос.

- Что тут происходит? Последнее, что я помню – как был привязан к столу, а Новички со своим пылесосом пытались высосать мои мозги.

Я огляделся. Мы сидели на вершине небольшого, слегка морщинистого холма. Вдалеке я увидел построенный людьми корабль, Позор Смертельным Деконструктивистам. Он выглядел еще меньше, чем я представлял, особенно на фоне воспоминаний о корабле Фредов. Мне до сих пор хотелось увидеть их рядом. Этот корабль, однако же, выглядел проще и был более гладкой формы. Во все стороны до самого горизонта раскинулась плоская равнина, то тут, то там к небу тянулись тонкие и безмерно высокие стволы деревьев. Они так плавно покачивались от малейшего ветерка, что вполне возможно, это была просто очень большая трава.

Весь сегодняшний день был окрашен оттенками голубого. Я точно помнил, что пустыня, по которой мы брели, оставив корабль Фредов, была серо-коричневой, без намека на голубой. Я нагнулся и осмотрел землю: голубые пятнышки, которые окрашивали всю территорию, на самом деле были крошечными жуками. Почти микроскопические насекомые покрывали все, даже меня с Арлин. На мгновение я съежился от страха – никогда не любил жуков. Но сейчас я ничего не мог поделать, да и боли они мне не причиняли. Даже Кегля, и тот нас покинул. Понятия не имею, куда он делся, но с нами этого маленького предателя поневоле не было.

- Арлин...

- Да, я знаю. Ты даже сбросить с себя их не можешь. Полагаю, они питаются микробами, так что могут даже пользу принести.

- Арлин, в какую жопу нас на этот раз занесло?

Она пожала плечами. Из-за голубых существ ее ярко-рыжие волосы стали фиолетовыми.

- Все, что я могу вспомнить, это как Реаниматоры пытались высосать наши души. Мой нос до сих пор болит.

Теперь, когда она об этом сказала, я тоже почувствовал, что в моем носу будто кто-то перфоратором поработал.

- Но мы все еще живы, как мне кажется. Ты ощущаешь себя как-то иначе?

Девушка покачала головой.

- Никаких изменений. Какая бы душа ни была у меня раньше, эта ощущается точно так же.

Она повернула голову и скосила глаза в направлении корабля.

- С другой стороны, даже если ее поменяли, как мы с тобой это поймем?

Я попытался встать, но она жестом попросила меня присесть.

- Флай, там кое-кто есть у подножья холма.

- Кто?

- Твои обращенные – все четырнадцать, кто остался в живых. Сэарс и Робак тоже там – их тела, по крайней мере. Эти гады Новички их прикончили, чтобы заткнуть – близнецы бы до последнего оспаривали применение такой машины, и когда Реани-люди начали высасывать твою душу, клэвийцы напали на них.

- Ого! Убили кого?

- Я поверить не могла, насколько они сильны. Их маленькие ножки крутились как гироскопы... ну, знаешь, когда они перебирают ими так быстро, что мы лишь нечеткий след видим? Они по всей комнате носились, ломали спины, крушили черепа своими огромными лапищами горилл Магилл. Потрясающее зрелище.

- И скольких они завалили?

- Как минимум восьмерых Реани-людей, пока эти идиоты пытались прицелиться. Попробуй прицелиться в кого-то, кто движется так быстро!

- А ты могла бы помочь им.

- Да, но каким образом? Они так быстро скакали из стороны в сторону, что мне казалось, будто я на НЛО смотрю! А потом, должно быть, молекулы Новичков в мозгах одной из Реани-женщин дали о себе знать. Она схватила лазерное ружье и спустила курок, паля по всей комнате. Ты знал, что клэвийцы могут прыгать как заправские мартышки?

- С такой скоростью они наверно и по стенам бегать могут.

- Но в конце концов их достали. Разрезали одним движением руки.

Я моргнул. Ну, блин, отключился на пять минут раньше и такое пропустил! Это как выйти из кинозала за поп-корном, а вернуться уже когда гигантские муравьи сожрали весь город Остин.

- И что потом?

- Они покончили с тобой, будто ничего и не произошло. Потом посмотрели на меня, и вот я уже очнулась здесь. Там я рядом с тобой лежала. Ты был бледный как гранит, хотя сердце твое еще билось, а легкие вздымались. Как я поняла, они убили твое сознание... полагаю, именно об этом говорил Токугавита.

- Как ты узнала, что они все там внизу?

- А ты как думаешь? Я же разведчик в Корпусе. Доползла до вершины холма и оценила обстановку.

Они все там, собрались в круг – похоже, собираются провести какой-то шаманский ритуал. Головами качают аки голуби.

Я как мог тихо и бесшумно подполз к указанному Арлин месту и взглянул вниз на наших обращенных. Увидел надкапитана и нескольких его подчиненных.

- Шаманский ритуал? Арлин, они молятся. Ты что, в церкви никогда не была?

- Я про это и говорю, магический ритуал, - моя подруга прилегла рядом со мной. Она так мило выглядела, что я не мог сдержать улыбки.

- Интересно, о чем они молятся?

Я бросил раздраженный взгляд в ее сторону.

- Очевидно же, дурочка. О спасении наших тел и возвращении наших душ.

Арлин поджала губы и удивленно вскинула брови.

- Друг, ты правда хочешь сказать, что эта ерунда работает?

- Полагаю, в этот раз сработало. Вперед, детка – давай спустимся и напугаем до чертиков этих туземцев.

Выбора у нас не было, поэтому мы поднялись на ноги и величественно спустились с холма. Когда мы были почти у подножья, один из обращенных вскрикнул и показал в нашу сторону. Он открывал и закрывал рот, но не издавал ни звука. Еще через три секунды все остальные повскакивали и уставились на нас в благоговейном ужасе. Я встал на месте и развел руками.

- Узрите! Я восстал из мертвых. Такова будет и ваша награда за непоколебимую веру!

Я почувствовал покалывание в затылке и не посмел поднять глаза. Я знал, что это было: Господь - Гневный Отец желал своими глазами увидеть такого наглого богохульника. Но все это делалось лишь во благо! Нам надо было поддержать их веру, чтобы Новички не смогли снова в них забраться. Сильная вера, как и вера вообще, каким-то образом их останавливала. Может, возникал какой-то химический дисбаланс? Даже думать не хочу, пусть университетские всезнайки этим занимаются. Мне хотелось только одного – уничтожить всех ублюдков до последнего.

Току и другие обращенные налетели на нас как саранча на пшеничное поле, и Арлин пришлось отталкивать их, чтобы они не раздавили меня.

- Спокойно, спокойно, клоуны! Выметайтесь вот за эту линию. Кто подойдет ближе, чем на четыре шага – голова с плеч полетит.

Мы успокоили толпу, и Токугавита смог рассказать, что произошло после нашей с Арлин смерти.

- Не знал, что делать, - объяснил он, подняв руки. – Сказали, что вы мертвы, что в вас больше нет души. Не заметил признаков жизни, так что поверил.

- Не понял, - недоумевал я, - так их устройство сработало или нет?

- Скинули тела со столов. Реаниматоры отдали их нам и сказали, что теперь они лишь бесполезные куски мяса. Отмахнулись от нас, сказали, что нас не исправить, стали уничтожать. Вера вызвала критическую ошибку в операционной системе.

Я улыбнулся. Мне оставалось только гадать, каким было выражение лиц Реани-людей. Совершенно неожиданно их вытеснили из того, что Бог знает сколько служило им родным домом – из человеческого сознания. Как по мне, теперь они были действительно напуганы.

- Они до сих пор там? – я указал на корабль.

- Так точно, командир. До сих пор там, но не достать. Активировали все защитные системы.

- И изгнали они людей.

Прелестные слова, сказанные таким знакомым голосом...

- И стали они жить на западе райских кущ, и пламенным мечом разили каждого, кто осмелился приблизиться к древу жизни.

Пораженный, я повернулся к Арлин.

- Не знал, что ты можешь наизусть цитировать Библию.

- Я и не могу. Только этот отрывок помню. Должно быть, услышала его в фильме или где-то еще.

- Активировали последовательность запуска, - продолжил надкапитан. – Корабль взлетит через полчаса. Нужно найти укрытие, или сторим моментально.

Остальные члены Роя Грозных Мух похватили свои пожитки, а я поймал себя на мысли: если бы мы с Арлин не появились прямо здесь, они что, так и продолжили бы сидеть на месте, пока двигатели

корабля сжигают их заживо? Я вздрогнул от этой мысли. Веру в них вселили, теперь надо бы поработать над здравым смыслом.

Мы склонились над телами Сэарса и Робака. Раны не выглядели слишком серьезными, но от нас миллион километров до медицинской станции на корабле. Но и оставить их здесь мы не можем! Если тела сгорят, их души не только будут обречены скитаться по пустынной равнине, покрытой голубыми жучками, но и прочувствуют каждое мгновение под огнем двигателей.

- Господи, Флай, невероятная храбрость со стороны близнецов. Я имею в виду, мы же за сотни световых лет от Клэйва. Они знали, что их шансы спастись нулевые.

Арлин присела на корточки и взглянула на клэвийцев. Вот уж от кого никак не ожидаешь геройства.

В голове забрезжила идея.

- Току, у вас есть ховеркар, вездеход или что-то в этом роде?

Надкапитан озадаченно почесал подбородок. Ему определенно стоило побриться. Он начинал походить на мартышку, скачущую на задних лапах.

- Не знаю. Другое подразделение.

Да чтоб тебя, будь он проклят, их ультраиндивидуализм! Я собрал всех в круг около нас.

- Итак, будущие морпехи, кто-нибудь из вас водил транспорт с того корабля?

В ответ тишина и качающиеся головы.

Арлин положила руку мне на плечо.

- Прошу прощения, сержант, ты не так их спрашиваешь. Можно я попробую?

Я выждал немного и хмыкнул в знак согласия.

- Парни, - начала она. - Кто-нибудь из вас видел здесь на земле транспорт?

В тот же момент шестеро подняли руки. Все они начали говорить одновременно, но потом сравнили версии друг друга и указали в сторону кормы корабля.

- Около трех километров, - разъяснил надкапитан.

Как мне хотелось придушить этих тупиц! Вышвырнуть их из корабля... черт возьми! Я посмотрел на Арлин.

- Ну что, Флай. Мы оба знаем, кто из нас лучший бегун.

- Вперед, детка, и ради всех святых, промчись эти три километра так быстро, как только можешь. О, подожди. Кто из вас быстро бежит?

Все до единого подняли руки. Я закатил глаза. Да окажись я на острове, где все либо всегда говорят правду, либо всегда лгут, мне было бы проще понять своих собеседников!

Да, я понимаю, что каждый из вас – самый быстрый бегун в своем наряде. Давайте так: укажите на того, кто по скорости бега идет сразу за вами.

У нас в компании было четырнадцать обращенных. Шестеро из них указали на одного парня, четверо – на второго, и оставшиеся двое указали друг на друга. Двое победителей были напуганы внезапным вниманием к их персонам и не указали ни на кого.

- Так, отлично. Ты и ты, дуйте за капралом Сандерс. Вперед!

Я присел перевести дух и успокоиться. Мне хотелось гвоздей позабивать в их головы. Когда спустя двадцать одну минуту на горизонте появилась Арлин с парнями в ховеркаре, я сидел в той же позе. Все оставшиеся нервно поглядывали на часы – все кроме надкапитана Токугавиты, вера которого в меня была поистине безгранична. Я не позволю им погибнуть, даже если не могу напрямую контролировать поиски транспорта!

Машинка была похожа на ту, на которой я рассекал по Фобосу пару веков назад, за исключением размеров – эта была достаточно большая, чтобы собрать по пути несколько тонн образцов. Голубая машина десяти метров в длину и двух в ширину. Мне понравилось лететь в шести метрах над землей на машине, которая поддерживала высоту с помощью механизма вроде воздушной подушки – все лучше, чем те вентиляторы, которые поддерживали в воздухе транспорт на Марсе. Двигатель не был ничем прикрыт. Его конструкция ничуть не похожа на то, в чем я копался в автопарке Пендлтона несколько лет и пару званий назад.

Инженер по имени Абумаха, наблюдавший за кораблем, известил нас, что из хвостовой части пошел дым. Стало быть, у нас три минуты до того, как посуда отправится в космос.

- Всем внимание! Все свои пожитки закидывайте на борт, о порядке и приказах не волнуйтесь. Вперед!

Мы с Арлин собственноручно затащили тела близнецов, осторожно уложив их на кучу курток и прочей одежды. Парни (и две девушки) вскочили на борт ровно в тот момент, когда хвост корабля стал слишком ярким, чтобы смотреть невооруженным глазом. Реани-люди запустили термоядерный реактор.

- Арлин, - мягко сказал я. – Погнали отсюда к херам собачьим.

Она нажала на педаль газа, и меня вдавило в сиденье. Один из членов команды чуть не вывалился за борт, но Токугавита поймал его за волосы и закричал и затащил обратно. Через минуту между нами и кораблем было уже на полкилометра больше. В этот момент потемневшее небо вспыхнуло с яркостью тысячи солнц. Корабль отрывался от земли. Мы гнали быстро, еще быстрее, но взрывная волна все равно нас нагоняла. Она так сильно затрясла нашу телегу, что Арлин выключила двигатель и остановилась. Отлично. Следующий толчок вышвырнул меня наружу. Я тяжело приземлился, слишком ошеломленный, чтобы попытаться встать, но не слишком – чтобы хохотать над попытками Арлин выровнять вездеход и подобрать меня. Земля подо мной задрожала, и я остался сидеть, пока сзади происходила реакция синтеза, достаточно яркая, чтобы выжечь мою сетчатку за миллисекунду. В конце концов, ей удалось выровняться, закинуть меня в кабину и продолжить путь. Корабль позади нас преодолел нижние слои атмосферы, и до нас больше не доносился грохот газа, взрывающегося в двигателе, горячем как ядро звезды.

- Куда ехать, о, Повелитель? – спросила Арлин.

- А ты сама как думаешь? Обратно к кораблю Фредов, чтобы воскресить там Сэарса и Робака. Если кто-то знает, как объехать эту скалу, можете брать управление на себя. И, Арлин... пусть кто-то другой поведет, ладно? Мне бы хотелось добраться туда невредимым.

18

- Нет, нет, видел их! Видел в компьютере!

Надкапитан Токугавита изо всех сил пытался убедить нас с Арлин, что всасыватель душ Реани-людей действительно работал.

- Но теперь-то мы не в компьютере, - терпеливо объясняла Арлин, что было необычно для нее. - Конкретно сейчас мы сидим в хOVERкрафте и слушаем твои бредни о том, как нас высосали из собственных тел и отправили в компьютер.

Токугавита тяжело вздохнул и закатил глаза, вскинув руки в самом узнаваемом жесте всех времен и народов – огромном разочаровании.

- Тогда кто там был? Сами сказали, что оба были в компьютере и боролись с монстрами, точно по книге.

- Книге? Какой книге? Что ты...

- «По колено в крови» и «Ад на Земле», - ответил я за надкапитана. – Книжки, написанные Джилл. Там говорится о монстрах, которых Фреды-генетики разработали специально для нас на Фобосе и Деймосе – ну, знаешь, колючки-импы, паровые демоны, пауки, скелеты. Все те твари, ради убийства которых стоило жить дальше.

Арлин уставилась на меня, открыв рот.

- Он хочет сказать, что мы дрались с паровыми демонами в компьютере?

В лицо дул сильный ветер, но недостаточно сильный, чтобы я снова полетел за борт. Реани-люди на корабле улетели, и водитель сбросил скорость. Парня звали Блинки Абумаха, и на корабле он был инженером по работе с термоядерным топливом. Чертовски полезный товарищ, если мы собираемся когда-нибудь свалить с этой планетки. Я встал, вглядываясь в горизонт. Ветер швырял песчинки мне в лицо, да так ровно, что со стороны песчаная корка на лице могла сойти за сильный загар.

- Оставь его, Арлин. Полагаю, Току говорит чистую правду. Эта штука действительно работает.

- И ты туда же, Флай? После падения ты видимо на голову приземлился.

- Она и правда вытащила наши души... только вот Новички, владеющие этой технологией, не имеют представления об иных видах душ, кроме своего собственного – стандартный галактический вид. Им известно только о так называемой биологической душе, как у Сэарса и Робака – которая даже после смерти шляется в виде призрака.

- Ты хочешь сказать, у нас какой-то другой тип души?

- В этом есть смысл, не так ли? Арлин, мы единственные существа в галактике, кто может умереть. И мы единственные, кто имеет представление о вере. Ну разумеется, наши души устроены как-то иначе!

- То есть, ты утверждаешь, что их машина...

Я снова повернулся к своей подруге. Она застыла, прикрыв рот рукой. Глаза за темными стеклами очков были широко раскрыты.

- Думаю, теперь ты поняла, - мягко ответил я.

- Машина скопировала наши души! Значит, где-то есть вторые версии Флая и Арлин, которых отправили по второму кругу бороться с монстрами Фредов. Ох, блин. Бедные... то есть, я хотела сказать...

- Бедные-несчастные души. Говори, Арлин, не стесняйся. Все именно так и есть.

Она ахнула, и на всем пути обратно до корабля Фредов я не добился от нее ничего кроме невнятного мычания. Она устремила взгляд куда-то вдаль, погрузившись в раздумья. Вокруг нас проплывал завораживающий пейзаж – километр за километром безжизненной серо-коричневой пустыни с холмами песчаных дюн, уносимых ветром. Песок был очень приятный, ощущался почти как вода... как океанские волны в замедленном действии.

- О чем задумалась? – спросил я, когда гигантский корабль Фредов, разорванный на части жесткой посадкой, появился в поле зрения.

- Ты еще не понял?

- Капрал, я не умею читать мысли.

- Ты не можешь связать устройство Новичков с Альбертом и получить пять?

- Пять? Чего пять?

Она покачала головой, и я почувствовал себя полным идиотом. Очевидно, она намекала на какой-то фильм, но я даже представить не мог, на какой именно.

- Да брось, Арлин. Ты тут эксперт по научной фантастике, а не я.

Она положила руку мне на колено.

- Потом, Флай. Хорошо?

Я попытался не думать о ее ладони, скользящей вверх по моей ноге, но мое тело отказалось мне подчиняться. Должно быть, Арлин как-то почувствовала мой настрой. Она убрала руку и мельком взглянула на юг.

- О чем это ты думаешь, Флай?

- Вспоминаю деньки на Бове, - солгал я. – Когда ты показалась в тех наклейках на соски и едва заметных трусиках, у меня заметно поднялось, хм, настроение.

- Правда? Здорово, - улыбнулась она. – А помнишь лицо Альберта? Я думала, он станет называть меня вавилонской блудницей. «Убирайся от меня, порождение Сатаны!»

- Если уж цитируешь что-то, цитируй из настоящей Библии.

- Ты имеешь в виду католическую?

- Разрешенную к печати, одобренную цензурой.

- Ладно, а что на этот счет говорится в, э-э, настоящей Библии?

- Та кстати тоже не настоящая.

Арлин закатила глаза и пробормотала какое-то страшное богохульство. А затем мы добрались до корабля и оказались прямо перед зияющей пастью хвостовой части передней кормы. Блинки Абумаха завел хOVERкрафт в разлом и провел так далеко, как мог по раскуроченному пустому грузовому отсеку, где мы провели так много часов, стреляя по воображаемым Фредам. Затем он заглушил мотор, мы слезли и потопали вперед, «через пещеры, что не поддаются описанию языком человеческим».

Мы остановились в медицинской лаборатории. За недели, что мы провели на корабле, осматривали планету Фредов и мчались по следу Новичков к этой Богом забытой планете, Сэарс и Робак неохотно рассказали нам кое-что о местных приспособлениях и о том, как они работают. Я гадал, осознают ли они, что в один день их жизни, возможно, будут зависеть от того, насколько хорошо мы разобрались в технологиях Фредов.

Мы положили тела на столы, и я посмотрел на них в упор впервые с того момента, как увидел их мертвыми в кругу апостолов. У одного из них – даже не спрашивайте, у кого именно – в груди зияла глубокая обожженная рана от лазерного луча. Причина смерти: тяжелые повреждения левого сердца, разрыв большой и маленькой аорт. У другого клэвийца из пары обожженная дыра была на месте глаза. Лазерный луч прожег сетчатку и прошил голову насквозь.

- А знаешь, - произнес я, указывая на раны, - не так уж все и серьезно.

Арлин посмотрела на меня с подозрением, так что мне пришлось объяснить.

- У клэвийцев мозг находится не в голове, а чуть ниже живота. Вот здесь.

Пальцем я нарисовал треугольник на теле гориллы Магиллы – чуть выше ног, которые могли двигаться так быстро, что мы успевали заметить только расплывчатый след.

- Ладно, - осторожно произнесла Арлин. – Может, он умер, потому что умерла его пара?

Я пожал плечами и кивнул.

- Не могу представить одного из них живым, а второго – мертвым. Может, такое невозможно в принципе.

Я попытался прощупать пульс в самых подходящих точках. Судя по моим импровизированным тестам, ни одна из горилл Магилл не была жива.

Ну что, вперед, обезьяны! – сказал я. – Хотите жить вечно?¹⁶

Только Арлин засмеялась. Полагаю, две сотни лет не пожалели мистера Хайнлайна. Мы поместили клэвийца в одну из машин, способную восстанавливать поврежденные жизненно важные органы. Если мы сможем худо-бедно их оживить, они доделают дело сами, восстановив глаз и залатав ожоги.

Машина была похожа на огромный комод, в нижний ящик которого мог поместиться Фред, а значит, места там было почти достаточно и для клэвийца. Нам удалось втиснуть волосатую гориллу внутрь, хотя в последний момент я чуть было не оторвал одну лапу, чтобы Сэарс и Робак смогли бы прицепить ее обратно после воскрешения. К счастью, до этого не дошло. Кто знает, может, при повреждении руки клэвиец вообще лишится способности двигаться, хотя никто никогда об этом не упоминал.

Я покрутил диски в левом верхнем ящике, чтобы запустить «циркулирующую систему» - вместо подписей Фреды использовали понятные пиктограммы, что здорово облегчило мне работу, ведь никто из нас не говорил по-фредски – пока Арлин просматривала казавшийся нескончаемым каталог различных существ, выискивая клэвийцев.

- Блин, Флай, им конца-края не видно! Это как в конце того идиотского фильма, «Камень Пандоры», где шесть миллионов пришельцев просили у Милта Крюгера коктейли, о которых он никогда раньше не слышал.

Она остановилась на одном изображении, но я напомнил, что самая известная особенность клэвийцев – они всегда все делают парой. Иконка, в которую она ткнула, изображала только одного представителя вида.

- Только не говори мне, что после шести миллионов лет вражды Фреды ничего не знали о строении клэвийцев!

Арлин продолжила поиск и в конце концов нашла нужную запись – как я и предсказывал, даже на иконке были изображены два близнеца.

- Ну что, готовы к веселью? – спросил я.

- Вперед, Тайгер.

Я глубоко вздохнул и ткнул в кнопку с большой нарисованной стрелкой вверх. Из голубого она окрасилась в желтый. Со скрежетом машина принялась за обработку. Мне не следовало удивляться. В конце концов, это была технология Фредов, так что нет ничего удивительного, что она звучит как скрип отказа тормозов, когда летишь к краю Вселенной.

Когда мехи перестали надуваться, а цепной транспортер – искриться, кнопка снова стала голубой. Из нижнего ящика показалась тонкая струйка дыма, и мы услышали приглушенный крик. Мы с Арлин рванули на себя дверь ящика. Внутри лежал живой клэвиец. Он часто-часто моргал и пытался сфокусировать взгляд. Арлин выдвинула ящик, и на свет Божий появился то ли Сэарс, то ли Робак. Надкапитан и другие обращенные сделали шаг назад. Очевидно, они никогда раньше не видели никого с Клэйва, и их здорово нервировали массивные руки близнеца, его бочкообразная грудь и крохотные ножки. Пациент поднялся на ноги, в замешательстве глядя вокруг, словно выискивая что-то. Наконец он нашел что искал и помчался к другому столу, глухо поскуливая. Он не обращал внимания ни на меня, ни на кого-то еще, все его внимание было направлено на своего близнеца. Я начал волноваться. Если это Сэарс (а почему бы и нет?), то как мы попросим его воскресить Робака?

А потом произошло чудо. К тому времени я уже начал привыкать к ним. Сэарс (если это был он) так долго сверлил взглядом Робака, что тот неожиданно вздохнул, кашлянул кровью и ожил.

- Ну что ж, - сказал я. – В этом есть какой-то извращенный смысл: он так страдал от одиночества, что сразу воскрес, как только у него появилась компания.

Мы оставили их наедине на пару часов. Надкапитан Токугавита стал во всех подробностях пересказывать нам нашу великую битву за контроль над Землей с монстрами, которых создали Фреды. Минут через пять я уже умирал от скуки. Либо Джилл изложила все не так, либо фотографическая память надкапитана была вовсе не такой фотографической. А вот Арлин нашла рассказ безумно увлекательным и проявила уважение к офицеру (несмотря даже на то, что по его мнению я был Мессией), заставив меня сидеть тихо и слушать, пока Току говорил, говорил, говорил, говорил... Когда он закончил, Сэарс и Робак были полностью здоровы и снова вместе, а я – отлично осведомлен обо всех своих тактических промахах двухвековой давности.

Я созвал всех на общее собрание. Близнецы представились. Я здорово повеселился, глядя, как они выделяют из толпы каждую возможную пару обращенных (по словам Арлин, таких пар было сто восемьдесят две), снова и снова повторяют слова приветствия и удивляются, когда кто-то из пары утверждает, что он уже это слышал. В конце концов я приказал им остановиться, чтобы мы не потратили ближайшие шесть лет на знакомство.

- Парни! И девушки, конечно же. Мы застряли на этой скале, в связи с чем у нас две серьезные проблемы. Во-первых, если мы не хотим здесь умирать, то должны как-то улететь. Во-вторых, и это самое важное, нам нужно догнать Реаниматоров и не дать им захватить Землю. Вопросы?

Каждый посмотрел на своего соседа. В конце концов, Сэарс и Робак осторожно подняли лапы.

- Мы знаем путь на орбиту и можем доставить туда, но не дальше.

- И как же вы доставите нас на орбиту? – спросила Арлин, наш личный Фома неверующий. – Уж не хотите ли сказать, что заставите эту кучу металлолома взлететь?

- Разумеется, нет! Но мы знаем путь на орбиту и можем доставить туда в спасательной капсуле.

Я нахмурился.

- То есть, у корабля есть спасательная капсула? С достаточно мощным двигателем, чтобы мы взлетели на орбиту?

Близнецы посмотрели друг на друга. Вероятно, теперь они выражали этим что-то вроде смеха от того, что я повторяю очевидное. Клэвийцы всегда гордились своей способностью изучать языки.

Но Арлин никак не покидал ее циничный настрой.

- Пусть так. Чем это нам поможет? Допустим, мы попали на орбиту – йо-хо-хо. А дальше-то что?

- Боевой флот! – вскочил надкапитан Токугавита. – Можем взять боевой флот с Вооруженного Народа для Подавления Вторжения!

- Какого еще вооруженного народа? Это что вообще?

- Луна этой планеты. Искусственная луна. На ней очень много межзвездных кораблей.

- Току, твою мать, почему ты раньше об этом молчал?

- Никак не использовать, - объяснил надкапитан. – Флот на луне, мы на поверхности планеты. Несоответствие.

Долгое время я стоял без движения. Внутри все бурлило так, что на мне, казалось, можно чайник кипятить. Наконец я заговорил – холодным спокойным тоном, от которого у Арлин по спине мурашки побежали. Она хотела знать, что на меня нашло.

- Парни, мне надо выйти на минутку. Проветриться, найти толстую арматуру, погнуть ее... скоро вернусь.

Этот идиотизм уже ни в какие ворота не лезет. Интересно, меня одного это так задевает? Я нашел решетку, взял в руки ботинок и шесть раз от души звезданул по металлу, как Лиззи Борден своим топором. Когда я вернулся к остальным, то чувствовал себя намного лучше.

Вернувшись и чувствуя себя очищенным, я отдал важные приказы:

- Сэарс и Робак, подготовьте спасательную капсулу. Току, Абумаха, вы знаете, как попасть на корабли и завести двигатели? Отлично, будьте готовы и помогайте клэвийцам, если потребуются. Арлин, э-э, следи за всеми остальными.

- Хы, вот уж спасибо, сержант.

- Таков удел некомандного состава. Когда все подготовите и будете готовы к взлету, найдите меня в переднем моторном отсеке. Я буду искать тела Фредов. Мне срочно надо кого-то отпинать.

Как оказалось, Фреды были не настолько сумасшедшие, как можно было представить, глядя на их архитектуру. Они уделяли много внимания собственной безопасности, как и любые другие существа в галактике, кто собирался жить сотни тысяч или даже миллионы лет. Спасательные шлюпки находились в их корабле каждые несколько сотен метров! В сохранившихся отсеках корабля их осталось целых три.

Сэарс и Робак провели остальных по самому дальнему коридору корабля. Прогулка эта далась непросто: Фреды и представить не могли, что шлюпку придется использовать на поверхности планеты. Они предполагали, что корабль не будет покидать орбиту. Следовательно, здесь не было никаких приспособлений для того, чтобы ходить по той части корабля, которая сейчас служила потолком. Вся нижняя часть превратилась в кучу смятого металла и не подлежала ремонту после замечательной посадки, устроенной близнецами, а в противоположной части все было перевернуто с ног на голову. Мы постарались в прыжке дернуть рычаг открытия люка, в итоге я поскользнулся и ударился коленной чашечкой о выступающую лампу освещения, которая должна была свисать с потолка, но сейчас торчала из пола. В конце концов близнецы нехотя подняли Арлин и поднесли к люку, пока она его открывала.

Мы забрались в люк и оказались внутри капсулы. Наше положение я бы назвал новой степенью близкого знакомства. Капсула была предназначена для пяти Фредов, не больше. Сейчас внутри забились восемнадцать существ (включая двух гигантских клэвийцев, которые были намного больше любого Фреда, даже находящегося в стадии готовности к размножению). Мы свалились друг на друга как термиты. Разумеется, если бы остальные семнадцать человек были красивыми девушками, я только обрадовался бы такому исходу. Но большинство из них было мужского пола, так что я забился в угол и просто наблюдал.

Сэарс и Робак доползли до водительского места, пинаясь и толкаясь, словно люди вокруг них были камнями. Они втиснулись в кресла основного и запасного пилота, дергая за рычаги и крутя шестеренки.

Интерьер был вполне в духе спасательной капсулы: сферическая кабина, ужасно неудобно, все в темных металлических тонах, кругом полно навигационного оборудования. Запах внутри был похож на смесь машинного масла и... кислых лимонов! Привет от зомби с Фобоса. С одной стороны торчала огромная балка в половину ширины кабины – возможно, капот двигателя.

- Подготовьтесь к немедленному взлету! – предупредили близнецы и в тот же момент нажали на кнопку старта. Вся проклятая капсула взорвалась к чертям. Именно это я почувствовал, когда она отсоединилась от корабля – сильный взрыв, от которого меня чуть по стенке не размазало. Люди и снаряжение летали повсюду, что-то тяжелое треснуло меня по щеке. Арлин закричала, но это был скорее удивленный визг, чем стон боли.

Мы пулей вылетели к орбите. Как только капсула сбросила изначальную скорость и помчалась обратно к земле, Сэарс и Робак повернули ее и включили ракетные двигатели. Они не разгонялись слишком сильно, перегрузки были не больше двух g, чтобы мы могли двигаться. Но, черт возьми, как же эти двигатели шумели! Все мое тело тряслось, резонируя с их грохотом, и кроме него я ничего не слышал. Я зажал уши (как и все остальные), но это не сильно помогло.

А потом клэвийцы врубили термоядерный двигатель, и пока мы мчались с пустынной планеты, перегрузки достигли одиннадцати g. Тут мой рассказ обрывается. Все люди отрубились, а когда близнецы привели нас в чувство, мы уже плыли в невесомости – да, как раз как я обожаю! – и по эллипсу Гомана летели на свидание с крошечной луной.

Близнецы управляли кораблем как сумасшедшие мартышки, весело информируя собравшихся, что «мы должны достигнуть луны до того, как сбросим всю реактивную тягу! Отличный шанс!»

Их поражающая сдержанность и самоуверенность мне потом не раз в кошмарах являлись.

19

Мы коснулись луны на рассвете. Рассвет – это такое место на луне, а не время. Полный лунный цикл составляет четырнадцать дней. Здесь не увидишь ползущие тени, какие можно заметить на Земле, забравшись на гору и глядя вдаль по равнине (если стоять на экваторе, вы будете вращаться вместе с

Землей со скоростью тысяча шестьсот километров в час). Эта луна меньше Деймоса, но на ней даже атмосфера была! Спутник был построен сорок лет назад и назывался Вооруженный Народ для Подавления Вторжения – ВНПВ для краткости. Мы, люди, разобрались в устройстве генераторов гравитации, найденных на Фобосе и Деймосе, разгадав последний секрет Древних. Миллионы лет до нас попытки докопаться до ответов заканчивались ничем. Но наша ли это заслуга, или Новички постарались? Когда они нас захватили?

Сила тяжести на ВНПВ была в два с половиной раза меньше земной – достаточно для удержания небольшого слоя атмосферы, в которой можно дышать. Одному Богу известно, кто построил первые генераторы гравитации вокруг Солнечной и других звездных систем. Это была одна из величайших загадок, и деконструктивисты боролись с гиперреалистами за право признать свою версию истинной. Это была причина их раздора – одна из причин, если верить Сэарсу и Робаксу. Но ни у меня, ни у Арлин до сих пор не было догадок по поводу того, зачем они вообще это делают. Сами они что-то говорили про школы литературного критицизма и какие-то одиннадцать отрывков истории.

Луна была заброшена и похожа на шахтерский город-призрак времен золотой лихорадки.

- А где все? – спросил я.

- Сели на корабль по прибытии, – ответил надкапитан, не подозревая, как прозвучит здесь его голос. – Оставлены на планете вместе с нами.

Он только что признал, что люди оставили свой пост! Они могли поступить так только по одной причине: их заразили Реани-люди с корабля. Или наоборот.

Мы не спеша пересекли ВНПВ. Атмосфера была примерно как на третьей четверти пути к вершине Эвереста, и даже медленная прогулка вызывала у меня одышку и головокружение. Аполстолов такой расклад совсем не беспокоил – помимо прочего, они упомянули, что их легкие искусственно увеличены. Мы с Арлин переглянулись. Вот, значит, почему нам было так сложно завалить надкапитана! Я начал задаваться тревожным вопросом о том, какова их продолжительность жизни: они суперсильны, возможно защищены от большинства известных заболеваний, способны выживать в мирах пришельцев... и они чтят меня как Бога?

Надеюсь, я их никогда не разочарую. Люди не очень-то благожелательно относятся к падшим идолам.

Мне раньше и присниться не могло, что я когда-нибудь буду гулять по поверхности луны размером с бильярдный мяч, гравитация на которой в два раза меньше земной. В паре километров впереди возвышалась башня. Нижнюю ее половину скрывал горизонт. Оставшаяся часть поверхности спутника была выкрашена в белые и черные полосы, что придавало ему сходство с огромной зеброй. Других конструкций я не видел, хотя, конечно, и сама луна – одна большая конструкция.

От места посадки до башни мы добрались всего за три часа. На самом деле вместо одной башни там было три, соединенных между собой железными полосками мостиков, и я надеялся, что мне никогда не придется по ним идти. По краям не было никаких перил или ограждений, а мостики висели достаточно высоко, чтобы я разбился насмерть, навернувшись с них, даже при такой низкой гравитации.

- Нам ведь не придется подниматься вверх? – спросил я Токугавиту.

- Не вверх, – ответил он. – Вниз. Вниз к боевому флоту.

- Флай, – окликнула Арлин. – Знаешь, какую роль играют башни? Это лифты! Ты можешь подняться на них за пределы атмосферы, ну или хотя бы к самой ее границе... так ведь, Абумах?

Они с Блинки здорово подружились. Меня это начинало беспокоить.

- Да, да, именно так! – согласился ее товарищ, принявшись кивать головой с таким энтузиазмом, что меня затошнило. – Вверх, быстро-быстро, нос кровоточит!

- Как-нибудь в другой раз, детки, – сказал я, чувствуя себя прямо как мой отец двадцать лет назад.

Мы зашли в среднюю башню, и Токугавита – Богом клянусь! – нажал кнопку вызова лифта, словно мы стояли в холле небоскреба на Манхэттене, а не в башне на крошечной луне, что вертится вокруг планеты пришельцев. Мы ждали тридцать пять минут (я по часам засекал), пока значение счетчика этажей доберется до нуля. Когда это случилось, огромные ворота позади нас, достаточно большие, чтобы через них пролетела вертикальная ракета Дельта-19, с грохотом открылись, приглашая нашу компанию внутрь. Токугавита прошелся взглядом по кнопкам и наконец нажал ту, под которой красовалась большая буква П и картинка с точкой в центре круга – схематичное изображение центра

планеты, полагаю.

Если бы кто-то решил замерить мой уровень адреналина, пока мы летели на лифте вниз, прибор сошел бы с ума. Сначала мы спускались не так быстро, но вскоре лифт разогнался настолько, что по ощущениям мы стали весить раз в сто меньше – едва достаточно для того, чтобы стоять на полу, а не летать туда-сюда по кабине. С такой скоростью мы спускались около сорока пяти минут, из чего я заключил, что лифт не был в самом низу, когда мы его вызвали.

Ближе к концу лифт стал со страшной силой тормозить. Я едва удержался на ногах, Арлин с глухим стуком шлепнулась на пол. Гравитация по сравнению с земной увеличилась раза в три, не меньше! В таком темпе мы тормозили минут пять. Условия тяжелые во всех смыслах, но нам было не впервой, и мы даже сознание не потеряли. Сэарс и Робак перенесли торможение без особых трудностей: они продолжали семенить туда-сюда, с нетерпением ожидая, когда наконец увидят тот боевой флот, о котором говорил Токугавита. Как я понял, такой уровень гравитации был близок к условиям на Клэйве. Когда двери снова открылись, у меня перехватило дыхание от увиденного. Вокруг нас раскинулась умопомрачительно гигантская сфера в центре луны, настолько огромная, что я даже представить не мог ее истинные размеры. Ее пересекали сотни тысяч полосатых мостиков, вероятно, соединяющих разные отсеки.

- Осторожно, - предупредил надкапитан. – За пределами элеватора невесомость. В центре масс.

Прямо перед нами вырос мостик. Я смело повел войска за собой, почувствовав знакомое ощущение сворачивания желудка в узел – обычное для меня явление, когда я покидаю зону гравитации и оказываюсь в невесомости.

Токугавита не преувеличивал, когда говорил о целом флоте. Нашим глазам предстали десятки кораблей, разбросанные по всей сфере. Их было слишком много, чтобы более-менее точно оценить их количество. Одни были небольшие, как корабль Реани-людей, другие – огромные, как корабль, который мы позаимствовали у Фредов. Ближайший был около полукилометра в длину. Блинки Абумаха указал на него и произнес:

- Чертовски быстрый корабль. Почти такой же быстрый, как тот, который мы покинули.

- Почти? – заволновался я, гадая, что это значит. Он энергично кивнул.

- Чертовски быстрый. Если отправимся прямо сейчас, окажемся на Земле всего через двадцать дней после зараженных, считая время на разгон.

Двадцать дней! Как я понял, это примерно две недели на разгон до околосветовой скорости и еще две – на торможение. Корабль Реани-людей мог разогнаться и затормозить за три-четыре дня. Блин, за двадцать дней на Земле много чего произойдет. Учитывая скорость развития Новичков, дать им двадцать дней – это как дать людям сорок лет форы.

- Так, леди и джентльмены. Ташим свои задницы на борт и жмем гашетку в пол.

Если у вас стальные нервы и терпения всегда в избытке, путь до корабля показался бы вам простым. К счастью, мы выучили этот урок еще в Корпусе. Неважно, сколько у вас времени на подготовку к бою – нацепите на себя полторы тонны брони, боеприпасов возьмите столько, чтобы потопить средних размеров фрегат, мчитесь к вертолету и будьте уверены, что кто-то из высшего командования забыл свою чашечку для кофе или любимое надувное кресло, и вам придется ждать шесть-семь часов, пока все от лейтенанта до полковника переворачивают лагерь вверх дном, пытаясь это найти.

Вы ведь знаете, как в условиях невесомости двигаться по коридору так быстро, как это возможно? Вытягиваешься вдоль центра коридора, отталкиваешься от стены и плывешь. Если повезет с траекторией, полет закончится на той стороне коридора. Если нет - через пару десятков метров можно поцеловаться с боковой стеной. В таком случае находим что-то твердое, от чего можно оттолкнуться, и повторяем полет. На выступах вдоль стен были специальные углубления для ног. Кто-то продумал все наперед... скорее всего, кто-то из некомандного состава. У офицеров на такое не хватило бы мозгов.

Я пролетал мимо окон из пирексного стекла, словно рыба, плывущая по стеклянной трубе.

Летающий впереди всех – то есть, я – достиг корабля всего через пару часов, но поскольку все плыли враспынную, нам потребовалось еще полчаса, чтобы собраться в группу. Я не говорю «собраться в строй», потому что клоуны эпохи Джетсонов¹⁷ под моим командованием даже не знали значения этого

слова.

Наши тренировки на корабле Фредов не прошли даром. Арлин взглянула на меня с особенной благодарностью, когда преодолела коридор как «хвост Шарлин». Она очень редко снисходила до благодарностей.

Корабль, который мы прихватизировали, был тонкой и странно вытянутой формы. Я боялся, что через пять месяцев в такой посудине клаустрофобия станет нашим вечным спутником. Он напоминал... хм... двадцать первый палец - километр в длину и лишь сотню метров в диаметре. Торцы были в форме луковиц, что только усиливало общее сходство с «пальцем»: под одной из луковиц скрывался реактивный двигатель, под другой – турбина для переработки собранного водорода.

Внутри было до жути тесно. По коридорам можно было передвигаться только ползком. Кроме того, если верить Блинки Абухаме, здешний уровень гравитации будет вдесятеро меньше земного. Каюты не сильно отличались от коридоров – такие же тесные и вытянутые в длину, из-за которых отсеки с ними напоминали мне стопку карандашей. Но чего я вообще ною? Дареному коню в зубы не смотрят.

Во внутреннем убранстве преобладал бледный сине-зеленый цвет с оранжевыми оттенками – настоящий кошмар декоратора. Арлин он почему-то понравился – может быть, потому что он так сильно отличался от корабля Фредов, как это вообще возможно. Я подумал, что в очках с красными линзами сине-зеленые стены смотрелись бы чуть лучше. По-прежнему ужасно, но хотя бы терпимо.

Мы ввалились на корабль и принялись проверять системы контроля, измерительные приборы и работу движков.

Шестеро из четырнадцати обращенных уже летали на кораблях такого типа, и с их помощью мы завели двигатели. Единственная проблема – нам негде было вылетать на поверхность. Я нигде не видел никаких туннелей, а обращаться с радаром никто из наших не умел.

Я поймал Токугавиту за отворот его формы.

- Ладно, умник, как нам отсюда выбираться?

Надкапитан потер подбородок.

- Боялся этого вопроса. Не уверен, должен посоветоваться в мил-нете¹⁸.

Какое-то время он не отрывал взгляд от консоли, все больше хмурясь. Через час я едва удержал его – он очень хотел вырвать терминал голыми руками и запустить им в монитор. Чертова посудина управлялась через бесконечные меню и с помощью команд на специальном языке. Токугавита этого языка не знал и не мог найти его описание, тыкаясь по сотням разных меню.

Мы с Арлин отправились на поиски остальных членов команды, которые разбрелись по кораблю и тыкались в каждую систему на корабле, пытаясь найти знакомые элементы. Арлин опросила восьмерых, я – всех остальных, но никто не знал, как открыть туннель на поверхность и существует ли он вообще. Все они раньше летали на подобных кораблях, но в моем взводе не было ни одного пилота! Я проклинал Реани-людей за то, что они были не настолько добры, чтобы оставить нам Кеглю. Предатель или нет, он мог бы оказаться очень полезным для нас.

Я распустил всех и совал конференцию с Арлин, Токугавитой, инженером Абумахой и близнецами.

- Парни – и ты, АС. – Здесь должно быть что-то вроде аварийного выхода на непредвиденный случай, и мы должны все тщательно осмотреть. Здесь где-нибудь есть руководство, система помощи, курсы подготовки... хоть что-то?

Все покачали головами.

- Ничего такого не заметила, - ответила Арлин. – Продолжу искать.

- Возможно, конструкторы не хотели, чтобы данным транспортом воспользовались другие в случае вражеского захвата, - сказали Сэарс и Робак с совершенно неуместной радостью в голосе. Полагаю, они были счастливы оттого, что никто в них сейчас не стрелял и не собирался в обозримом будущем.

Мы посоветовались еще немного и пришли к заключению, что никто ничего не смыслит в управлении кораблем. М-да, очень продуктивная встреча. Теперь понимаю, почему все офицеры такие дубовые. Однако меня не покидало ощущение, что посреди этой словесной воды кто-то сказал что-то действительно полезное. Я еще раз прокрутил в голове наше обсуждение... и внезапно понял, что полезное сказал я сам: упомянул Кеглю. Если бы только он остался с нами. Да, его преданность под

большим вопросом, но он знал буквально все!

- Арлин, ты помнишь, что Кегля говорил про то, как долго его конструировали?

- Сейчас, когда ты про него сказал, я вспомнила, что он упомянул какой-то смехотворный промежуток времени. Четыре-пять часов, что-то вроде того. Флай, ты же не собираешься строить еще одного... или собираешься?

Мы обменялись взглядами. К нам в головы пришла одна и та же мысль.

- Току, - спросил я, - помнишь тот большой зеленый шар, который катался за нами? Что это было?

Сидевший на другом конце стола надкапитан выпал из беседы, глядя в иллюминатор и ковыряясь в зубах. Вопрос вернул его внимание к нам.

- Большой зеленый шар? Ах да, Компилятор Данных. Надеялись с его помощью собрать информацию о культуре древних людей.

- Да, да, и он докладывал о нас Реани-людям. Много ли у вас этих Компиляторов Данных? Может, и на этом корабле один завалился?

Токугавита покачал головой.

- Никогда не видел раньше. Это прототип. Никогда пользовался и не знаю, как.

- А кто может знать?

- Тот, кто его собрал.

Я раздраженно выдохнул.

- Хорошо, но этого человека среди нас нет. Кто еще?

Токугавита выглядел озадаченным.

- Среди нас. Абумаха Блинки. Разве не знали?

Арлин, которая до этого скучала как и мы все, оживилась и включилась в обсуждение.

- Абумаха его собрал? Наш Абумаха?

- Наш Абумаха, Сандерс-сан, - Токугавита отбросил прядь волос со лба.

Я разыскал его и описал ему Кеглю, но Абумаха не имел ни малейшего представления о том, как его собрать.

- Должен снова заразиться Реаниматорами, чтобы вспомнить.

Я беспомощно развел руками.

- Может, ты делал какие-то пометки? Рисовал схемы?

Лицо Блинки засияло.

- Может быть, все может быть! Хранил данные на случай, если забуду, может, найду и схемы.

Он исчез с глаз моих и появился в сильном возбуждении десять минут спустя.

- Да, да, нашел, чертовски повезло!

Я указал на техническую лабораторию, и Абумаха заперся внутри. Остальные пятеро, кто уже летал ранее, изучали корабль.

Прошли почти сутки, а от Блинки не было никаких вестей. Когда я постучал в дверь лаборатории, он пробурчал что-то неразборчивое и наотрез отказался выходить, даже чтобы поесть. Сэарс и Робак исчезли в недрах корабля. Должно быть, они нашли каюту где-то далеко от нас, потому что мы не видели их весь перелет. Одному Богу известно, как им удавалось протиснуться во все эти проходы.

Корабль был готов к отправке и ждал команды, когда Абумаха наконец вышел из своего заточения. Он предстал перед нами заросший и растрепанный, а позади него катился...

- Кегля! – закричали мы с Арлин.

На этот раз шар для боулинга был полупрозрачный и совсем не зеленый. Ни говоря ни слова, он прокатился прямо по моим пальцам и остановился у консоли, которая контролировала давление водорода в двигателях, а между делом служила интерфейсом для корабельного мил-нета. Кегля-2 долбился в нижнюю часть консоли, пока я не поднял его (он позволил мне) и не положил прямо на один из узловых сокетов. Примерно час после этого Кегля ярко сиял.

- Он скачивает все данные со всего корабля! – с восхищением прошептала Арлин мне на ухо.

Затем он прекратил и противным капризным голосом произнес:

- Загрузка завершена. Пожалуйста, перенесите на пол.

Я поднял его, положил на пол, присел и начал допрос:

- Кегля, ты знаешь, где находится туннель, через который мы сможем умчаться с этого каменного

шарика?

- Нет, - как обычно кратко ответил он.

- Так мы не сможем выбраться? – спросила Арлин. – Хочешь сказать, мы застряли здесь навечно?

- Не застряли, можно выбраться. Не туннель, аварийный люк.

Я наклонился над шаром.

- Ладно, Кегля, слушай внимательно. Мой стаж больше, чем у кого бы то ни было здесь, так что я главный на корабле. И мне нужно открыть аварийный люк. Как я могу это сделать?

Все наши (то есть, все люди – Сэарс и Робак так и не объявились) подошли поближе, чтобы услышать ответ, но Кегля решил убедиться, что у меня действительно есть все полномочия.

- Таггарт Флинн, рожден в сто тридцать втором году до ЗЧР. Отправился на службу в сто тринадцатом году до ЗЧР. Время, проведенное на службе – двести шестьдесят три года. Стаж подтвержден. Звание: сержант. Команда не принята, обнаружено присутствие персонала более высокого ранга.

Мы все повернулись к надкапитану Токугавите, который покраснел от такого внимания. Он прочистил горло и взглянул на меня.

- Току, - сказал я. – Почему бы тебе не передать мне полномочия?

Он глубоко дышал, глядя то на одно тревожное лицо, то на другое, и в конце концов согласно кивнул.

- Властью, данной мне лидерами Земного Государства Людей, - провозгласил он, - назначаю Флинна Таггарта лейтенантом граждан Государства.

У меня челюсть отпала, но Токугавита еще не закончил.

- Покидаю комиссию и лишаюсь членства в Партии, - сказал он с грустью в голосе.

Должно быть, мой крик был слышен по всей галактике. Я десятки раз смеялся в лицо очередному олуху из роты Фокс, который предполагал, что когда-нибудь меня повысят до такого звания. А теперь, несмотря ни на что и против своей воли, я стал долбаным офицером! Мое лицо покраснело от злости, Арлин захохотала.

- Каков ваш первый приказ, лейтенант?

- Для тебя, Эдит, ничего! – рявкнул я, красный как помидор. Арлин зашлась в новом приступе хохота, и я мрачно повторил приказ Кегле:

- Открытие аварийного люка, активация!

- Открытие инициировано приказом лейтенанта Таггарта, - подтвердил чертов шар. Стану королем – клянусь, первым делом запрещаю всех Компиляторов Данных.

Вокруг ничего не происходило. Мы сидели за столом и с тупым выражением лиц пялились друг на друга, пока Арлин не догадалась взглянуть в иллюминатор.

- Святая корова! Флай, дуй сюда, посмотри своими глазами!

Я взглянул в иллюминатор через ее плечо и ахнул. Вся луна разделилась на две части! В стене великой лунной камеры, в которой мы были заперты, появился разлом. Он все расширялся, и вскоре я уже мог видеть через него звезды. Через пятнадцать минут две полусферы отделились друг от друга, все еще скрепленные тысячью раздвижных укреплений. Соединительные мостики сыпались сверху как тростник в бурю. Разумеется, все эти разрушения и ужасные сдвиги происходили в полной тишине, ведь внутри луны атмосферы не было.

Луна ВНПВ раскололась как яйцо, и, судя по показаниям радара, две половины отодвигались друг от друга со скоростью сто семь километров в час. Нас всех трясло от нетерпения – прошло как минимум два часа, прежде чем они разлетелись достаточно далеко, чтобы мы смогли решиться на старт. Корабль мы окрестили Великим Погружением Блинки Абумахи в Водоворот... и Вспышка Праведного Гнева Токугавиты, Карающая Врагов Земного Государства. Я твердо вознамерился записать имена этих двоих в книги по истории.

Я сидел в капитанском кресле (на корабле оно было, несмотря на странные индивидуалистические замашки наших апостолов – правда, не такое величественное, как у Фредов), устроив Кеглю на коленях и поглаживая его как щенка. Он не возражал. Он вообще ничего не говорил, пока ему не задавали вопрос. Думаю, сетевой терминал тоже был бы не против того, чтобы его приласкали, но я как-то прикипел к шарам для боулинга. Да, по его милости у нас были большие неприятности, но ведь и со щенками часто так.

- Бог мой, - повторил я в миллионный раз, не в силах произнести ничего другого от созерцания такого

размаха инженерной мысли. – Надеюсь, Сэарс и Робак понимают, что упускают.

- Да они наверняка все из своей каюты видят!

Арлин пододвинулась к Кегле и задала вопрос, который я должен был спросить еще несколько минут назад:

- Кто построил это место? Инфицированные люди-Реаниматоры?

- Не инфицированные, - ответил Кегля. – Люди. Проект задуман за девять лет до Знаменательной Человеческой Революции, строительство начато в девяносто шестом году ЗЧР, завершено в сто сорок втором году ЗЧР. Корабль Реаниматоров отправлен на ВНПВ в тринадцатом году ЗЧР.

- Бог мой, - на этот раз произнесла Арлин. Я был занят, представляя, сколько еще далеких космических баз построили люди... и какие ужасные чудовища потом преследовали их до самой Земли.

- Погоди-ка, - сказала Арлин. – Мы всего в ста семи световых годах от Земли. Почему кораблю Реани-людей потребовалось аж сто тридцать семь лет, чтобы сюда добраться?

- Корабль совершал остановки в промежуточных портах захода между Землей и этой системой, которая зовется ПМ-220: планетарная система, определенная...

- Названия можешь опускать, - перебила Арлин. Сейчас они для нас ничего не значили.

Полушария луны продолжали отдаляться друг от друга, и в конце концов между ними образовалось достаточно места, чтобы рвануть на новом корабле к звездам. Я решил, что Блинки может пилотировать корабль. Он решил, что я не полный идиот, после чего заглушил двигатели. Не уверен, что такая система мне нравилась. Раньше я получал и отдавал приказы, а не вел философские дискуссии, когда надо было заниматься делом. Но были тут и свои преимущества: все мужчины и женщины в вооруженных силах были способны действовать в одиночку, вообще без приказов и командиров. Только представьте, на что способна целая армия Арлин Сандерс и Флаев Таггартов! И неважно, какой идиотской политической идеологии они придерживаются.

Спешить было некуда. Кораблю потребуется много дней, чтобы разогнаться в полную скорость, и столько же времени на торможение. В промежутке у нас будет около пяти месяцев субъективного времени в полете. Пять месяцев! Как по мне, надо написать жалобу производителю. Однако, несмотря на то, что наш полет продлится пять месяцев, а Реани-люди долетят за семь недель, на Земле в обоих случаях пройдет около ста семи лет, и мы бы прилетели туда всего на двадцать пять минут позже. Если бы наш корабль мог разогнаться побыстрее (двадцать девять дней против шести у Реаниматоров), мы прилетели бы еще до того, как они вышли на околоземную орбиту.

Но с этим коэффициентом ускорения, будь он неладен, Новички получают аж три недели преимущества. Я содрогнулся при мысли о том, что они могут сделать за двадцать три дня с бедной Землей, еще не оправившейся от трех поколений войны с Фредами, когда улетел Токугавита с командой.

Спешить было некуда, но мое сердце колотилось со страшной силой. Все, что я мог делать - сидеть в капитанском кресле и беззаботно отдавать приказы, словно мы каждый день запрыгиваем в космический корабль и на околосветовой скорости преследуем пришельцев размером с молекулу, которые хотят заполнить всю Землю и «исправить» нас.

- Эй, Тоф, - позвал я. – Так когда Реаниматоры вас нашли и инфицировали?

Токугавита задумался.

- Не уверен. Пытаюсь понять. Когда покидали Планету Людей, точно не были инфицированы.

- Ты не помнишь?

- Воспоминаний не осталось. Помню, что делал, когда еще не был заражен. Нас инфицировали – работа сенсорной системы прекратилась. Задолго до приземления на ПМ-220 перестроил двигатели прямо по пути.

Надкапитан ничего не помнил, либо пришельцы стерли его воспоминания. Они улетели с Земли сто тридцать семь лет назад по тамошнему времени, но залетали во многие планетарные системы и на многие базы, прежде чем оказались здесь. Они могли подхватить Новичков на любой промежуточной остановке.

Мы с Арлин решили обсудить это с глазу на глаз.

- Так что с ними произошло? – спросил я. – Они улетели из своей системы на корабле, напали на Фредов, а что потом? Что произошло с их транспортом?

Арлин пожала плечами.

- Почему я знаю. Должно быть, полетели сюда, но как или зачем... Флай, может, они и не направлялись к Хамелеону? Может, им пришлось здесь сесть. Вспомни, тот мертвый Новичок на планете Фредов уже сорок лет пролежал к нашему прилету. Более чем достаточно, чтобы наткнуться где-нибудь на людей, изменить их курс и оповестить всех своих корешей о том, куда они летят.

Арлин подошла к иллюминатору, наблюдая, как медленно проплывают мимо границы луны. Кабина была настолько узкой, что она могла касаться сразу двух противоположных стен, разведя руки в стороны.

Мы обсудили детали, но на самом деле не было никакого способа узнать всю правду. Некоторым вопросам суждено было остаться без ответа.

Когда мы подлетели к самому краю, я вернулся на мостик и заставил себя сидеть смирно, а не скакать взад-вперед как орангутанг на банановой фабрике. Блинки Абухама управлял кораблем примерно так же, как я управляю самолетом: мы ни во что не врезались, но частенько были на волоске от столкновения. К тому времени, как Блинки нашел проем, через который мы могли проскочить, не помяв бока, мои челюсти уже болели от того, как сильно я их сжал, а губы замерли в выражении полуулыбки. Удивлен, что на подлокотниках не осталось следов от намертво сжавших их пальцев. Но в конце концов мы вылетели в открытый космос. Обошлось без аварий.

Блинки медленно включил двигатели в режим работы на сто четыре процента от нормы – максимум, на что они были способны – а клэвийцы ввели координаты Земли и скорректировали направление. Наш железный конь вошел в форсаж, и огромный ботинок массивного ускорения впечатал нас в стену. Я уже не сидел в своем кресле, а полулежал, как на приеме у дантиста...

Пять месяцев полета я, пожалуй, опущу.

Хотя, вообще-то нет, опустить их полностью я не могу. Мы провели время в тактических тренировках, отрабатывали все маневры, которые могла вспомнить Арлин, научились кое-чему новому у Великой Человеческой Армии... кое-каким опасным штучкам с лазерами и глазами пришельцев.

Близнецам в этом плане было нечего предложить – либо потому что последний раз они сражались Бог знает когда (в чем я сомневался после рассказа Арлин о том, как они разобрались с Реани-людьми), либо потому что их тактика была слишком дикой для нас. Так или иначе, они снова заперлись в своей каюте, и я даже не пытался ее открыть, опасаясь увидеть стены, покрытые чем угодно – от фотографий голы Дженис Д'Сузы до кукол Разговорчивой Кэти.

- Уходите куда-нибудь еще! – кричали они в ответ на вежливый стук в дверь.

- Оставь их, - сказала Арлин. – Как они могут нам пригодиться?

И мы их оставили. Все нормально. Мы, люди, достаточно изобретательны, чтобы бороться на стороне гиперреалистов.

Даже за пять месяцев я не смог научить апостолов работать в команде. Они просто не понимали, как такое возможно. Они были самой разномастной толпой из всех, кого я когда-либо видел в примерно одинаковой форме. Каким-то непонятным образом яркий индивидуализм перемешался в них с крайним коллективизмом: по их мнению, Государство могло обеспечить своих людей всем необходимым, но они напрочь отказывались понимать, что такое долг перед другими. У них это просто в голове не укладывалось. Они продолжали говорить о каком-то «постэкономическом обществе», в котором, как я понял, у них есть столько всякого материального добра, что оно буквально ничего не стоит. Даже самый последний бедняк может кидаться бриллиантами из окна и есть черную икру каждый вечер.

Я понятия не имел, как называть такую систему. Коммунизм? Капитализм? Рай? От этих мыслей у меня все внутри холодело. Может, харизматы были правы, и Небеса спустились на Землю. Может, когда я вернусь домой, увижу Иисуса, сидящего на троне и гадающего, где нас носило все эти годы.

Пять долгих месяцев я мучился подобными мыслями каждый день. Эту часть я опущу. Никто ведь не возражает?

Мы следовали к координатам Земли с точностью до шестого десятичного знака и стали тормозить, чтобы выйти на орбиту на высоте около шестисот километров над ее поверхностью, когда клэвийцы соизволили наконец выйти. Они появились на мостике как ни в чем не бывало, хлопали всех по спине, сыпали поздравлениями и разливали какой-то странный ликер со вкусом зельца из бутылки, которая казалась бездонной. Все остальные были предельно серьезны – и тут вдруг появляются Сэарс и Робак со счастливым видом, тараторящие без остановки.

- Да заткнитесь, идиоты! – рявкнул я. – Вы что, не видите, что мы все в боевой готовности? Куда занесло этих проклятых Реаниматоров?

Действительно, куда? Блинки и Токугавита вместе с сержантом по имени Морихатма Морирама Морирама разобрались, как работают лучевые пушки – людской аналог распылителей Фредов. Они сидели в своих кабинах и напряженно ждали первого признака присутствия корабля Реаниматоров.

Ждать им пришлось долго. С нас с Арлин семь потов сошло, пока мы стояли в комнате управления, с гравитацией 0.3g и 0.1g в коридорах – достаточно, чтобы голова не пошла кругом, но при этом возможно хаотично скакать по кораблю, на чем и была основана наша тактика боев в условиях низкой гравитации. Нам тоже пришлось долго ждать.

Пролетев вокруг Земли семнадцать раз, просканировав все детекторами радиации, инфракрасного излучения и еще сотней различных датчиков, мы наконец поняли, что происходит.

Корабля Реани-людей не было ни на поверхности планеты, ни на ее орбите. Он еще не долетел до Земли. Мы летали вокруг в полном одиночестве, не находя и следа от нашей продвинутой космической цивилизации.

Мы прилетели домой, но никто не торопился кидать нам под ноги красную ковриковую дорожку.

20

Мы прорвались через верхние слои атмосферы. Вспышку Праведного Гнева, Карающую Врагов Земного Государства – мой невозможно уродливый способ увековечить имена Блинки и Токугавиты – мы для краткости назвали Великой Местью. Так имя корабля хотя бы выговорить можно было. Мы опускались все ниже и ниже, стабилизируя бортовые рули и ультразвуковые камеры, и летели настолько ровно, что происходящее больше напоминало тренировку на симуляторе. Мы пролетели над Малой Азией и Западной Европой, пересекли Англию и пролетели над Арктикой по пути в Ньюфаундленд. Блинки уводил корабль в сторону, словно ему было наплевать, сколько топлива мы при этом сжигаем.

- Может быстро заполниться до краев в океане – будет очень веселое приземление!

Арлин растянула губы в улыбке, но мне не понравилось, как именно надкапитан это произнес. Сэарс и Робак вели себя еще более странно. Они уселись там, где обзор с корабля был лучше всего, и смотрели на поверхность планеты с тоской, которую я никак не мог понять. Это ведь даже не их планета! Обращения к ним они игнорировали, и вскоре мы попросту забыли о них, изучая то, что осталось от Земли.

По-прежнему никаких признаков жизни внизу. Мы могли разглядеть много уцелевших городов, и когда спустились пониже, увидели, что это именно города, а не остовы от разрушенных на войне зданий. Но природа уже смело посягала на места обитания человека. Прямо как во всех тех ужасниках, где индийский город, манящий красотой своих шпилей и куполов, пропадает в зарослях лиан и растений из джунглей, а бабуины захватывают дворец местного Раджи.

Никто не пытался наладить с нами контакт, никакие корабли не взмывали в небо, чтобы определить, друзья мы или враги. Никакая РЛС не прощупывала нас радиоволнами, все земные частоты молчали. Вся планета замерла.

Ну и куда, черт возьми, нам приземляться? У Арлин уже был ответ.

- Кегля, - попросила она. – Кто был вместе с, э-э, Галлатином Альбертом, когда он погиб?

- Лавлейс Джилл была его единственным компаньоном, когда он умер в тридцать первом году ЗЧР.

Арлин нахмурилась.

- А кто-нибудь еще видел его тело?

- Тело было выставлено в Зале Славы Героев с тридцать первого по сорок четвертый года ЗЧР. Предано земле под перестроенным Храмом Народной Веры Церкви Иисуса Христа Святых последних дней в Солт-Лейк-Грэд.

Арлин тяжело и часто дышала. Я не знал, почему – она что, все еще надеялась встретить Альберта живым и здоровым?

АС, - произнес я. – Полагаю, тебе надо смириться. Он любил тебя, но он мертв. Блин, детка, да он уже лет пятьсот как на том свете!

- И перед смертью он изучал вопрос о погружении в стазис, - ответила Арлин, глядя куда-то вдаль.

- Но ведь даже первый прототип появился только через семь лет после его смерти. Возьми себя в руки,

капрал. Давай перестанем витать в облаках и подумаем о реальных перспективах.

Я подошел к монитору, на который выводилось то, что происходит перед кораблем.

- Допустим, каким-то чудом Альберт выжил. Тебе не кажется, что в таком случае планета не выглядела бы такой безжизненной?

Мы пролетали над Большой Грязнулей¹⁹, севернее Миссисипи. Время было около полуночи. Внизу можно было разглядеть поселения и даже электрические огни, но никаких других доказательств существования высшей цивилизации мы не заметили.

Токугавита положил руку мне на плечо. Я подпрыгнул от неожиданности. Это был первый дружеский жест от потрясающе одиноких людей двадцать первого века. Полагаю, он перенял эту привычку у нас с Арлин – мы постоянно так друг друга подбадривали.

- Мир уничтожен, - сказал он осипшим от эмоций голосом. – Но где Реаниматоры? Ожидал, что они будут здесь.

Я мрачно улыбнулся.

- Может, какие-нибудь другие Флай и Арлин их прикончили?

- А может, им стало скучно, и они эволюционировали во что-нибудь еще, - ответила моя подруга с другого конца каюты. – Может, они эволюционировали во что-то совершенно иное и потеряли к нам всякий интерес.

- Кто знает.

Токугавите наши версии не понравились, но других вариантов мы предложить не могли. Слава Богу, Новички оставили Землю в покое, а почему – возможно, этого мы никогда не узнаем.

Северо-восточный Коридор выглядел так же, как и дельта Миссисипи: дома, здания, дороги, работающие электросети, но никаких других следов присутствия жизни.

- Я хочу в Солт-Лейк-Сити, - заявила Арлин. Я фыркнул, но, черт возьми, какие еще варианты у нас есть? Мы повернули на запад.

- Току, какой была цивилизация, когда вы покинули Землю? – спросил я. Он, казалось, с трудом подбирал слова для ответа.

- Люди, которых Государство спасло от алчных капиталистов, работали во имя общего блага.

Он сказал «алчные капиталисты» так, словно для него эта фраза была как масло масляное.

- Так вы что, национализировали разные отрасли?

- Промышленность работает во имя общего блага. И пока оно так эффективно, рай продолжается.

- Рай для рабочих?

Надкапитан посмотрел на меня с удивлением.

- Нет рабочих. Работа – пережиток старого времени, а не современная концепция. Рабочих упразднили еще до Знаменательной Человеческой Революции.

Теперь уже я смотрел на него с удивлением.

- Погоди минутку. Кто тогда управлял производством?

Току посмотрел на Блинки Абухаму в надежде, что тот поможет ему с объяснением.

- Чертовски хорошая система, - вставил Блинки. – Автоматическая. Рабочие не нужны. Запусти один раз, и работает без остановок.

По мере того, как наша беседа приобретала академический оттенок, у Арлин просыпался интерес.

- Погоди-ка... если не было никаких рабочих, кого тогда нужно было спасать от алчных капиталистов? Этот вопрос поставил в тупик и Блинки, и Токугавиту.

- Никогда не думал об этом. Машины, искусственный интеллект... алчные капиталисты ведь могут поработить электронику?

Я отвернулся. Такие вопросы были выше моего интеллекта. Арлин продолжила разговор, но я уже не обращал внимания на собеседников. Как вы, скорее всего, заметили, я не очень-то дружу со всеми этими учеными штучками.

Мы довольно быстро достигли Солт-Лейк-Сити, или Солт-Лейк-Грэд, как называл его Кегля. В северном полушарии сейчас должна быть зима. Мы проскользнули сквозь облака, и вскоре под нами замаячил отреставрированный Храм.

- Матерь Божья! – завизжал я, прервав беседу об экономике. Арлин и все остальные прибежали сначала к монитору, а потом помчались к иллюминаторам, отказываясь верить тому, что видят. Храм Народной Веры Церкви Иисуса Христа Святых последних дней возвышался на шестьсот этажей над землей Юты – ну вылитая Вавилонская Башня! На самом его верху было что-то круглое, похожее на мяч. Смотровая площадка? Радарная система?

- Блин, Флай, похоже на огромный победный жест, возвышающийся над землей.

- Построен после свержения Фредов, - подтвердил Токугавита. – В честь победы.

В этот момент зажглись разом все предупреждающие огни. Вся каюта замерцала как новогодняя елка, и нас оглушило порядка шести сотен сирен разом.

- Раеты! – заорал Блинки. Он дернул какой-то рычаг, и корабль резко сменил курс левее и выше. Мы все распластались по палубе под действием огромной силы тяжести – девять g, не меньше! Ускорение росло. Я не без труда прополз по полу, шатаясь как осиновый лист на ветру.

- Что за херню ты сейчас творишь?

- Силовое поле, - ответил наш пилот, лицо его было бледное как мел. – Огромной прочности. Почти разбились – бух, шмяк!

Мы летали вокруг Солт-Лейк-Грэд больше сорока минут, пытаюсь определить размеры силового поля. В нашей команде был математик – девушка по имени Сузудира Несузуки. По ее расчетам, центром поля с наибольшей вероятностью был Храм. Как по мне, источником поля был тот пузырь на его крыше, более чем в километре над землей.

- Флай, - произнесла моя подруга. – Сама не знаю, почему... но я должна попасть в Храм.

- Ха, и ты полагаешь, я сам не могу догадаться, почему? Альберт тут похоронен, он провел тут последние годы жизни. Мне отлично понятно, почему ты хочешь туда.

- Флай... я хочу наладить с ним контакт.

- С кем с ним?

- С Храмом!

- Арлин, с тобой все в порядке? Это же, черт возьми, здание!

Девушка повернулась ко мне. Ее глаза горели огнем фанатизма. Я сделал шаг назад. Никогда ее такой не видел!

- Флай... над чем работал Альберт до своей смерти?

- Хм. Над проблемой погружения в стазис.

- А еще над чем?

- Еще? Я ничего больше не помню.

- Работал над скрытосетью, - ответил Токугавита у меня за спиной. Я снова вскочил от неожиданности, а потом разозлился на самого себя за это. Сел в кресло перед радиоприемником и уставился на монитор, глядя, как мы нарезаем круги вокруг Храма.

- Он работал над искусственным интеллектом! Флай, зуб даю, в этом здании есть что-то вроде сети. И возможно, она обладает разумом. И возможно, эта сеть пятьсот лет ждала моего возвращения!

Да уж, стоит провести с ней беседу на тему мании величия. А потом снова напомнить, что Альберт провел последние годы жизни в отчаянных попытках эту самую жизнь заморозить, чтобы дожидаться ее возвращения.

- Валяй, - сказал я, вставая с кресла. – Подключай свои мозги к этой сети.

Арлин села и уставилась на панель управления.

- Я не знаю, как ее включить, - призналась она. Токугавита нагнулся над ее плечом и щелкнул переключателем. Я заметил, что в один момент надкапитан украдкой заглянул в ее декольте. Почему-то мне стало лучше от этого. Неважно, какую странную смесь коммунизма и капитализма они тут строили, они все еще люди, так похожие на нас.

- На какой частоте она вещает? – спросил я Токугавиту.

- На всех.

- Ладно, хорошо, на многих частотах. На каких?

- На всех, - повторил надкапитан. До меня наконец дошло, что он настроил систему передавать сигнал на всех возможных частотах, хотя я не мог представить, как такое возможно.

- Арлин – Храму. Как слышно, прием.

Ответ пришел немедленно.

- Храм на связи... но как я узнаю, что ты действительно Арлин?

Голос был настолько хорошо мне знаком, что в первый момент я даже не осознал этого. А потом на экране нашего монитора возник белый шум, и мгновение спустя из него появилось лицо. Это лицо я отлично помнил – это было ЕЕ лицо.

- Джилл! – заорал я.

- Привет, человек, выглядящий как Флай Таггарт, - ответила Джилл. – На самом деле я не Джилл – я искусственный интеллект, ее компьютерная модель. Кто вы такие? И кто эти две гориллы рядом с вами?

Я оглянулся, искренне недоумевая, кого она имеет в виду. Вот что значит долгое знакомство!

- Джилл, познакомься с Сэарсом и Робаком. Только не спрашивай, кто из них кто, они тебя не поймут. Гориллы Магиллы с серьезным видом кивнули. Джилл ухмыльнулась, как обычно ухмыляются подростки, когда их знакомят с новым родственником, перед которым они хотят выглядеть взрослыми и культурными, хотя на самом деле понятия не имеют, зачем им вообще знать, кто этот человек.

- Они – клэвийцы...

- Да неужели? Круто!

Мне потребовалось время, чтобы осознать, что она говорит с сарказмом.

- Отличная история, парни. А теперь, если вы не против, расскажите, кто вы сами такие.

- Что значит «кто мы такие»? – спросила Арлин. – Мы – сержант Флай Таггарт и младший капрал Арлин Сандерс, бойцы морской пехоты США!

- Докажите это.

Мы с Арлин обменялись взглядами.

- Как, черт возьми, мы сможем это доказать? – спросил я.

Изображение Джилл улыбнулось.

- Назовите пароль.

Я уселся рядом с Арлин. Маленький монитор над консолью показывал то же самое лицо.

- Джилл, - мягко сказал я. – Мы с тобой не договаривались ни о каких паролях.

- Да вы все равно его знаете, чуваки.

- Знаем?

- Кое-что, что вы мне сказали... кое-что, что только вы двое можете вспомнить.

Лицо Джилл не было похоже на лицо почтенной старушки, какой она была в момент смерти. Вместо нее мы видели именно ту Джилл, какой запомнили ее год назад или около того, по нашему времени. Я почувствовал ужасную тоску по дому, глядя в лицо этой пятнадцатилетней девчонки. Она была мне как младшая сестра. Дерзкая, своевольная младшая сестра, но тем не менее, полноправный член семьи. Ближе нее у меня никого не было – кроме, разумеется, Арлин. Все остальные, кого я знал на Земле, давным-давно превратились в пыль.

- Когда я это сказал?

- Когда в первый раз мне доверился. Ты заставил меня почувствовать себя взрослой, настоящей женщиной. Председатель Совета Двенадцати, как ты знаешь, всегда относился ко мне как к маленькой девочке... он был отличный человек, я ни в чем его не виню! Но он всегда считал меня ребенком.

Я закрыл глаза, пытаюсь вспомнить. Она прошла крещение огнем, когда мы захватывали грузовик с телепортационной площадкой в кузове. Что-то появилось, но что именно?

- Арлин, помнишь, как мы с Джилл перехватывали грузовик? Какой из монстров тогда телепортировался в кабину?

- Ух... Не так-то просто это вспомнить. Погоди... точно. Это был скелет. Мы его прикончили, но он успел дать один залп своими ракетами и чуть не попал в тебя, Джилл.

Изображение девочки задрожало.

- Да, я помню! И да, именно тогда ты сказал мне пароль. Помнишь, мистер Флай? Помнишь, что ты мне сказал, когда ракеты пролетели за миллиметр от меня?

Гори оно все синим пламенем – я не помнил! Помню, что что-то сказал, но что именно... Я грустно покачал головой.

- Ладно, - ответила Джилл. – Давай поиграем. Ты когда-нибудь играл в «крокодила»?

Я кивнул с глупым выражением лица, и она продолжила:

- Я начну. Ты смотришь на меня и пытаешься угадать фразу, о которой я думаю.

Камера отъехала назад – или анимированное лицо стало меньше, - и мы увидели полный силуэт Джилл. Она показала нам пять пальцев. Я не был уверен, что это значит, но Арлин догадалась, что это «пять слов». Затем Джилл показала нам один палец, после чего - три.

- Первое слово... три слога.

Джилл протянула руку в нашу сторону, сжав пальцы лодочкой.

- «Смотрите», - предположил я. – «Берите».

- «Найдите», - предложила Арлин свои версии. – «Валите», «держите»...

Джилл улыбнулась и указала на нас обоими руками.

- Первое слово «держите»? – уточнил я. Джилл кивнула. Она показала нам два пальца и затем один.

- Второе слово, один слог, - до меня начинал доходить смысл игры.

Джилл выставила перед собой левую руку ладонью вниз, после чего указала пальцем правой руки на внешнюю сторону левой ладони.

- «На», - догадался я. Джилл снова улыбнулась. Затем показала нам три пальца и два. Третье слово, два слога.

А затем она ввела меня в ступор. Девочка провела рукой по талии, изображая, что достает пистолет и стреляет в кого-то.

- «Огонь»! – крикнула Арлин. – «Пали», «стреляй», «мочи их всех»!

- «Ба-бах», «шарах»... э-э... «ружье», «патрон», «стрелок»...

Джилл коснулась уха.

- «Звучит как...», - пробормотала Арлин. Джилл засунула палец под рукав.

- «Жилет»? – предположил я. Джилл закатила глаза. Она снова дотронулась до уха, прикрыла глаза и блаженно улыбнулась.

- Звучит как «дремать»? – догадалась Арлин. – «Копать», «топтать», «стрелять»...

- Звучит как «спать»! «Жрать», «трать», «срать»...

Джилл начинала злиться. Она снова указала на ухо, потом коснулась носа.

- Звучит как... «запах»? – пробормотала Арлин.

Джилл едва не закричала от радости, но четырех пальцев не показала.

- «Запах»? – переспросила капрал. – «Держите на запах»? «Держите на сапы»? «Держите вот шапок»?

В этот момент я снова подпрыгнул на месте. Вспомнил! Встав в пафосную позу, я вытянул палец в сторону нашей мертвой подруги.

- «Держите на запад, юная леди»! – отчеканил я.

Камера показала крупным планом рот Джилл.

- Пароль принят. Получена неограниченная власть! Вы можете зайти, Господин.

- Ух, силовое поле отключено, - с облегчением объявил Блинки. – Отличное шоу, между прочим.

- Давай к Храму, - приказал я. – Посади корабль вон в ту круглую штуку - если не возражаешь, конечно.

«Если не возражаешь», ха. Я возненавидел лютой ненавистью эту новую систему командования.

21

Блинки Абумаха продолжал кружить над Храмом, обдумывая мой приказ.

- Э-э... - колебался он, - не уверен... не уверен, сэр, что это чертовски хорошая идея – на ту круглую штуку.

Мы с Арлин посмотрели друг на друга, после чего оба взглянули на Абумаху испепеляющими взглядами.

- Флай, можно я?

Галантным жестом я показал ей, что разрешаю.

- Блинки, дорогой, не пойми меня неправильно. Процитирую слова майора Конга из доктора Стрейнджлава: «я был на международной ярмарке, на пикнике, даже на родео, но ничего глупее все равно не слышал!»

Глаза пилота выражали одновременно и облегчение, и досаду.

- Несерьезно? Просто шутка? Ужасно смешно... ха-ха!

Его смех казался искренним, но звучал так, будто Блинки не знал точно, над чем смеется.

- Посади корабль в двухстах метрах от храма, - прояснил я ситуацию. – Давайте, э-э, прогуляемся немного.

Мы торжественно приземлились и исполнили маленький победный танец прямо у корабля. Клэвийцы, которые отпраздновали прибытие еще на орбите, к нам не присоединились. Ну и слава Богу. Не думаю, что смог бы осилить еще хоть каплю того ликера со вкусом зельца.

Наконец мы закончили вихляться и отправились к Храму. Арлин бежала впереди и тянула нас всех за собой, как щенок-непоседа на поводке. Сэарс и Робак с утомленными лицами замыкали колонну. И бедный Флай Таггарт, лейтенант Флай Таггарт, застрял между ними как косточка в зубах.

Храм возвышался менее чем в двухстах метрах от нас, загораживая собой полнеба. Его вершину скрывали грозные темные тучи.

Не успели мы пройти полсотни шагов от корабля, как близнецы внезапно остановились.

- Будет ли с нами все в порядке, - нервно произнесли они.

- Да, все в порядке, - заверил я их.

- Нет, нет, не вопрос! Будет ли с нами все в порядке, звонит телефон наши дядюшки.

- Чего? – я почесал затылок. В их фразе было даже меньше смысла, чем обычно.

Арлин, которая сейчас не видела перед собой ничего кроме входа в Храм, с нетерпением воскликнула:

- Ну, Флай, проснись уже! То есть, лейтенант. Они говорят, что не хотят идти дальше. Им надо позвонить своим дядюшкам на лунную базу, которые прилетят сюда и отвезут их домой.

У меня челюсть отвисла.

- Ребята, это точно то, что вы хотели сказать?

- Если нехорошим типичным английским Арлин Сандерс, это да, - ответили они.

- Сэарс... Робак... А вас не напрягает тот факт, что вы покинули базу Клэйва лет пятьсот назад?

Они схватили друг дружку за голову и стали энергично ими раскачивать – выражение досады от того, что я не могу понять очевидного.

- Да, да! С нетерпением поэтому дядюшки ждут и ждут, когда Сэарс и Робак вернутся!

Я пожал плечами. Я могу понять, когда мне стоит признать поражение.

- Ну что ж, прощайте, парни. Приятно было полетать с вами, хоть и не скажу, что всегда.

Даже Арлин отвлеклась от созерцания места упокоя своего любимого и улыбнулась на прощание.

- Пока, ребятки. Не ешьте тухлые кубики Фредов.

Похоже, клэвийцы были немного смущены.

- Только один кусочек съели, - ответили они.

Не говоря больше ни слова, Сэарс и Робак развернулись и синхронно зашагали, бормоча что-то друг дружке. Они исчезли за высокой и древней на вид колонной, которая поддерживала статую кого-то, похожего на Бригама Янга, и мы никогда больше их не видели.

До Храма мы с Арлин топали молча. Тут и нечего было говорить. Она прекрасно понимала, кого хочет там найти. Я прекрасно понимал, что она лишь обманывает сама себя.

У здания была гигантская величественная дверь – и, говоря «гигантская», я имею в виду не просто «огромная»! Одна только дверь была больше, чем весь Храм до вторжения Фредов. Но как только мы ее коснулись, она быстро и бесшумно отворилась, и изнутри до нас донесся целый хор колоколов, как будто оркестр ангелов играл в честь нашего возвращения после такого тяжелого испытания. Вероятно, на заднем фоне звучал вокал Генделя, но я его не расслышал.

Внутри Храма было на удивление пусто. Такое огромное строение – и пустое внутри! Я почувствовал себя в центре вулканического кратера. Когда-то на этом месте был огромный город, много храмов и церквей, и вот... А на возвышении в самом центре стояла точная копия оригинального Храма мормонов.

Арлин указала в сторону комнаты отдыха.

- Здесь, - сказала она, уточняя очевидное.

Нам потребовалось минут двадцать, чтобы пересечь малый Храм. Над нами возвышался потолок его современной версии, усеянный драгоценными камнями, которые, должно быть, из жутко дорогих вещей превратились в красивые безделушки. А я-то надеялся, что за пятьсот лет человечество научится производить идеальные драгоценные камни.

Но видок все равно был загляденье. Они не просто усыпали потолок сверкающими бриллиантами – они изобразили целые зарисовки в цвете, используя все возможные камни, от рубинов до изумрудов, синих сапфиров, гранатов. Ну и без бриллиантов не обошлось. Это не была показушная красота, ведь теперь каждый бродяга с улицы мог оформить свою коробку в таком стиле, но оторвать глаз все равно было сложно.

Взглянув в последний раз на сцену, где ангелы показывали Отцам Церкви Солт-Лейк-Сити (еще до того, как он стал Солт-Лейк-Грэд), я проследовал за Арлин во внутреннее помещение Храма. Мне казалось, что она даже не взглянула на потолок.

Внутреннее помещение выглядело в точности как и раньше. Абсолютно. Не могу гарантировать, но как по мне, если сделать полупрозрачный снимок старого Храма и наложить его на такой же снимок нового, они идеально сойдутся друг с другом, за одним исключением: внутри нового помещения было абсолютно пусто, не считая невероятно красивого органа – и могу поспорить, последний был в идеальном состоянии.

Мы медленно переставляли ноги, а звуки наших шагов подхватывало меланхоличное эхо. Арлин склонила голову. Не думаю, что она молилась – скорее, была потрясена тем, что находится в том месте, где жил ее возлюбленный. И где его жизнь оборвалась. Я хотел взять ее за плечо, успокоить, но все-таки сейчас она хотела быть рядом совсем не со мной.

Впереди я увидел черный круг на полу. Подойдя поближе, я понял, что это круглая дыра. Дыра в полу? Когда нас разделяло десять метров, послышался скрежет. Когда мы подошли к ней вплотную, я увидел платформу небольшого лифта... и стоящую на ней одинокую фигуру, что поднималась из темных глубин, чтобы поприветствовать нас.

Арлин замерла в удивлении.

- Джилл! – закричал я и бросился вперед.

- Стоп, стоп! – ответила Джилл, выставив руки. – Попридержите коней, ребята. Я на самом деле не я – в смысле, я на самом деле не здесь. Это просто трехмерная проекция, и если ты попытаешься заграбастать меня в объятия, то пролетишь сквозь меня и рухнешь на колени... Флай.

Она выглядела в точности как тогда, когда мы с ней распрощались – год и пять веков назад. Может, она чуть выросла, но ее волосы остались такими же светлыми и беспорядочно уложенными. У нее была та же полуулыбка и такие знакомые глаза, она все еще не наносила макияж (слава Богу). На ней был потрясный черный кожаный пиджак, лайкровые гимнастические шорты, обтягивающие ее зад и бедра и прозрачные пластиковые боевые сапоги. Я встал и уставился на проекцию. Готов поставить зарплату за два месяца, что это действительно была та самая Джилл. Наша Джилл.

- Черт возьми! – крикнула она мгновение спустя. – Вы в самом деле Флай и Арлин!

- Мы сто раз это говорили! – воскликнула моя боевая подруга.

- Ну да. Но я вам не верила, даже когда вы ответили, ну, на тот вопрос. Теперь, когда вы здесь, я провела ДНК-тест. Похоже, что вы – это действительно вы!

Анимированное изображение Джилл (просто программа искусственного интеллекта, по ее же словам) открыло рот в точности как это сделала бы живая Джилл. Она наклонилась и положила обе руки на колени, чтобы взглянуть на нас с другого ракурса.

- Блин, как вам удалось прожить четыреста восемьдесят три года? Ах, да... относительность! Так ведь?

Арлин кивнула, шмыгнула и вытерла нос рукавом своей формы.

- Джилл, я... не хочу выглядеть бестактной, но...

Пятнадцатилетняя девчонка встала в полный рост и сложила руки таким образом, что стала намного больше походить на подростка своего возраста.

- Не волнуйся, Арлин. Я не собираюсь проецировать рядом с тобой голограмму Альберта. Ты бы такое не оценила, понимаю. Я здесь с другой целью – проводить вас вниз на лифте. Там вас ждет сюрприз.

Она подождала немного, и когда никто из нас не шелохнулся, нетерпеливо поманила рукой.

Мы встали к ней на платформу, которая в то же мгновение поехала вниз. Я не задавал голограмме никаких вопросов – просто не знал, о чем спрашивать. Я решил, что все это может подождать. Мы всегда сможем вернуться сюда и расспросить ее, как прошла ее жизнь. И даже получить копии написанный ею книг, с автографами! Я бы ее пристрелил, если она не сохранила для нас парочку

копий. Вот только она уже была долгое время мертва и похоронена, или что там сейчас делают с мертвыми.

От этих мыслей мурашки по коже побежали. Я много раз украдкой смотрел на «Джилл», пытаюсь не думать о том, что она давным-давно мертва. Хотя я и знал заранее, что все эти гонки по Вселенной на околосветовых скоростях не принесут ничего кроме страданий, желудок все равно свернулся в узел. Черт возьми! Я делал то, что должен был. Мы оба делали то, что должны! Ну почему, во имя всех святых, нам пришлось заплатить за это такую ужасную цену? Все, кого мы когда-либо знали – кроме нас самих – были давным-давно мертвы!

Мы спускались около шести минут. В шахте было черным-черно, но в конце концов мы увидели светящуюся синюю дверь. И проехали мимо нее без остановки!

- Первый уровень подземелья, - объявила Джилл. – Кнуты и пытки. Прессы, железные клетки и летучие мыши.

Ее поза точь-в-точь повторяла положение «вольно»: ноги на ширине плеч, плечи расправлены, руки заложены за спину.

Мы спускались еще какое-то время. Я вытянул руку вперед и почувствовал, как пальцы скользят по стенам шахты. Платформа шла вниз медленно, неторопливо... как и подобает лифтам в святом месте.

Еще одна дверь возникла в поле зрения, на этот раз красная.

- Второй уровень подземелья, - сказала Джилл. – «Железные девы», тиски для пальцев, клетки с крысами... женское нижнее белье.

Арлин хрюкнула, всеми силами стараясь сдержать улыбку. В конце концов, это святое место!

К третьему этажу мы спускались дольше всего. Могу поклясться, что мы проехали двенадцать минут в тишине. Ну, может, чуть меньше. Перед нами возникла простая деревянная дверь, и платформа наконец остановилась. Дверь открылась, явив нашему взору свободный коридор.

- Третий уровень подземелья, - продекларировала Джилл. – В-С-Е-М на выход!

Мы вышли из лифта и я остановился, ожидая, пока Джилл к нам присоединится. Она лишь покачала головой.

- Прошу простить, капрал... то есть, сержант...

- Лейтенант, - поправила ее Арлин.

- Правда? Круто! Прошу простить, лейтенант и... э-э... младший капрал. Ни одна голограмма не должна покидать платформы. Это вроде как правило.

Грустно улыбнувшись, она медленно растворилась в воздухе – сначала ноги, потом все выше и выше, пока не осталось ничего кроме этой самой улыбки. А мгновение спустя исчезла и она.

Арлин вздохнула.

- Мне всегда нравилась эта книга, - выдала она свой очередной фирменный бессмысленный комментарий.

Коридор уходил в стороны в обоих направлениях, но прямо перед нами мелом было нацарапано «Д.Л.» и указывающая влево стрелка.

- Джилл Лавлейс, - одновременно сказали мы с АС.

Мы пошли туда, куда указывала стрелка.

Нам пришлось миновать целую сотню всяких поворотов, закоулков и дверей. Здесь, на третьем этаже этого «подземелья», был целый лабиринт! В основном нам попадались офисы, но некоторые помещения выглядели как лаборатории. Совсем не похоже на танки и части артиллерийских установок, хранившихся под оригинальным Храмом, но и построен его младший собрат в более мирные времена. Мы бы моментально заблудились без написанных мелом инициалов и стрелок. Я был благодарен за такую отсылку к самому первому нашему заданию: на Фобосе именно так я понял, что Арлин до сих пор жива, и нашел ее.

В конце концов стрелки привели нас к двери в огромную лабораторию. Через окошко в двери я увидел комнату, такую же просторную, как и внутреннее помещение Храма, но забитую лабораторным оборудованием. Детектор движения засек наше приближение и выдвинул перед нами сенсорную панель размером с ладонь.

Мы с Арлин остановились и обменялись взглядами. Меня взволновал проблеск дикой надежды в ее глазах.

- Слушай, Арлин, отпусти ты уже свои мечты. Ты же знаешь, что Альберта мы не найдем, так хватит постоянно думать об этом! Я не хочу, чтобы ты была разбита потом, когда мы узнаем всю правду. Она лишь посмотрела на меня в ответ, выражение ее глаз ничуть не поменялось.

- Ты собираешься ее открывать, или это мне сделать?

Я склонил голову. Уверен, замок открывал отпечаток любой из наших ладоней. Все они были в старой базе данных ФБР, и Джилл наверняка взяла их оттуда. Арлин вытянула руку и, помедлив момент, дотронулась ладонью до панели. Я услышал громкий щелчок, и дверь отъехала вниз так быстро, что я почти не заметил ее движения.

Мы зашли в огромную лабораторию, и дверь закрылась за нами, снова запертая на замок. Программа ИИ Джилл вполне могла запереть нас здесь, и тогда мы не выберемся, пока она сама не решит нас освободить. Мы немного походили вокруг, оглядывая комнату: столы, столы, столы, заваленные сложными механизмами и странными закрученными трубками. Штабеля крошечных устройств, подозрительно похожих на компьютеры, соединенные в нейронную сеть. Капсулы, достаточно большие, чтобы вместить человека. Капсулы, в каждой из которых был человек. Несомненно, они находились в какой-то форме стазиса. Вокруг было расставлено полно изделий из стекла – пробирки, мензурки, флаконы... все понимают, о чем я, но в лаборатории на такие вещи не обращаешь внимания – мозг подмечает их на автомате.

В центре помещения возвышался большой саркофаг, похожий на те, в которых хоронили мумий. Мы подошли к саркофагу. Я вытянул руку, но Арлин схватила ее, чуть не переломав мне кости. Я точно знал, кого она ожидала там найти и кого точно не найдет. К сожалению, я оказался прав. Когда мы подошли ближе, стало очевидно: кто бы там ни был похоронен, это не Альберт. У этого кого-то были мои пропорции тела, а для Альберта саркофаг был слишком мал.

Но никто из нас не был готов к тому, что мы увидели: внутри саркофага лежало тело пятнадцатилетней Джилл! На ней не было одежды, она лежала в спокойной расслабленной позе, и со стороны могло показаться, что она просто спит. Разве что ее грудь не вздымалась.

Арлин склонилась над саркофагом, пока я оглядывал тело, стараясь не смотреть туда, куда мне смотреть не положено.

- Господи, Флай, - произнесла девушка. – Это же клон!

- Э-э... клон? Как ты узнала?

Арлин протянула руку, достала дощечку и показала ее мне:

Спящий Клонии...

Пальчик уколов, она забылась вечным сном,

И сотни лет ей суждено лежать во сне в том,

Пока в один момент она не пробудится

От поцелуя прекрасного принца.

Мы с Арлин уставились на Джилл.

- Ты правда думаешь, что она жива? – спросил я.

Арлин покачала головой.

- Джилл бы так себя консервировать не стала. Она предпочла бы прожить нормальную жизнь и умереть естественной смертью, или по крайней мере заморозиться, будучи взрослой. Нет, готова поспорить, что это клон, выращенный до того возраста, какой она была, когда мы улетели. Должно быть, она не помнит ничего, что было после.

- А нас она вспомнит?

- С чего бы ей нас забывать? В настоящей Джилл не было столько жестокости, чтобы так с нами поступать, Флай... чтобы мы узнали ее, но она не узнала нас. Чтобы мы увидели ее такой же замкнутой и угрюмой, какой она была, когда монстры убили ее родителей.

Арлин осторожно коснулась стеклянной поверхности саркофага.

- Подожди еще немного, родная. Мы вернемся за тобой, как только посмотрим на твой подарок.

- Может, это он и есть, - предположил я, указав на тело, но Арлин энергично покачала головой.

- Включи мозги, Флай! Она, конечно, та еще зараза, но точно не такая эгоистка!

Наверху лежала брошюрка. Я взял ее и пробежался по ней глазами, после чего остановился и воскликнул:

- Святая корова! АС, ты знаешь, что это такое?

Я протянул ей буклет. Заголовок гласил: Все секреты деконструктивистов в Самой Тупой Войне в Истории Галактики. Автором значилась Джилл Лавлейс, доктор философских и юридических наук, дипломированный аудитор.

Здесь приводилось краткое содержание, но мы оба знали полную историю. Каким-то образом Джилл удалось выведать у кого-то – может, у клэвийцев, дядюшек Сэарса и Робака? – все тайны, до которых мы не докопались. Даже главную цель всей этой войны! Все верно, Шестимиллионлетняя Война началась как еще один стратегический ход Фредов-деконструктивистов, планировавших между делом захватить Землю и уничтожить человечество. Все началось с этой войны.

Я не буду цитировать текст целиком. Он объемён и написан очень неплохим языком, а я не хочу выглядеть еще большим дураком, пытаясь без ошибок пересказывать все это компьютеризированным сленгом Джилл. Вместо этого я вкратце расскажу о самом обидном, самом унижительном... или, по мнению Арлин, самом смешном секрете: война, которая длилась вот уже шесть миллионов лет, началась из-за разногласий двух школ литературного критицизма!

В конце концов нам удалось составить полную картину. Согласно записям Джилл, так называемая «Древняя Раса», построившая первые Врата и раскидавшая по галактике зоны искусственной гравитации, оставила после себя крайне скудное наследие – одиннадцать фрагментов истории.

Вот и все, из-за чего началась изощренная технологическая гонка, которая продолжалась как минимум три миллиарда лет: Врата, зоны гравитации и одиннадцать отрывков истории. Все технологические гонки в галактике, стартовавшие примерно в наше время (шесть-семь миллионов – совсем незаметный отрезок на временной шкале в три миллиарда лет), начались с целью провести анализ этих фрагментов. Каждая раса использовала свои методы и строила свои теории, свои школы литературного критицизма. Но поскольку литературный критицизм в своей основе – не что иное, как проекции заморочек критика, на деле у всех получались разные картины того, кем были представители этой Древней Расы.

В конце концов словесная война переросла в настоящую, и многие важные литературные критики пали на поле боя. Правда, это уже никого не волновало. Но когда представители одного объединения – деконструктивисты – решили положить конец спору и «деконструктивировать» Клэйв (в чем потерпели поражение), Великое Разделение Мнений стало законом, а потом и обычаем, который в миллиард раз крепче любого закона. Шесть миллионов лет, плюс-минус месяц, деконструктивисты и гиперреалисты пытались стереть друг друга в порошок и распространить свое учение по всей галактике, чтобы нужным образом переписать историю.

Вот и вся причина! Как сказала Арлин, цитируя «1984»: Кто имеет контроль над прошлым, тот контролирует настоящее. Кто контролирует настоящее, тот контролирует будущее.

И когда наши предки только-только слезали с деревьев, глядя в ночное небо и считая Луну глазом Бога, эти чудаки убивали друг друга по всей галактике за свои чудные интерпретации одиннадцати фрагментов. А когда они устали выбивать дух друг из друга, деконструктивисты решили принести свое слово на нашу родную планету! Блин, эта Вселенная полна чудес. Я всем сердцем люблю каждый ее сантиметр. Нет, правда.

Я отложил брошюру, сопротивляясь желанию запустить ее через всю комнату. Гори они все в аду - и гиперреалисты, и деконструктивисты, и все им подобные! Мне совершенно до лампочки эти одиннадцать фрагментов, я знаю миллион других способов бесцельно потратить время.

Мы бродили вокруг пару минут, и вскоре я услышал радостный вскрик Арлин. Еще один указатель! Надпись «Д.Л.» и стрелка, указывающая в маленькую комнатку.

Та была закрыта на самую обычную дверь со старомодной ручкой. Я повернул ее, и дверь отворилась.

В комнатке было пусто, не считая одного карточного столика, на котором даже пыли не было. На столике стояла маленькая черная коробочка с одиноким немигающим желтым огоньком. Мы с капралом вместе подошли к столику и вместе увидели одно-единственное слово на левой стороне коробочки. Оно было написано от руки, и я сразу узнал ужасный почерк Джилл. Одно-единственное слово: Альберт.

Мы уставились на коробку. Ноги Арлин подкосились, и она неуклюже рухнула на задницу, но не отвела взгляда от коробки с желтым огоньком.

Альберт!

Альберт?

Я не знал, что сказать, поэтому решил молчать в тряпочку и просто быть морпехом. *Semper fi*, Мас... Я могу понять, когда мне стоит признать поражение!

22

Ход нашла Арлин, но Шмыг Прыг радовалась этому больше всех нас, вместе взятых. Все остальные апостолы - Псих, Хмык, Чавк, Проглот и зомби рядового Додда – были созданы внутри симуляции «естественным» путем, имитирующим рождение из сосудов, генетически запрограммированных Фредами на создание монстров.

Но Шмыг была особенной. Она была «первой и единственной», как она сама себя нарекла. Ее напрямую запрограммировали Новички, еще до того, как остальная часть симуляции начала работу. И Шмыг помнила, что было до того, как началась симуляция. Новички сделали ее умнее, чем сами хотели. Они явно не предполагали, что кусок программного кода запомнит момент своего рождения, а потом у него появится свобода воли.

После прохода через разлом мы обшарили всю эту пещеру в форме звезды, но не нашли никакого другого выхода, кроме огромных Врат.

- Это все я, - сказала Арлин, уныло склонив голову. – Отлично помню, как в прошлый раз я почти сутки обшаривала эту пещеру, прежде чем сдаться и пройти через Врата.

Земля была покрыта частями мертвых растений, а от серной вони я чуть не упал в обморок. Колючкам, похоже, этот запах нравился, и даже лицо Додда стало выражать чуть меньше страданий. Небо над головой словно сошло с негатива пленки – белое, с черными точками звезд. Я старался не смотреть на него – при каждом взгляде у меня начиналось такое головокружение, которое я даже в невесомости не чувствовал.

- Флай, - позвала моя подруга. – Я пытаюсь вспомнить, как Олестрадамус смог избежать своей смерти в лапах адских принцев. Он выжил, не так ли? Он ведь ждет нас где-то здесь?

Я тоже попытался это «вспомнить», но все еще слишком хорошо помнил настоящую смерть Олестрадамуса. В конце концов мы оставили это занятие. Несчастной тышке так и суждено остаться нашим первым мучеником.

Черт возьми! Что это за осознанные сновидения такие, если на самом деле я не могу тут все контролировать? Ответа на этот вопрос у меня не было, так что я просто молча указал на Врата.

Взявшись за руки, мы проскочили через них, после чего буквально пролетели весь Деймос, избегая знакомых ловушек, обратив несколько других монстров и убивая всех, кого не могли обратить. В нашем взводе появился Клайд (несмотря на мои заверения, что впервые генетически запрограммированных пулеметчиков я встретил уже на Земле), еще три колючки и орава ковыляющих товарищей для Додда. Мы даже толстяка смогли обратить, но этот уродец размером с небольшую планету и ракетницами вместо кистей рук (Пухлая Обезьянка, как он сам себя назвал) был таким толстым, что никак не мог поспевать за нами. В конце концов я нарек его нашим первым миссионером и отправил своим путем, чтобы он нес наше слово другим своим собратьям.

Но прежде, чем мы добрались до мерзкого паука на самом нижнем уровне Деймоса, Арлин наконец смогла найти Ход.

Она начала искать его, вспомнив три семестра программирования, которое ей преподавали в колледже.

- Флай, - прошептала она, пока мы ползли по канаве, где она в первый раз прикончила Додда. – В любую написанную нами программу мы встраивали бэкдоры, «черные ходы». Может и в программе Новичков они есть!

- Что еще за черные ходы такие?

Девушка облизала губы, указывая стволом винтовки калибра .45 на ковыляющего вдалеке розового демона. С такого расстояния он не мог нас учуять. Мы не волновались о том, что он нас услышит. Розовые демоны так шумно дышат и передвигаются, что не услышат и товарняк, на всех парах несущийся им навстречу. Но кроме него здесь обитало еще несколько тварей с прекрасным слухом, так что лучше было сохранять тишину.

- Когда ты хочешь проверить работу программы, то создаешь стандартные тесты и устанавливаешь значения переменных на... ну, на что хочешь.

- Ага, установка переменных. Снова эти штучки из колледжа. Как это нам поможет, капрал?

Колледж – коварная штука. Поступаешь туда, чтобы выучить пару вещей, трах, бах – и вот уже носишь лейтенантские погоны на плечах. Нет, спасибо. Никогда не хотел быть офицером. И никогда не хотел в колледж.

- Тебе нужна особая комбинация, - ответила Арлин. – Что-то вроде пароля для доступа к этим процедурам. Если он у тебя есть, ты можешь заставить программу работать особым образом. Или исследовать ее, оставаясь невидимым для самой программы. Ходить сквозь стены словно призрак. Словно этих стен и не существует вовсе.

Я посмотрел на грубую каменную стену слева от нас.

- Хочешь сказать, если мы найдем этот черный ход, то сможем пройти прямо сквозь эту стену?

- Флай, если мы отыщем бэкдор, то сможем выбраться из самой симуляции и затеряться в операционной системе корабля.

Я уставился на нее, ощутив прилив надежды – первый за все дни, проведенные в симуляции.

- Бог мой, Арлин. Наверно мне все-таки стоило отучиться в колледже.

Мы обменялись взглядами, пораженные словами, которые только что вырвались из моего рта.

- Не волнуйся, просто пошутил, - объяснил я.

- Ладно... вот, сейчас вспоминаю.

Она уставилась на стену, кряхтя от напряжения в попытках «вспомнить» о Ходе. Девушка вся вспотела, но стена оставалась такой же, как и прежде.

- Черт, я не могу это вот так просто представить!

Слишком громко. Целая орда импов услышала ее слова и направилась к нам выяснить источник звука.

Мы палили по ним из укрытия, пока они швырялись в нас своими кислотными шарами. Я снова получил слизью в лицо и ослеп. Черт возьми! Арлин отступила, снова и снова спуская курок ручной винтовки, которую она прихватила из шкафчика в комнате в виде перевернутого креста на Деймосе. Ей было проще держать в руках то оружие, из которого она стреляла долгое время до этого. Я пытался стрелять из двустволки, но лучше, чем из Сиг-Кау, у меня все равно не вышло.

Колючки подобрались достаточно близко, чтобы их собратья из нашего взвода открыли ответный огонь. Импы не знали, что и думать! Какое-то время они продолжали швыряться своими комками слизи, а когда поняли, что их атакуют те же импы, у которых к слизи иммунитет, развернулись и умчались куда подальше.

Арлин подлатала меня, достав аптечку, которую прихватила из того же ящика, откуда и винтовку, и где мы нашли две униформы (правда, без брони), чтобы прикрыть наготу после прыжка через Врата. Додду мы дали дробовик, и он был даже доволен брести за нами в чем мать родила, но Арлин покраснела и велела ему одеться. Должно быть, вид бывшего парня без одежды, которого ей однажды уже пришлось убить, будоражил в ней слишком много плохих воспоминаний. А плохие воспоминания в этом месте могли превратиться во вполне реальных врагов.

Я думал о Ходе. Или о том, что вокруг слишком мало Ходов.

- Думаю, мало просто пытаться визуализировать. Ты должен действительно поверить в его существование.

- Я так и делаю!

- Видимо, недостаточно стараешься. Надо ожидать его появления, ждать его с нетерпением, представить его на каком-то расстоянии впереди и поверить в него так, будто от этого твоя жизнь зависит.

Она села рядом и ухватила меня за плечи как испуганный любовник.

- Это ужасно, Флинн Таггарт. Значит, нам надо спуститься еще ниже, не так ли?

- Боюсь, именно так, АС.

Арлин медленно кивнула.

- Так, Флай, кажется, начинаю вспоминать. Я знаю, где нам найти Ход.

- И где же он?

- Тремя уровнями ниже. Помнишь тот внутренний дворик, полный телепортаторов, которые

отправляли нас в разные комнаты? Он там, в задней части двора.

Я попытался вспомнить. Последний раз мы были в этом дворе много месяцев (и тысячи монстров) назад, и детали успели стереться из памяти. Но, кажется, я наконец вспомнил, о чем она.

- Отличная работа, детка, просто продолжай представлять его. Когда мы туда доберемся, то увидим его, гарантирую.

Я надеялся, мне не придется брать свои слова назад, но единственным способом проверить наш трюк – быть на сто процентов уверенным в истинности слов Арлин. Может, моя уверенность окажется заразной.

Тремя уровнями ниже мы вышли во двор. Я решил, что лучше сначала зачистить центральные строения, в которых прятались тыквы, колючки и адский принц. Слишком большая сила, чтобы ее игнорировать.

Когда нас стало так много – буквально целая армия – мы смогли использовать тактические приемы. Арлин вызвалась идти первой, что значило, что она будет прыгать из одного телепортатора в другой, пока один из них не вернет ее обратно в центр двора и вместе с этим не откроет дверь одного из зданий.

Она так и сделала. Появившись в центре двора, она взглянула в глаза адского принца, пронзительно закричала и плюхнулась мордой в грязь. Умная девочка. Мы раскрыли свои позиции и одновременно со всех сторон открыли огонь по бедному принцу.

Минотавр так и не понял, что его убило. Девять комков горячей слизи, пулемет, дробовики, моя собственная М-14 системы Браунинга (да, я все-таки нашел ее!) – и адский принц отшатнулся к стене здания, неспособный швырнуть светящийся шар в ответ.

Мы повторили этот трюк с другими тремя зданиями, и в конце концов получили четыре пустых бункера и одну сбитую с толку женщину-морпеха. Я помог ей подняться, подхватил за руки, и мы направились к тому месту, где оба ясно представляли себе Ход.

Он был закрыт железной дверью. Я потратил на нее несколько рожков, прежде чем Шмыг сделала шаг вперед и спросила:

- Может эта вам помочь? – спросила она, и прежде чем я успел что-либо сказать в ответ, она с размаху запустила своими когтями в дверь рядом с замком, разрезая дерево и в буквальном смысле выдирая замок. Разломанная дверь медленно отворилась, скрипя как неупокоенный призрак.

Внутри в ожидании гостей сидели три зомбака. Рядовой Додд кинулся вперед, оттолкнув нас, и влетел в комнату. Он прошагал к своим мертвым братьям (двум братьям и одной сестре) и «заговорил» с ними на языке хрюканья и стонов.

Зомби женского пола вскинула винтовку и сделала одиночный выстрел. Пуля попала в Додда, вырвав всю его нижнюю челюсть. Какой-то момент мы были слишком потрясены, чтобы что-то делать. К Арлин способность действовать вернулась быстрее, чем к вашему покорному. Выставив перед собой винтовку калибра .45, она шесть раз выстрелила навскидку. Все три мертвеца упали на пол, прежде чем хоть кто-то еще успел спустить курок. Арлин прикончила их на автомате, даже не задумываясь о том, что делает.

А потом она бросила винтовку и помчалась к Додду, который шатался туда-сюда, не понимая, что происходит. Она положила голову гниющего трупа к себе на колени.

- Прости, - нежно прошептала Арлин. Не думаю, что в этот момент для нее существовал кто-то другой на всем свете.

- Прости! Я не хотела в тебя стрелять, но была обязана это сделать! Прости, пожалуйста, мне так жаль, так жаль...

Я понимал, у кого она на самом деле просит прощения – у настоящего Додда, который давным-давно умер. Зато сама Арлин была жива, и ей требовалось прощение.

Как это произошло, я не знаю. Должно быть, ее воспоминания о настоящем Додде стали слишком яркими. На какое-то мгновение рядовой протянул руку и провел ею по щеке Арлин! Ни один зомби на моей памяти не был способен на такое. Спустя мгновение рядовой испустил дух. Снова.

Я отвернулся и повел свой взвод внутрь здания. Несколько минут я слышал за спиной плач, а потом он резко прекратился, словно кто-то щелкнул переключателем. Арлин любящая была мертва. Младший капрал Сандерс присоединилась к группе и объявила:

- Мы найдем Ход за дальним правым поршнем. Осторожнее – они могут развалиться. Ход нашла Арлин, но Шмыг Прыг радовалась этому больше всех нас, вместе взятых.

- Мост! – закричала она, подпрыгивая на месте и так энергично махая лапами, что отломила кусок от одной из стен здания.

- Мост – ведет к другому месту!

- К другому месту? – переспросил я.

Голос Арлин звучал отстраненно и был удивительно непохож на тот, которым она говорила обычно.

- Она права, Флай. Этот мост приведет нас к операционной системе корабля.

- Откуда ты знаешь?

Она виновато улыбнулась и пожала плечами.

- Да просто помню, вот откуда.

Я не стал возражать. Дверь была похожа на вход в банковское хранилище, с замком в самом центре. Десять колец, на каждом выгравированы буквы от А до Я. Механизм прост до безобразия: нужно выстроить кольца так, чтобы на них читался пароль, потом дернуть большой рычаг и открыть дверь. Единственный минус такой системы – неплохо бы заранее знать верную последовательность букв. Итак, сколько у нас возможных вариантов? Дайте подумать. Полагаю, не больше ста пятидесяти триллионов.

- Ну что ж, - сказал я со вздохом. – Думаю, пора начинать подбор. У кого какие варианты? Я оглянулся, но никто не предлагал свои варианты.

- Хотя, подождите. У меня есть идеяка.

Улыбаясь от уха до уха, я установил кольца так, чтобы они образовывали слово П-А-Р-О-Л-Ь-Пробел-Пробел-Пробел-Пробел, после чего дернул за рычаг.

Что-то где-то щелкнуло, и дверь открылась.

Я стоял в проеме, раскрыв рот и тупо глядя перед собой. Если бы по ту сторону двери оказался медведь, он бы напал и без труда загрыз меня. Если бы там была змея, она задушила бы меня в своих объятиях. Пароль «ПАРОЛЬ»? Ничего глупее в жизни не видел! Когда я проходил курсы повышения квалификации по прикладной криптографии в Монтерее, среди тамошних студентов ходила одна известная шутка: он был такой тупой, что даже в качестве пароля везде ставил слово «пароль».

Очевидно, Новичкам и в голову не могло прийти, что кто-то отыщет один из их черных Ходов. Я улыбнулся. Чем больше узнаю о Новичках, тем больше они напоминают мне тех парней из колледжа. Значит, все проще, чем казалось сначала. Я легко уделаю любого парня из колледжа.

Выставив оружие наизготовку, мы прошли через Ход. Я двигался первым, за мной была Шмыг, Арлин замыкала строй, а все остальные находились между нами – наше стандартное построение. Ход привел нас к длинному коридору. Очень длинному коридору! Как минимум шесть километров пути, прямого как стрела.

В конце коридора нас ждала еще одна дверь – точная копия предыдущей, только без кодового замка. Я резко распахнул ее, готовясь к худшему.

Но к тому, что увидел, я не был готов. Передо мной возникло двухметровое существо, черный панцирь которого был покрыт миллионами и миллионами извивающихся ресничек. Если не считать их, этот круглый пузырь без глаз, ушей и каких-либо других органов чувств сидел абсолютно неподвижно.

Что ж, ответ мы нашли. Осталось понять, каким был вопрос.

23

- Баг? Огромный, мать его, жук²⁰ – это все, ради чего мы сюда прорывались?

Арлин явно была недовольна. Она обошла всю крохотную комнатку, разглядывая жука со всех сторон. Впрочем, он выглядел одинаково, с какого ракурса ни взгляни.

- Не думаю, что его можно отнести к насекомым, - сказал я.

- Да какая разница? Жук – он и в Африке жук!

- Капрал, не забывай, где мы находимся, - приказным тоном отчеканил я, и она тут же заткнулась.

- Через что мы только что прошли? О каком Ходе ты вспомнила, АС?

- Понятия не имею, серж. О черном Ходе.

- Давай, напряги извилины. О чем ты думала? О каком черном Ходе?
- Ну, что-то вроде той штуки, через которую они высосали наши души. О той игле, которую засунули мне в нос и которой проткнули мозг. Что-то вроде этого.

Закрыв глаза, я долгое время молчал, стараясь представить эту систему.

- Арлин... ты говоришь, что все это время, пока мы преодолевали последние три уровня, ты думала, что тот всасыватель душ и есть черный Ход?

- Именно так.

- Что ж. Полагаю, именно его мы и нашли.

Она посмотрела на меня глазами по пять рублей.

- Это и есть всасыватель душ?

- Почему бы и нет? – я указал на шестикилометровый коридор, по которому мы шли целый час. – Разве он не похож на ту самую иглу? Очень даже похож. Так почему он не может быть ей?

Арлин снова повернулась к жуку. За моей спиной Шмыг, ее суженый Чавк и остальные члены взвода с нетерпением ждали, не понимая всего, о чем мы говорим.

- Убьем жжжука? – предложила Шмыг, облизывая губы.

- Не сейчас, солдат, - приказал я.

- Флай, даже если это и есть игла, которая помещает душу в систему, что за хрень тогда этот жук?

Я поднял руки в защитном жесте.

- Мне-то откуда знать? Может, тоже чья-то душа?

- Кого-то и Реани-людей? Они что, и над ними свои эксперименты проводили?

- Ну раз на корабле больше никого нет, твое предположение очень похоже на правду, АС.

Она закатила глаза, не оценив мой сарказм.

- Тогда почему он не похож на человека? Ты ведь похож сам на себя в моих глазах. И, полагаю, я тоже похожа сама на себя... а этот почему тогда выглядит как огромный жук, опутанный тентаклями?

Ответ пришел в наши головы одновременно, и мы оба выкрикнули:

- Потому что... это душа Новичка!

- Вот блин, - добавила моя подруга. – Ты не можешь ничего сказать, Флай, пока что-то не произнесет твоего имени.

Я обошел жука по кругу, стараясь свыкнуться с мыслью, что смотрю на душу Реаниматора. Он не был похож на Новичка, но он и не был Новичком – только его душой. Кто знает, как они на самом деле выглядят? Уж явно не так, как наши души. Это был основной принцип, которым руководствовались последние сотни тысяч лет. Сначала клэвийцы, потом Фреды, теперь и Реаниматоры. Может, наши души в их глазах выглядят такими же странными и отталкивающими, как их души – для нас. Может, они так же переполнены злобой и агрессией к нам, как моя душа – ко всем другим расам, даже к клэвийцам.

Разумеется, в отличие от них мы просто защищались. Агрессорами были они. Это они впутали нас в свою войну между двумя школами литературного критицизма, а не наоборот! Мы не вторгались на планету Фредов и не нападали на них. По крайней мере, умышленно. Мы не заражали мозги Новичков. Мы даже не строили наблюдательные посты на Клэйве!

Это все они. Они стоят за всем, так называемые био-мать-их-логические виды галактики, которые даже не считали нас живыми существами, потому что наши души отличаются от их душ.

- Ну ладно! – выкрикнул я. – Если вы, ублюдки, крадете наши души и считаете это нормой, не удивляйтесь, что я поступлю так же.

Убрав винтовку за спину, я сделал шаг вперед, схватил жука и поднял его над полом, игнорируя мысли о том, что он может быть ядовит. Несмотря на свои размеры, существо весило не больше десяти – пятнадцати килограмм.

- Флай! – вырвалось у Арлин, когда она подумала о том, что я проигнорировал. Но со мной ничего не случилось. Я не почувствовал себя плохо, не захотел внезапно спать. Никто меня не укусил. Отростки извивались с бешеной скоростью. Думаю, существо поняло, что происходит что-то нехорошее. Но меня уже ничего не могло остановить. Вон, Новички давно развились настолько, что у них пропала всякая потребность в руках или ногах. А я что, хуже?

- Флай, положи на место!

- Никак нет АС. Мы берем этого пленного с собой.
- Куда берем? – она носилась вокруг как наседка, кудахтая и тыкая в существо своей винтовкой.
- Ты знаешь, куда нам еще идти? Обрато в симуляцию, естественно. Этот Ход закончился тупиком. Кроме этой души мы ничего полезного здесь не найдем.

Внезапно коридор затрясся со страшной силой, отделился от комнаты и понесся вдаль.

- Прыгай, Арлин! – крикнул я. Пропустить ее вперед не было актом милосердия – просто она стояла на моем пути. Она не стала тратить время на вопросы «кто, что, где», как поступил бы гражданский. Арлин была морпехом, а морпехи сначала действуют и лишь потом задают глупые вопросы.

Она вылетела через дверь, и я помчался следом. Маленькая комнатка позади нас (мозг Реани-человека?) улетала вдаль, пока не исчезла совсем. Теперь за дверью была только пустота, самое настоящее ничего, при взгляде на которое у меня желудок в узел завязывался. Так что я туда не смотрел.

- Должно быть, они догадались, что мы вытащили его душу, - сказала Арлин. – И вытащили иглу, пытаюсь отрезать нам путь к отступлению. Вот только мы слишком быстры для них.

- Давай-ка мухой обратно в Хитрый Город, - ответил я. – Пока они не решили перекрыть нам и второй выход.

Душа Новичка была как огромная губка Я догадался опустить ее на пол и катить перед собой. Все шесть километров до Деймоса мы преодолели бегом. Монстры-апостолы, казалось, совсем не устали, а мы с Арлин – и подавно. Пробежка заняла у нас двадцать минут.

Почему бы Реаниматорам просто не уничтожить свою машину? Может, они поверить не могли, что мы можем провернуть то, что провернули. А может, они просто боялись уничтожать душу своего собрата. Что там говорили Сэарс и Робак? Что намеренное уничтожение живой души – самое ужасное преступление в галактике. Настолько ужасное, что ему даже названия не придумали. Даже чисто коллективный разум – интересная форма жизни, которая может быть полезна на войне. Тем хуже, что существ, которые могли бы использовать это преимущество, уже нет среди живых.

Мы возвратились обратно в комнату с поршнями по углам. Еще одна тыква решила заглянуть в нам на огонек. Пока Шмыг Прыг с парнями пытались ее обратить – они кричали историю про нашего великого мученика Олестрадамуса – мы с Арлин положили душу Новичка на землю.

Световой шар пролетел вплотную к моей голове, подпалив кончики волос и заставив все мышцы разом напрячься. Душа Новичка приняла иную форму. Теперь она выглядела совсем по-другому – короткая и толстенькая, а отростки покрывали ее тело как пальто. Я уставился на то, что раньше было жуком.

- Что за черт? Вот так, значит, она выглядит в симуляции?

Арлин покачала головой.

- Не-не-не... смотри, она снова меняет форму!

Она была права. Душа Новичка превратилась в два шара, соединенных миллионом нитей... плоти? соединительной ткани? Это как разделить на две части вязкий комок жеваной жвачки. Цвет ее поменялся с черного на темно-багряный. А потом она снова сменила форму: соединительные нити расширились, приплюснулись, и душа стала похожа на кулинарную лопатку. Комки разъехались в стороны, удлиняющиеся отростки сформировали что-то вроде купола вокруг плоского ядра. Душа переливалась всеми цветами спектра, от темно-красного до светло-фиолетового. Некоторые ее части были прозрачными. Должно быть, они излучали свет на такой частоте, которую наш глаз не способен был уловить.

- Господи, Флай, - выдохнула Арлин. – Оно эволюционирует! Каждую секунду превращается во что-то новое.

Случайный комок слизи от наших колючек просвистел между мной и Арлин. Мы упали на землю и продолжили фантазировать.

- Да, АС, я помню. Помню, как быстро эволюционируют Новички. А ты помнишь?

- Чего? Да один из них прямо перед нами эволюционирует!

- Помнишь, что сказал тот пленник на планете Фредов? Они эволюционируют все быстрее и быстрее, для них нет предела в скорости развития. Помнишь?

Арлин уставилась на меня – ну точь-в-точь университетский очкарик! А потом наконец до нее дошло.

- Да... да, конечно помню! И они становятся все более безвредными для нас, помнишь?

- Арлин, за это время они развились настолько, что даже физическая оболочка им стала не нужна. Видишь, как быстро он сейчас меняется?

Я говорил правду. Новичок менял форму так быстро, что было уже невозможно рассмотреть один его образ, прежде чем он становился чем-то совершенно другим. Я мельком заметил извилистые лапы, миллион ртов, что открывались и закрывались в унисон, даже облако спор! Я отшатнулся в страхе. Меня учили преодолевать страх, но никогда не учили, как обращаться с чем-то подобным!

Но план действий у меня был. Здесь, в симуляции Новичков, все проходило в тысячу раз быстрее, чем в реальности... включая эволюцию Новичка.

Арлин подошла ближе и обняла меня.

- Да, Флай, теперь и я вспоминаю. Как ты и сказал, физическая оболочка им больше не нужна. Им теперь и сама Вселенная не нужна. Они развились настолько, что теперь связаны с, э-э, самой тканью реальности, со всей Вселенной одновременно, со всеми ее измерениями.

- Ага. Да, и я это вспоминаю.

Мне отлично представлялось все то, о чем она говорит.

Мы стояли на месте и вспоминали. Новичок – больше никакой не Реаниматор – стал ощущаться как булавоочный укол, затем, без всякого предупреждения, он взорвался снопом белых искр и беззвучной энергии. Свет проник в нас, освещая нас изнутри. Он продолжал распространяться, не останавливаясь ни на мгновение. Он осветил меня, Арлин, Шмыг Прыг, других апостолов, монстров и всех остальных в этом мире – в симуляции.

Новичок исчез. Арлин никак не унималась.

- Видишь? – сказала она. – Я всегда говорила, что знания в области научной фантастики могут принести пользу.

Я промолчал в ответ. Здорово, что она не приписала эту замечательную идею о том, как один человек спасает все человечество, университетскому курсу философии. Тогда мне было бы куда сложнее с этим смириться.

Я оглянулся и увидел, что бой окончен. Тыква сидела на земле, а Чавк, который говорил разборчивее всех, инструктировал его по новому заданию: вести охоту за неверными Фредами и уничтожать их.

Арлин все никак не могла уговориться.

- Флай, как ты думаешь, он так и слился со Вселенной? Или...

- Забрал ли он своих братьев с собой? Понятия не имею, АС. Может, мы никогда этого не узнаем. Арлин, я... не думаю, что мы когда-нибудь сможем покинуть симуляцию.

Девушка вскинула свои рыжие брови.

- Полагаю, ты прав. Наши пустые тела остались где-то на той планете. Если Новички исчезли, я сомневаюсь, что бывшие Реани-люди знают, как вытащить нас отсюда и вернуть обратно в реальность.

- И что с нами будет? Симуляция не закончится, пока они не выдернут вилку из розетки. А если выдернут...

- Тогда мы все мертвы. И мы даже не узнаем об этом. Но если Реани-люди оставят все как есть...

Арлин нахмурилась и посмотрела на меня.

- Хочешь сказать, что мы можем жить здесь, в симуляции?

Я прочистил горло.

- Не вижу другого выхода, Арлин. У тебя есть другие идеи, солдат?

Я сделал паузу и продолжил чуть более мягким тоном.

- Не так уж это и плохо. Мы отлично умеем вспоминать вещи такими, какими хотим, чтобы они стали. Мы вспоминаем что-то еще до того, как оно произошло в первый раз. Мы с тобой как волшебники, кастующие заклинания. И нам вовсе не обязательно вспоминать тот ужасный мир, где монстры пытаются убить нас каждую секунду!

Я указал на тыкву, которая медленно парила в воздухе и слушала наставления Чавка и Шмыг об обращении в новую веру (две колючки держались за лапы... как трогательно).

- Мы можем вспомнить мир, где эти проклятые монстры уйдут жить в монастыри. Мы можем вспомнить, как вернулись на Землю, как отбили вторжение без миллионных потерь среди землян.

Арлин взглянула на меня, по ее щеке стекла слезинка. Должно быть, просто пыль в глаз попала. Морпехи никогда не плачут.

- Думаешь, я даже смерть Альберта смогу забыть?

- Арлин, если у тебя будет достаточно времени и желания... ну, может, попробуем технику гипноза. Зуб даю, кто угодно способен забыть что угодно.

Я расцепил ее руки и сел на пол, внезапно почувствовав такую усталость, что едва мог держать глаза открытыми.

- По крайней мере, мы умрем, пытаясь это забыть. Он где-то здесь, Арлин... Весь этот мир построен из наших воспоминаний, так что он где-то здесь. Найти его – это просто вопрос времени.

Арлин села рядом со мной, измученная до предела. Ее голос звучал так же устало, как и мой.

- Мы остановили Новичков, Флай. Мы спасли Землю... снова. Это же должно что-то значить, так ведь?

- Думаю, АС, это значит очень много.

- Так если этот твой Кто-то там... существует и наблюдает за нами сверху, может, Он поможет нам отыскать Альберта?

Я лег на спину, чувствуя, как сознание покидает меня и я проваливаюсь в сон. Кажется, я ей ответил, но может, это мне только приснилось. Тот, на кого всегда можно положиться, не наблюдает за нами с небес, Арлин... Чтобы увидеть его, нужно заглянуть в себя, в свою душу.

Я проспал двенадцать – четырнадцать часов и проснулся в дивном новом мире, населенном невероятно причудливыми существами.